

Андрей Велютин

Тайный сыск царя Гороха

Спецслужбы были и будут всегда!

Андрей Белянин

Тайный сыск царя Гороха

Спецслужбы были и будут всегда!

Андрей Белянин

Тайный сыск царя Гороха

– Встать, суд идет!

В душном помещении находится всего несколько человек: подсудимый с конвоирами, двое свидетелей, молодой участковый, адвокат, прокурор плюс два практиканта из Саратовского юридического университета. Дело будничное и скучное.

«Гражданин Д., находясь в нетрезвом состоянии, влез по пожарной лестнице в окно квартиры гражданки М., каковая в это время ушла в магазин за хлебом. Д. взял из квартиры деньги в размере 48 рублей и ценные вещи, как то: магнитофон „Маяк“ 1967 г. выпуска, телефонный аппарат, четыре фужера хрустальных, вазу для цветов деревянную, с росписью под Хохлому, завязал все это в скатерть и пытался совершить кражу. Но, сбегаая по лестнице, поскользнулся, упал и сломал ногу. Вышедшие на шум соседи вызвали наряд милиции, которая и доставила похитителя в отделение, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. От признания себя виновным гражданин Д. отказывается, ссылаясь на то, что был пьян.

Материалы по делу предоставлены участковым Серпуховского отделения милиции г. Москва.

Доклад составлен младшим лейтенантом Ивашовым Н.И.».

Суд выносит приговор, осуждая виновного по статье № 158 «Кража со взломом» к лишению свободы сроком на четыре года с отбыванием наказания в колонии обычного режима. Подсудимый вскакивает с места и кричит: – Не виноватый я! Бес попутал...

– Ку-ка-ре-ку!

Опять тот же сон... Что за напасть? Третий раз за последнюю неделю. Никак не могу толком выспаться... Это было мое первое дело. Особо я себя ничем тогда не проявил, запомнилось лишь потому, что первое и... последнее – в том мире. А солнце уже пробилось сквозь ставни терема и теплым лучом щекотало ресницы. Не хочу вставать...

– Ку-ка-ре-ку!

Уф... убью я этого петуха. Сегодня же скажу Яге, чтобы она из него суп сварила. Никакого сострадания к работникам милиции – будит, зараза, в пять утра!

– Никитушка-а...

Ну вот, легка на помине!.. Сейчас скажет, чтоб я, касатик, вставал, что завтрак на столе, что бумаги царевы еще с вечера не разобраны, и пошло-поехало... В гроб она меня вгонит своей заботой.

– Никитушка... Вставай, касатик, завтрак уже на столе. Самовар кипит, блинчики горячие, а я сметанку из погреба достала. А то ведь сам знаешь, бумаги-то царевы со вчерашнего не разобраны лежат. Нехорошо... А то ить, как осерчает царь-батюшка, он у нас на расправу крут, ведь не сносить тебе головы, сокол ты наш ясный.

– Ох, бабуля... – Я сладко потянулся под пестрым лоскутным одеялом. – Что ж ты меня с утра пораньше, да все запугиваешь? У нашего Гороха на все царство-государство только один младший лейтенант милиции. Не будет меня, кто здесь еще работать станет?

– И не говори, голубчик, окромя тебя-то уж точно некому, – любезно поддержала меня Баба Яга, но линию свою гнула твердо: – А ты все равно вставай. Чай, не забыл, что Гришка с Никишкой с вечера в порубе сидят, твоего разбирательства дожидаются.

Вот так... Не мытьем, так катаньем, но бабка своего добьется. Да я и спорю-то больше для проформы. Ясное дело, что поспать больше все равно не удастся. Ладно, пойду съем чего там наготовили и – за дела. Никишка с Гришкой – это два лопуха из соседней Подберезовки. Вчера упились медом у ярыжки – и давай прохожих задирать. Народец здесь не трусливый, повязали охламонов да к нам в холодную. Ну, ночку они в порубе провели, протрезвели, образумились. Выпускать их надо к лешему, Митяй обоим по затылку даст и на свободу с чистой совестью. Я встал, распахнул окно, сделал несколько коротких гимнастических упражнений. Хорошо!.. Умылся в лохани, снял с гвоздя чистое полотенце, вышитое крестиком, вытерся, натянул форму и спустился вниз. Моя домохозяйка хлопотала у широкого стола. На белой скатерти был приготовлен настоящий пир – здоровенная гора блинов, две миски – с медом и сметаной, клюква моченая в туеске, парное молоко в крынке и непременно самовар.

– Ну, бабуся, ты у меня просто прелесть! – Я чмокнул старушку в щеку и бухнулся на скамью. – Сейчас поем, а потом быстро за дела. Митяй еще не подошел?

– Как не подошел, касатик? Он еще до петухов на завалинке сидел, все тебя дожидался.

– Буду... скоро буду... – прочавкал я.

Яга присела на табуреточку у печки, не сводя с меня умиленного взгляда. Должен признать, что царь проявил редкую проницательность, поселив меня на квартиру именно к Бабе Яге. Старуха давно скучала одна, замужем не была сроду, ни детей, ни плетей – вот и изливала на мою скромную особу весь запас нерастраченной материнской нежности. К тому же в деле сыска была просто бесценным информатором. Откуда что знала – ума не приложу...

– Никитушка... Я вот все спросить хочу, а почему ты каждое утро к столу при всем параде выходишь, а?

– Не при всем... китель и фуражка остались в сенях. А форма нужна для солидности. Ты ж знаешь царских гонцов – ни свет ни заря все ломятся со своими депешами. Не могу же я их в рубахе да подштанниках встречать? Уважать перестанут.

Я врал. Просто милицейская форма – это то небольшое, что еще связывало меня с моим миром. Уже почти два месяца, как я заброшен в сказочную страну, неизвестно какое царство-государство, и несу привычную службу по охране закона и порядка. Живу в столице, большом по здешним меркам городе, под названием Лукошкино. Правит им царь Горох. Крепкий неглупый мужик с густой бородой и прогрессивным взглядом на жизнь. Когда он узнал, кто я и чем занимаюсь, то сразу же предложил создать столичное управление милиции, а меня назначил туда воеводой. Правда, воеводствовать мне особенно не над кем. Вон разве что Митяй... Этого парня мне дали в нагрузку, попросили пристроить к делу. Сам он из деревенских, двадцати трех лет от роду, росту в два метра да в плечах полтора, силища немереная, храбрости хоть отбавляй, единственное, чего нет – так это ума. Во всем прочем – отличный исполнитель и слушается меня, как родную маму.

– Никитушка, – прервала мои воспоминания бабка, быстрым шагом семеня к окну, – а ты ить прав был, вон они, настырники, едут! Видать, у царя опять случилось чего. Ох-ох-ох, дела наши грешные... И поесть-то спокойно не дадут.

– Ладно... – Я отодвинул миску с медом. – Бабуль, сделай мне побыстрому стаканчик чаю, а там уж так и быть, пусть войдут.

Из-за окна раздался нестройный шум голосов:

– А ну пропусти, сиволапый! У нас цареве дело.

– Обождет, – невозмутимо отвечал бас верного Митяя, – батюшка воевода милиции еще завтракать изволют.

– Так ты, деревенщина, нам еще указывать будешь? Батогов захотел?!

Разговор оборвался после двух глухих ударов. Я привстал на скамье – обычно с таким звуком падает тело.

– Спаси и сохрани... – засуетилась Яга, вновь подбегая к окошку, – уж не убил ли он их, горемычных? Нет... Вон к колодцу тащит, у сруба положил, щас водой обольет. Глянь-кось, Никитушка, зашевелились!

– Пойду я. Спасибо за хлеб-соль, хозяйюшка. Как ни верти, а придется за дело братьяся. Да, а что у нас на обед?

– Пирог с визигой.

– М-м... замечательно! Прибереги, если буду задерживаться. Мне сегодня жалованье получать.

– Ты уж деньги-то, милок, суй за пазуху подальше, украдут, не ровен час...

– У лейтенанта милиции? Не смейся, старушка! – Быстро захватив в сених китель и фуражку, я вышел на крыльцо.

– Здравствуйте, батюшка.

– Здорово, Митяй. Кого это ты там поливаешь?

– Да вон холопы царские. Твою милость видеть хотели. Уж я уговаривал, объяснял, мол, воевода кушать изволит, а они, неслухи, ни в какую! Вынь да положь, а не то, говорят, терем разнесем! Ну, уж я так и эдак, и по-хорошему, и с поклонами...

– Брехло ты, Митька, – удовлетворенно крикнул я. – Ладно, поплескай еще, пусть скажут, зачем пожаловали.

Мой напарник от щедрой души вылил по полному ведру воды на каждого. Нарядные гонцы походили теперь на свиней, блаженствующих в луже.

– А... ап... смилуйся, батюшка! Отзови ты, Христа ради, своего ирода. Мы ж по делу...

– Вежливость – превыше всего! – наставительно отметил я. – Вон на воротах расписание висит: прием граждан с 9.00. А сейчас не более половины седьмого. Чего ради волну гнать?

– Так ведь спешное дело, государево, – приподнялся один, а другой так и сидел, раскрыв рот и проверяя пальцем сохранность каждого зуба. – Царь наш просит тебя немедля во дворец идти, у них в казне

большая покража обнаружилась. Мало три сотни золотых червонцев как корова языком слизнула!

– Ну, уж корова-то здесь точно ни при чем, – буркнул я.

Третья кража за две недели. Предыдущие были не так заметны, и царь не давал им огласки, думая, что сам засунул куда-нибудь свои ключи и перстень с хризопразом. Значит, допекло-таки его величество...

– Эй, Митяй! Запрягай кобылу, опергруппа, на выезд!

Царский терем был огромен – четыре этажа! В городе, где основная масса изб вообще едва видна от земли, это впечатляло. Дождя, слава богу, давно не было, дорога сухая, и мы добрались сравнительно быстро. Можно было бы и еще быстрее, если верхами, но в здешних краях престиж превыше всего. Как человека, облеченного властью, по вызову батюшки-царя меня всегда доставляли на телеге со специальным подобием кресла. Это мы с Митяем к табуретке спинку приколотили, укутали соломой, прикрыли ковром – получилось не хуже трона. Крестьяне и ремесленники при виде меня, гордо восседавшего на телеге с таким диковинным сиденьем, снимали шапки, кланялись и крестились. У ворот, путаясь под ногами у невозмутимой стражи, суетился думный дьяк Филимон. Обычно он и отсчитывал мне десять червонцев в месяц, по три раза проверяя и норовя подсунуть старые, затертые. Дьяк был худ, высок, имел бегающие глазки, козлиную бородку и сварливый нрав.

– Где ж тебя черти-то стоко времени носят?! – накинулся он, даже не дожидаясь, пока я слезу.

– А где ваше «Здравствуйте, товарищ участковый»?

– Ну, здравствуй, здравствуй, сыскной воевода. Государь уж истомился весь, кричит, ногами топает, а тебя нет как нет!

– Вы не одни, вызовов полно, людей на все дела не хватает... – привычно забубнил я, но Филимона на мякине не проведешь.

– Хитер ты больно, лейтенант. Гляди, доведешь батюшку – повисишь денек на дыбе, поумнеешь!

При случае обязательно дам ему в глаз, но сейчас не время и не место. Мы поднялись по ступенькам наверх. Царь ждал меня в главном зале на третьем этаже. Когда мы вошли, он мерил комнату шагами от окна до окна.

– Заходи, Никита Иванович... Жду тебя. А ты пошел вон.

– Но батюшка... а как же... кто ж слова твои мудрые записывать будет? Не ровен час, какое слово и утерется.

– Пошел вон! – рявкнул государь, замахиваясь на дьяка скипетром, но тот успел выкатиться за дверь.

Да, настроение у его величества не очень. Горох в таком состоянии действительно крутоват и скор на расправу.

– Ограбили меня, – глухо пожаловался он.

– Слышал. Давайте по порядку. – Я присел на скамью и раскрыл планшетку. – Какие ценности пропали?

– А ты не знаешь?!

– Слушайте, кто из нас двоих следователь – вы или я?! – Еще в школе милиции нам вдалбливали в головы – все под запись, все как положено, отчетность и еще раз отчетность. – Спрашиваю второй раз, что пропало?

– Перстень с хризопразом золотой, персидской работы. Сундучок дубовый, уголки да крышка железом резным обиты, в нем монет сотни на три, а то и больше... – пустился перечислять царь.

– Минуточку, гражданин! Помнится, на прошлой неделе у вас якобы пропали ключи?

– Ключи-то нашлись, под кроватью у меня валялись, а вот прочего нет.

– Все ясно. Кого подозреваете?

– Да всех! – разгорячился государь. – Ежели ты эту пропажу не найдешь, я тут всю челядь на кол пересажаю! А тебе велю голову отрубить, чтоб впредь не врал, будто воров ловить учен был.

– Ну, вы не очень-то... Милицейское управление лучше бы на ноги поставили, а то орете тут! Кто мне под начало тридцать стрельцов обещал? Кто божился ночное конное патрулирование финансировать? А матерьяльная база? Две кобылы да телега! Из всей сыскной бригады – один Митяй. Ну не разорваться же нам обоим!

– Ладно... не сердчай, – отошел Горох, но тут же стукнул кулаком по подоконнику: – А воров все ж таки найди!

– Найду, найду... куда они денутся. Где сундук-то стоял?

– Ясно где – в подвалах, где и прочая казна хранится.

– Мне надо осмотреть место преступления. – Захлопнув планшетку, я поднялся и кивнул царю: – Прошу следовать за мной.

Мы спустились в подвалы. Вход охраняла стража из четырех сменных стрельцов, однозначно утверждавших, что никто из посторонних к государевой казне близко не подходил. Знакомая картинка... Никто ничего не видел, не слышал и вообще не знает, о чем речь. Пока царь доставал ключи, я внимательно осмотрел здоровенные замки. Никаких следов взлома, если и открывали, то не самодельной отмычкой, а родными ключами. Петли, скобы, кованые гвозди – все настолько надежно, что хоть взрывай, одной фомкой никак не взять. Царь наконец отпер дверь, и мы вошли внутрь. Двое шагнувших следом стрельцов зажгли свечи в высоких подсвечниках. Сравнительно небольшое помещение оказалось чуть ли не под потолок заставлено сундуками, коробами да бочками.

– Тут весь запас – золотой, серебряный и медный. Каменья самоцветные в другом месте держу. Вещи из золота-серебра – тоже.

– А-а, тут, значит, у нас только монеты?

– Только они, – подтвердил государь.

– Это правильно. Личные сбережения нельзя держать в одном месте. Вот еще, кто имеет постоянный допуск к золоту?

– Я, боярин Мышкин, казначей Тюрю да дьяк Филимон. Ах, вот оно что, – внезапно догадался Горох. – Вот, значит, о ком ты речь-то вел?.. Кого подозреваю, говоришь? Зело умен ты, воевода участковый. Сей же час всех троих на дыбу!

– Э-э-э... Ничего подобного я не говорил! – завопил я, потому как с него станется. С какой скоростью царские палачи выбивают «добровольное признание», не снилось ни одному журналисту, пишущему о беспределе во внутренних органах. – Совсем наоборот. Если сейчас мы арестуем пару невинных, вор успокоится и заляжет на дно. А я хочу, чтобы он от неизвестности занервничал, запаниковал, начал совершать ошибки и выдал себя с поличным.

– Мудрено... На дыбе-то оно побыстрее да понадежней.

– Слушайте, у вас тут есть хоть какое-то понятие о презумпции невиновности?

– Будь по-твоему! – решил государь. – Вот тебе сроку – ровно неделя. Сыщи вора! Награжу шубой с плеча и на конную милицию отсыплю. Ну а не сыщешь, так и не взыщи: твоя спина – мой кнут.

Я молча пожал плечами. А что делать? В данной ситуации спорить не приходится... Царь на то и царь, что в любом случае прав.

– Пусть вечером ко мне в управление зайдут все трое. Повестки передать или сами явятся?

– Явятся, куда ж им деться, – многозначительно пообещал царь Горох. – А не пойдут, приведут поневоле!

Домой ехали не торопясь, в размышлении...

– Чегой-то не пойму я, батюшка, ежели, как ты сказал, замки-то не тронуты, у дверей стрельцы с оружием – как же цельный сундук с деньгами уплыл? Нет... Тут дело нечистое, без колдовства не обошлось!

– Наличие элементов колдовства еще доказать надо. Наша с тобой задача – следовать фактам. Факты – штука серьезная, бескомпромиссная, и с ними не поспоришь. А колдовство... Знал бы ты, какие суммы исчезали в наших финансовых пирамидах без всякой магии... Будем действовать по правилам. Надо выяснить, кто конкретно отвечал за подбор охраны, пусть он проверит своих людей. Завтра же еще раз обследовать весь подвал. Там этих сундуков выше крыши! Может быть, еще чего-нибудь пропало, просто в глаза не бросается. Да, сейчас отвезешь меня домой, а сам дуй на базар, бабка длинный список составила – где чего купить. А вечером пойдешь в кабак...

– Благодарствую, воевода-батюшка! – радостно осклабился парень, но я его несколько приспустил с голубых небес на грешную землю:

– Ты смотри у меня! Пей, да знай меру... Если опять на бровях придешь – в поруб посажу, он себя как медвытрезвитель лихо оправдывает. Помни – не просто идешь, а по заданию.

– Вот те крест, не подведу! А тока ежели в кабаке не пить, то какого же рожна мне там делать?

– Ну а ты походи, поприсматривайся, поприслушивайся. Надо выяснить, что об царской краже в народе известно. Что люди болтают. Если вор неопытный – он деньгами сорить начнет, сообщники тоже этим отличаются, может, кто чего спьяну и сболтнет...

– Понял, батюшка. Все как есть исполню, не извольте сомневаться. А ну, пошла! Пошла, залетная!.. Эгей!

Рыжая кобыла пустилась тряской рысью. Митька явно обрадовался заданию. Филерской школы у парня никакой, но учиться надо. Пока

еще здесь удастся наладить агентурную сеть... Работаем с чем приходится.

Моя хозяйка ждала у окошка. Увидев нас, всплеснула руками и скрылась в дому. Держу пари, побежала доставать пироги из печки. Я выдал Митьке один золотой червонец (да разве нормальный человек забудет получить у думного дьяка свой кровный оклад?), еще раз наказал, чего купить, и отправил на базар. Бабка покормит его по возвращении. Именно Яга настояла на том, чтобы мы ели отдельно: я в горнице, он в сенях, где и спал. Зазорно-де воеводе сыскному со своими же холопьями за одним столом сидеть. Уважать не станут. Я махнул рукой – за те два месяца, что здесь живу, знаю – старуха плохого не посоветует!

– Ну, заходи, мила-ай... Снимай ботинки свои чудные, запылились небось. Я вон шлепки тебе новые связала. Обед на столе, банька греется...

– Ладно, ладно, и так все расскажу. Времени в обрез, к вечеру царь в управление подозреваемых пришлет. С чем пироги-то?

– А с визигой, как поутру и договаривались. Ты уж садись, касатик, да ешь, вон бледный какой...

Я ополоснул руки и сел за стол. Ну, да тут и кроме пирогов всего полно. Бабка кормит меня как на убой. Люди поговаривали, будто она в столице лишь последние лет десять живет, а до этого в лесу разбойничала. Не знаю... Все возможно. Возраст я у нее не спрашивал, женщина все-таки. Внешне вполне соответствует своему имени – горбата, нос крючком, зубы острые, желтые, на ногу прихрамывает, один глаз голубой, другой фиолетовый. В сенях ступа с помелом, по терему черный кот разгуливает... Да нормально все! Здесь все такие. В лесах лешие, в болотах кикиморы, в речках русалки, а люди живут себе... Я ведь тоже не забиваю этим голову, много думать вредно. У меня моя работа, стабильная зарплата, все льготы, какие захочу, отчего же не жить? Телевизора не хватает...

– Да, тяжелая твоя служба, – сочувственно вздохнула Яга, когда я по ходу разборки с пирогами в общих чертах разъяснил суть дела. – Чем могу – помогу, но ты уж от меня многого не жди – годы не те...

– Бабуля, ты у меня в любом возрасте просто прелесть! Вот Митяй из кабака вернется, мы это жулье быстро переловим. Руки за спину, наручники, телогреечку с номером – и, как водится, по этапу...

– Уморишь ты меня, касатик, – расхихикалась бабка. – Да ты ешь, ешь, а меня слушать и с пирогом во рту можно. Я, слышь-ко, че тебе предлагаю... Как будешь энтих троих на допрос вызывать, ты меня-то из горницы не гони. Я вон в уголке незаметно посижу, носки вязать стану, а сама слушать да примечать. Как кто врать-то начнет, я это враз угляжу! У меня на мужиковскую брехню глаз наметанный...

Я только головой покачал. Да пусть сидит, жалко, что ли? Дело, по первому взгляду, не представлялось слишком сложным. Не много народу могло войти в царское денежное хранилище. Сбежать из города с деньгами практически невозможно: прежде чем послать за мной, Горох повелел закрыть ворота. Украсть и закопать? Не вижу смысла.

Мне почему-то казалось, что вор обязательно проявит себя. А пока я намеревался вести следствие, как нас обучали в школе милиции. То есть начать с вызова и опроса лиц, имеющих доступ к ограбленному объекту.

В назначенное время у наших ворот появились все. Если бы только те, кого я ждал...

Ох, елки зеленые! Дьяка Филимона сопровождало трое стрельцов с бердышами на изготовку. Казначей Тюря рыдал в обнимку с женой и вопящими детьми. Боярин Мышкин так вообще умудрился приволочь за собой все подворье, жену, ребятишек, престарелых родителей, близкую и дальнюю родню, холопов, бабок, няnek – всех, от последнего служки до первого пастуха. Вой стоял – хоть уши затыкай! За всю мою практику ничего подобного не было. Они же все трое как на казнь собрались. Небось и рубахи чистые надели, и в церковь сходили, и завещание огласили, и милостыню нищим раздали... А на воротах наших уже сидел повсеместно известный юридивый Гришенька, в драной рубахе и с полупудовым крестом на шее, восторженно болтая босыми ногами:

– Вот и суд ваш, кровопийцы! Ужо покажет вам участковый... Никитка-то, он на правез ох как скор! На сажень в землю видит, за версту вора чует. Довольно вам бога гневить, пора и ответ держать!

Толпа откликнулась на его митинговые лозунги новыми взрывами стонов и рыданий.

– Гришенька! Смилуйся, помолись перед Господом за нас, грешных, – голосили бабы.

Я начал несколько нервничать. Баба Яга поняла мое состояние с полувзгляда и, быстро убрав со стола, кряхтя, направилась к двери.

– Всех сразу звать али по старшинству?

– Давай по старшинству, – подумав, кивнул я.

Пусть этот противный дьяк помучается в ожидании...

Не знаю, что им там сказала Яга, но крики за окнами стихли так резко, словно всем рты позатыкало. Минуту спустя бабка впустила в горницу дородного бородатого мужчину в дорогих одеждах и высокой бобровой шапке.

– Садитесь, гражданин.

Боярин остался стоять у входа, сверля меня суровым взглядом. Старуха незаметно отплыла в сторону и устроилась в уголке за печью с вязаньем. Я положил на стол планшетку, достал авторучку и приступил к планомерному допросу.

– Гражданин Мышкин?

– Бояре мы, – прогудел мужчина.

– Пройдите и сядьте! – повысил голос я. – Пока мы с вами просто беседуем. Не устраивает – можем продолжить в пыточной у Гороха. Я слышал, тамошние палачи – мастера своего дела.

Мышкин вздохнул, хлюпнул носом, подошел и осторожно сел на скамью напротив.

– Продолжим следствие. Ваше имя, отчество, год рождения?

– Афанасий, сын Федоров. Когда родился – не ведаю, про то у попа в книге записано, а нам знать без надобности.

– Ладно, уточним у отца Кондрата, – пометил я. – Что думаете о краже в царской казне?

– А чего ж тут думать? Мы к тому непричастны. Казна, она большая, ежели кто чего слегка и прихватил, так ведь на то и колодец, чтобы пить.

– Ну, если понемногу, то, может быть, и действительно не так заметно. Но в этом случае подобные действия трактуются как «планомерное расхищение государственной собственности». Мы же имеем дело с конкретной кражей. Три сундука с золотом...

– Чего ж это – три?! – аж подпрыгнул Мышкин. – Откуда три-то взялось? Один сундучок всего и был! Неча напраслину на людей возводить...

– А вы откуда знаете, что украден именно один и что именно сундучок, а не ларец, не мешок, не бочонок? – ласково полюбопытствовал я.

– Так ведь... это... все вон знают! Ты любого в городе спроси – он тебе сразу скажет. Земля-то, она слухом полнится.

– Допустим... Ну, а вот лично вы чем занимались весь вчерашний день?

– Дык... как же... упомнишь тут... – насупился боярин, запуская обе руки в бороду, словно ловя там кого-то. – Спал да ел, по хозяйству холопам дела распределял, во дворец после обеда зааживал, в баньку под вечер, ну и ужин с осетринкой, поросенок с кашей, пироги с ягодой, меду немного...

– Достаточно. А в подвалы, где казна хранится, заходили?

– Нет! Как можно! Не был я там!

– А почему, собственно, нет? Царь Горох утверждал, что вы относитесь к лицам, имеющим допуск в хранилище.

– Бываю там, верно, но редко бываю... Моя служба – стрельцов у входа ставить. Чтоб глядели в оба! А внутрь я не захожу. Что я там, денег не видел?

– Ясно. Значит, вы отвечаете за охрану объекта. Что ж... должен вас огорчить. Раз уж произошла кража, то, найдем мы вора или нет, в любом случае выговор за халатность вам обеспечен.

– Избавь от гнева царского, батюшка сыскной воевода! – неожиданно рухнул на колени перепуганный боярин. – Вовек твоей услуги не забуду. Неповинен, неповинен я! Не губи душу, отпусти на покаяние!

– Встаньте! Сейчас же встаньте, Афанасий Федорович! – вскочил я. – Люди войти могут, а вы тут на коленях ползаете. Что за манеры? Вы в милиции, а не в храме. Встаньте!

– Не губи... В доме семеро по лавкам, жена восьмым брюхатая! – продолжал изливаться Мышкин, не обращая никакого внимания на мои попытки его поднять.

Баба Яга бросила вязанье и поковыляла на помощь.

Боярин надрывался вовсю:

– И здоровье не то уже... Почитай, что ни день, то сердце ломит! Сынков-то два всего, остальные дочери. Им расти, а мне приданое

готовить. А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом молю!..

Как мы его в дверь вытолкали – ума не приложу... Японский городской! Если тут каждый будет устраивать подобную истерику, никаких нервов не хватит. А потом говорят, милиция не страдает гражданам... Ну, вот посострадайте такому – он из вас веревки вить начнет, а воровать не перестанет. Я выглянул в окно. Боярин Мышкин, рыча, понараздавал оплеух дождавшимся слугам, с трудом взгромоздился на коня и с довольной рожей отправился домой. Толпа родственников, славя Бога и распевая песни, двинулась следом.

– Ну, что скажет наш детектор лжи?

– Врун он, батюшка, – твердо объявила Яга. – Да и трус в придачу. Ты бы проверил еще разок, чего он там наплел.

– Это я и сам мог сообразить. Есть в его болтовне пара несостыковочек... Я-то, признаться, думал, что ты, старая, мне сразу на вора укажешь.

– Так я тебе и указую – вор он! – подтвердила бабка. – Хоть мою голову на плаху клади, а таскал он золотишко из казны. Вот только он ли сундук уволок – о том не ведаю...

– Значит, будем проверять остальных. Казначей у нас за что отвечает?

– Как? А деньги принять, посчитать, разделить, кому в долг, кому на дело, какие налоги где, кто принес, сколько – все казне прибыток.

– Понял. Говоря проще – бухгалтер-экономист, – пометил я. – Ну, с распределением бюджета мы сейчас возиться не будем, это уже финансовой инспекции ближе. Мы его потрясем на предмет банальной кражи. Да, а дьяк-то наш, он что в хранилище делает?

– Пишет, – пояснила Яга, чуть удивляясь моей бестолковости. – Как же можно без дьяка-то? Боярин ли, казначей, а то и сам государь в казну зайти захочет, так дьяк с бумагой да чернилами тут и есть. Записать чего, оприходовать, опись составить, посчитать, жалованье царевым слугам выдавать, да мало ли... Вот Филимон там и трется.

– Уловил. Ну что ж, подруга дней моих суровых, давай следующего.

– Уже бегу, касатик. Сей же час поставлю перед очи твои ясные.

Хорошая у меня бабка, правда?

Тюря оказался человеком скрытным, размытым. На первый взгляд даже не разберешь, сколько ему лет. Кафтан простой, из хорошего сукна, но не новый. Сам лыс, бороденка куцая. Руки мне его не понравились – беспокойные... Пальцы, как белесые черви, так и возятся, ни на минуту не прекращая движения. Когда он вошел и без приглашения сел напротив меня, я нарочито пристально стал рассматривать его лицо, но так и не смог поймать прямого взгляда мутных серых глаз.

– Имя, фамилия, отчество?

– Тюря... и батюшка мой Тюрей был, и дед, стало быть... Казначей я здешний, не помните? А я вот вас, Никита Иванович, не впервой вижу. Вы, видимо, при дворе-то гость нечастый.

– Допустим.

– Ну, вот я и гляжу, чем же мне лицо ваше знакомо... Вы, случаем, деньги в казну на сохранение под проценты не сдавали?

– Очень интересно... – От неожиданности я даже перестал записывать. Этот тип откровенно пытался всучить мне взятку!

– Вот ведь что я говорил! – обрадовался мой собеседник, обтирая лысину засаленным рукавом. – Только вы тогда спешили очень и роспись в книге оставить запомнили. Ну, да дело молодое, с кем не бывает... Сколь денег-то в том кошельке было?

– Не помню, – поднапрягся я, едва удерживаясь от жгучего желания кликнуть стрельцов. – Но уверен, что сдавал я не кошелек, а сундучок.

– Точно! Именно так, батюшка... Полнехонький сундучок серебра.

– Золота!

– Смилуйся, отец родной, – аж покраснел от моей наглости взяточник.

– И за три года шестьдесят процентов прибыли!

– Да побойся Бога, сыскной воевода! – подпрыгнув, взвыл казначей. – У нас в Лукошкине отродясь таких процентов не было. И служишь ты у царя не три года, а без малого два месяца. Откуль я тебе такие деньжищи-то возьму?!

– А ну сесть! И не орать на представителя власти! – рявкнул я, хлопая ладонью по столу.

Тюря вздрогнул и заткнулся.

– Все! Хватит провокационной болтовни. Отвечайте на поставленные вопросы коротко и по существу. Когда и от кого вы

узнали о краже в хранилище?

– Дык... как не узнать?! Еще ночью стрельцы с постели подняли. Ну, я как есть, в исподнем да босой, – бегом в царский терем, спустился в подвалы, а дверь-то и открыта. Уж я этих охранничков и по шеям, и в рыло, а они одно – знать ничего не знаем! Я заглянул, осмотрел, где что, глядь-поглядь, а сундучка дубового с тремястами червонцами-то и не видать. Как сквозь сырую землю провалился, проклятуший...

– Ваши действия?

– Какие действия?! А... что делал-то? Ну, знамое дело, перво-наперво двери закрыл и стражам наказал смотреть в оба! Потом уж к батюшке царю пошел с повинной. А его ведь спозаранку и не разбудишь, разгневаться может государь... Пошлет спросонья на плаху, а уж потом, к обеду, одумается. Вот он когда встал, умылся, так я пред его ясные очи и доложил. И то рисковал, надо бы опосля чаю...

– Понял, записал. Кого подозреваете?

– Ты помяни мое слово, участковый, – без нечистой силы не обошлось! – заговорщицким шепотом поведал казначей.

– И что вы этим хотите сказать?

– Закрыл бы ты это дело... Гиблое оно. Раз уж тут нечистым духом пахнет, то человеку вовек не распутаться. Только людей зазря потревожишь да голову буйную под топор сунешь. А ежели на бесов свалить, то государь в обиде не будет, сам понимаешь...

– Понимаю, даже слишком хорошо понимаю... На сегодня вы свободны, гражданин.

– Могу идти?

– Можете. Но на будущее попрошу запомнить – я мзду не беру, мне за державу обидно, – очень кстати ввернул я крылатую фразу из популярного кинофильма.

Тюра встал, поклонился и рванул к выходу так резво, что едва не вписался в косяк.

– Дверь левее...

– Спасибо, батюшка воевода!

– И этот вор, – четко определила бабка, когда казначей вышел вон.

– Это любому дураку ясно. А вот что он в конце насчет колдовства плел? В этом есть какое-нибудь рациональное зерно?

– Ох, Никитушка, говорил бы ты со мной по-русски, я ведь старая уже, иноземных слов не разумею. А вот коли колдовства касаемо, так, думаю, было оно! Нешто без колдовства четверым стрельцам глаза отведешь, чугунные двери откроешь да сундук с золотом вынесешь?

– Эх, бабуля... В мировой практике преступности и не такое бывало. Но будь по-твоему, рассмотрим все версии. Если принять за исходную рассказ казначея, то следует предположить, что кто-то, прикрываясь волшебством...

– Шапкой-невидимкой, заячьей травой, зельем колдовским, кольцом-поворотнем... – пустилась перечислять Яга.

– ...прошел мимо стрельцов, отворил двери, взял сундук с деньгами и был таков. Когда охрана пришла в себя и обнаружила кражу, то двое побежали за казначеем, а двое остались на посту, так?

– Вестимо, так... а чего ж тут не так, батюшка?

– Я осматривал замки. Они были открыты ключами. Не фомкой, не отмычками, не другим инструментом, а именно ключами. Царь Горох носит их при себе. Но вот они на два дня пропали. Вчера нашлись под кроватью. Значит, за это время преступник не только сделал себе дубликаты, но и основательно проверил их в деле. Кто же он? Боярин Мышкин отвечает за охрану, поэтому в самом хранилище ему делать нечего. Он может зайти туда либо с царем, либо с казначеем. А вот казначей по мере надобности одалживает ключи у государя и, следовательно, имеет возможность пошарить в казне в одиночку.

– Ну так вот он, поди, и вор! – поддержала моя хозяйка.

Старушки все считают себя очень умными, потому так скоропалительны в решениях.

– Хорошо бы, но... Если он имел возможность брать ключи почти в любое время, то зачем бы крал их на два дня? Ведь чтобы сделать дубликат, достаточно отпечатать ключ в воске. По оттиску любой кузнец изготовит вам такой же за полчаса.

– И то верно...

– Вот именно, – призадумался я. – А тут еще этот перстень с хризопразом не идет из головы. Камень-то не самый дорогой. Зачем вор стащил перстень?

– Да кто ж их, жуликов, разберет?! Может, глянулся кому, может, ничего поценнее не было, а может, и попросту руки чесались. Вот и спер что ближе лежало.

– Медики утверждают, что есть такая болезнь – kleптомания, когда человек чувствует неодолимую тягу к воровству. Многие уголовники даже косят под это дело, но судебно-медицинская экспертиза щелкает их как орешки. Однако мне кажется, что в нашем конкретном случае мы должны искать нормального, психически здорового вора. Так, значит, кто у нас там остался? Дьяк Филимон. Ну-ка, ну-ка, ну-ка...

– Ты что ж это творишь, охальник? Ты кого же это к себе в отделение тащишь?! – надрывался думный дьяк, размахивая перед моим носом длинным узловатым пальцем. – Я ить не посмотрю, что ты при исполнении... Я-то царю всю правду доложу про твое самоуправство! Ты вон воров беги лови. Нет такого закону, чтоб всех честных людей через весь город силком за шиворот волочь. Нет у тебя таких прав, участковый... На-кася выкуси!

– Ну надо же, – искренне удивился я, как только скандалист окончательно выдохся, – шумит, как мелкий спекулянт при взятии с поличным. Может, еще будем требовать один телефонный звонок адвокату?

– А чего? И будем! – все еще возмущался дьяк, не понявший ни слова, но уловивший суть.

– Сядьте, гражданин. Пока вас никто ни в чем не обвиняет. Вызвали как возможного свидетеля по делу об ограблении государевой казны. Да сядете вы, наконец?!

– Насижусь еще... твоими молитвами... в остроге либо в порубе!

– Невинных не сажают.

– Это ты кому другому расскажи...

– Что? – приподнялся я. – Может, ты хочешь сказать, что царь наш батюшка без вины народец лихой по острогам гноит? Может, тебе политика государственная не нравится? Может, для тебя и царь плохой, а?

– А... у... умн... – начал было думный дьяк, но потерял мысль и сдался: – Царь – хороший!

– Ну, вот то-то же! А теперь успокойтесь и отвечайте на вопросы. Имя, фамилия, отчество?

– Зовут меня Филя. Филимон то есть. Отца Митрофаном Груздем звали, прозвище такое. Коренные мы, не из приبلудных. Сколь родню свою помню, все в столице жили.

– Назвался Груздем – полезай в Лукошко, – скаламбурил я и продолжил записи. – Что можете рассказать по данному делу?

– Ничего я тебе не скажу, поскольку басурманин ты и есть!

– А вы знаете, что бывает за отказ сотрудничать с органами?

– Ну какого рожна тебе от меня надо?! – снова завелся дьяк. – Не ведаю я, кто те деньги из казны стащил. Не ведаю!

– А ключи из подвалов кто у царя уволок?

– Не ведаю. Только нашли их вчерась, под кроватью у государя-батюшки.

– Ошибочка вышла – не на то место ключи бросили. Царь Горох с ключами спать не ложится, он их на гвоздике вешает у двери. С чего бы им под кроватью найтись?

– Не ведаю.

– Хорошо, а перстень где?

– Вот ведь прилип, как банный лист к заднему месту! Уж сколь твержу тебе, недалекому, – не ве-да-ю-ю!

– Ладно, гражданин Груздев Филимон Митрофанович... – Я угрожающе привстал и, уперевшись обеими руками в стол, тихо, но твердо пояснил: – К завтрашнему утру приготовишь список лиц, в течение последней недели посещавших хранилище, записи разговоров, там записанных, и сумм, там полученных. А сегодня дашь подписку о невыезде. Из города ни ногой!

– А ежели... к бабушке в деревню? – робко заикнулся думный дьяк.

– Только попробуй... Я тебе такую кузькину мать покажу! Ты у меня до старости на нарах баланду хлебать будешь!!! Пошел вон!

– Могу, значит, идтить?

– Конечно, можете, гражданин, – немного остыл я. – Но если вас вызовут еще раз, то постарайтесь впредь быть более лояльным к представителям органов охраны правопорядка.

– Вот те крест, батюшка участковый...

Но когда этот кадр выкатился за ворота, то на всю улицу раздался его дребезжащий голос:

– Тоже мне, важная птица! Да я ему прямо в лицо все сказал... Так правду-матку и резал! Участковый... Знаем мы таких липовых участковых! Ужо найдется и на тебя управа, дай срок.

– Никитушка-а... замаялся поди, милоч? – неслышно подкатилась баба Яга. – Давай я самоварчик поставлю. Сейчас чайку с

шиповничком да мятой выпьешь, и полегчает.

Я молча кивнул. За год работы в отделении подобные допросы не были большой редкостью, но должен признать, выматывает это страшно. Ну а здесь вдвойне. Я же один – и за дежурного, и за следователя, и за оперуполномоченного. Что ни случись – все сюда бегут. Первое время больше по глупостям разным тревожили. Курица у кого пропала, валенок потерялся, муж из кабака пьяным пришел – все ко мне. Думали, я вроде знахаря, гляжу на воду и сразу вижу, где что лежит. Сто раз объяснял; когда дошло, пореже беспокоить стали. К особо пьющим мужикам пришлось на дом ходить с профилактическими беседами. Первое время помогало, а потом опять за свое. В принципе работа как работа. Ничем не лучше и не хуже моей службы в Москве. Жалованье пока платится регулярно, причем только за то, что я вообще здесь сижу. А так каждое дело оплачивается отдельно. Что-то вроде частного детектива. Несколько мелких краж так раскрыли, двух мошенников на базаре разоблачили, ну и еще что-то не слишком крупное... Дело хлопотное, зато конкуренции никакой, один я на все Лукошкино. Да и на все царство-государство один. Султан Тьмутараканский, как через послов своих узнал, что наш Горох себе отделение милиции завел, тоже такое задумал. Но... не вышло у них ничего. Специалистов нет и взять негде, а те стражнички, кого на эту должность посадили, только взятки брать и могли. Так что погорели на корню.

А я и сам тут человек случайный. Оно ведь как все началось... Нас в какую-то деревеньку под Переделкино отвезли на плановые учения. Фикция, конечно, но начальству виднее. Так дернул же меня черт в одну избушку заглянуть! Что-то там мелькало у входа... То ли свинья полосатая, то ли собака с пятчком, то ли вообще коза, но тогда хвост у нее слишком длинный и вроде как с кисточкой. Я капитану говорю, дескать, не могу терпеть, «мокрое дело», сбегая за избушку и назад. Получил добро, а сам схитрил, в дверь зашел. Внутри обычный разгром, паутина, грязь, мусор, наверняка бомжи не раз ночевали. Вот только крышка погреба скрипнула... Ну интересно же!

Полез, дурак... Погреб как погреб. Стены сырые, не видать никого. А в этот момент какая-то зараза крышку и захлопнула! Темно! Страшно! Да и злость в придачу... Это кто ж у нас в стране с младшим лейтенантом милиции такие шутки шутит? Поорал, постучал, слышу,

идет кто-то... Открывается крышка, и на меня смотрит Яга. Ну, я тогда с ней еще знаком не был. Выхожу, извините, гражданочка, спасибо за помощь и все такое, глядь, а изба-то не та! Все чистенькое, вылизанное, везде дорожки полосатые лежат, кот здоровенный мурлычет. Я к окошку – мать честная! А там город, как на картинках в учебнике по истории. Меня аж пошатнуло... Спасибо бабке – чаем отпоила, выслушала, в психушку не сдала, а взяла меня под ручку и отвела прямиком к царю.

– Никитушка, что ж ты задумался, сокол ясный? Что ж ты буйну голову повесил? Вон и самовар поспел, давай-ка поужинаем, поговорим, может, я тебе чего и присоветую.

– Спасибо, бабушка Яга. Там у нас Митяй-то еще не приходил?

– Нет, касатик. Да ведь ты ж его вроде сам куда по делам отправил?

– Отправил я его на базар за покупками, а потом велел идти в кабак, смешаться с народом и послушать... Может, что путное и принесет.

– Принесет он, как же... – хмыкнула бабка. – Его бы из кабака кто принес. Ну, с базара-то он заезжал, вон две корзины в сенях товаром да съестным битком набиты. Видать, заскочил, пока мы допрос вели. А сам-то раньше ночи и не покажется. Уж ежели Митька до кабака дорвался – на своих ногах его не жди!

– Он слово давал.

– И десять даст. У каждого мужика своя слабость есть: кто на деньги падкий, кто на баб, а ему лишь бы до чарки дотянуться, а там хоть трава не расти.

– Леший с ним, – поморщился я, – придет, разберусь. Что у нас там на ужин?

После чая мы с Ягой уселись друг напротив друга и по обоюдному согласию решили, что дьяк Филимон тоже вор.

– А кто ж сейчас не вор? Уж коли они все трое при казне обретались, то у всех рыльце в пушку. В пыточную их надо, заплечных дел мастера быстро выбьют, кто сундук-то стащил.

– Это верно... Побоями из человека любые признания выдать можно. Но я не понимаю, зачем?

– Как зачем? Чтоб деньги возвратить!

– Я не об этом. Зачем их вообще красть?

– Никитушка, – прищурилась Баба Яга, – а ты у меня не заболел часом? Как это – зачем красть? Ты что ж, не знаешь, зачем воры крадут?!

– Знаю, но я о другом. Положим, что боярин Мышкин, заведующий охраной, может иной раз заскочить в хранилище и тайком от дьяка или казначея сунуть в карман горсть монет. Казначей вполне может запутать всю систему налогообложения, выписать жалованье на фиктивных лиц, подчистить бухгалтерию, добавить лишний нолик, округлить, утрясти – и тоже иметь свой стабильный доход. Дьяк, возясь со всеми бумагами, вполне способен «потерять» ведомость, не сообщить об увольнении со службы, задержать общее жалованье стрельцов на недельку-другую, дав на это время деньги ростовщику, элементарно обсчитать – и будет хорошо жить на проценты. А вполне возможно, что эти трое попросту объединились и крутят свою мафию, покрывая друг друга.

– Ох ты ж, страсти-то какие... – всплеснула руками бабка. – Да ведь их, разбойников бессовестных, всех надо сей же час в острог посадить!

– Увы... все мои логические выкладки – пока только теории. У нас нет фактов, значит, нет доказательств. Для того чтобы выдвинуть обвинения, нужна более детальная проверка всего дела. Тут и ОБХСС работы на три месяца, а царь дал всего неделю. Проблема не в том, что они воры, а в том, что никому из них не выгодно было брать сундук.

– Как так?

– Эх, бабуля... работа милиции в том и заключена, чтобы понять психологию преступника, – снисходительно пояснил я. – Вот мы, например, сейчас доказали: у каждого из трех подозреваемых есть своя кормушка. Но, украв сундук, любой из них сразу перекрывает все! Дело передают нашему управлению, начинаются допросы, слежки, репрессии, усиленная охрана – кому это выгодно? Нашим «тихим» воришкам? Нет... они за годы безупречной службы небось уже по три таких сундучка наворовать успели.

– Ну и умен же ты, батюшка, – восхищенно покачала головой Яга. – Прямо как по книжке читаешь. Да только, прости меня, старую, так мне и невдомек, зачем же они сундук-то сперли? Раз уж через него всю их... эту... мафию?... вскрыть могут, так ведь им же первое дело,

чтоб все было тихо и гладко... А тут казначей бежит к царю, царь гонит дьяка за тобой, ты боярина к ответу волочешь... Где ж выгода?

– Значит, не все так просто, как кажется на первый взгляд... И потом этот перстень...

– Дался он тебе, касатик! Ему и цена-то в базарный день три золотые монеты. Похищено-то в сто раз больше!

– Вот именно... Именно это меня и беспоко...

– Эй! Кто дома есть? Принимай вашего парня! – раздался пьяный голос, сопровождаемый стуком в ворота.

Я вышел на улицу, охающая бабка увязалась следом. Двое изрядно поддатых мужиков держали под мышки моего «шпиона». Митька же был, попросту говоря, ни-ка-кой! С огромным трудом мы затащили его в сени и бросили там прямо на полу, как тряпичную куклу. Один лишь раз он на мгновение открыл глаза, вперился в меня насквозь пьяным взглядом, узнал и счастливым голосом оповестил:

– Ба-а-тюшка вы-е-в-да! Все узнал... Тс-с-с!

После чего вновь рухнул затылком об пол, безмятежнейше захрапев. Придется отложить его доклад до завтрашнего утра. Пьяные дружки моего напарника попытались было выторговать себе еще на кружечку в благодарность за доставку, но бабка одной улыбкой выпроводила их за дверь. Я, признаться, к ее оскалу тоже до сих пор не привык, но хоть уже не шарахаюсь... Баба Яга не красавица, это общеизвестно, но ее зубы способны бросить в дрожь самого отважного стоматолога. Острые, кривые, желтые, особенно один клык, выползающий из-под нижней губы слева. В общем, пропойцы слиняли, быстро трезвея и лихорадочно крестясь.

Это дело о похищенном сундуке было первым серьезным расследованием, порученным мне Горохом. От него зависела не только моя личная судьба, но и перспектива становления органов правопорядка по всей стране. До меня все функции милиции выполнялись специальными отрядами стрельцов. Они следили за порядком на базарах и улицах, пресекали драки и хулиганства, ловили воров и наказывали виновных. Но ни одного серьезного специалиста непосредственно в области раскрытия преступлений в Лукошкине не было. Убийц искали годами, в случае кражи уповали на помощь знахарей и колдунов, а мошенников, карманников или обычных дебоширов попросту стыдили. Естественно, положительного

результата добивались крайне редко. Вы, наверно удивитесь, почему я все только о работе да о работе? Клишированный образ туповатого милиционера, вечно затянутого в форму и не имеющего в голове ничего, кроме пунктов устава... На самом деле я еще в детстве бредил приключениями гениальных детективов: Шерлока Холмса, отца Брауна, Эркюля Пуаро и прочих. Поэтому мой приход на работу в органы не был случайным. Я окончил школу милиции, поступил на заочное в Саратовский юридический и надеялся, совмещая практику и учебу, со временем стать серьезным следователем. Но все вышло так, как вышло...

Где-то далеко, в том мире, у меня остались родители, родственники, друзья, любимая девушка. Если я не буду сознательно и беспощадно загружать себя работой, то, наверно, сойду с ума от тоски и безысходности. Я не могу вернуться назад. Двадцать раз лазил в этот дурацкий подвал, но, вылезая, вновь и вновь оказывался в том же тереме у Яги. Я спрашивал, но она ничего не знает о перемещениях во времени и не может вернуть меня назад. Выхода нет... Надо как-то жить. Меня приняли, поселили, поставили на хорошее жалованье, в общем, отнеслись как к человеку. Я тоже постараюсь сделать для них все, что могу.

– Никитушка! – отвлекла меня Баба Яга, встревоженно поводя длинным носом. – Али я слаба на запахи стала? Али насморк вконец одолел проклятый? Ты не чуешь, будто бы горелым пахнет?

– Ну да, – принялся я, – есть что-то такое. Может, в печке каша подгорает?

– Так ведь нет там ничего... Да и тянет не оттуда, а с улицы, через окно. Дым-то сухой, древесный. Ты уж глянь, касатик, не пожар ли у кого?

Я неторопливо встал и выглянул в окно.

– Ну как?

– Пожар, – осевшим голосом подтвердил я. – Это мы горим...

Во двор Яга, на что уж старая, а вылетела вперед меня. Полыхала конюшня: огонь захватил весь левый угол и быстро полз по соломенной крыше. Я бросился к дверям, отодвинул засов и начал выводить перепуганных лошадей. Бабка переливчатыми воплями сзывала на помощь соседей. Они откликнулись так быстро и дружно, как никогда бы в моем мире. Но здесь, кроме иных нравов и отношений, действовали еще и чисто практические принципы взаимовыручки. Если огонь успеет перекинуться на соседние дома, то запросто выгорит весь квартал. Когда я вылетел из конюшни, вися на недоуздке нашей рябой кобылы, народ уже вовсю носился с ведрами и баграми. Баба Яга раздавала четкие указания, командуя людьми с завидным боевым опытом. А потом кто-то закричал:

– Люди добрые! Да вот же он... Хватай злодея!

Я развернулся. У задней стены нашего терема скрючилась черная фигура, высекающая искры из кресала. Я оказался ближе всех, и когда обнаруженный поджигатель собрался бежать, то сделать это он мог только через мой труп. В какое состояние он и попытался меня привести...

– Гражданин, вы задержаны за попытку... – больше я ничего не успел сказать, в руках преступника мелькнул узкий засапожный нож.

После долгих лет изнурительных тренировок в спортзале тело автоматически отреагировало гораздо быстрее, чем я сам осознал, что происходит. Его рука попала в мой захват, и через мгновение негодяй уже летел в одну сторону, а его нож в другую. Подоспевший народ кучей бросился на злодея, ногами вымещая на нем всю ярость потенциальных погорельцев. Когда мне удалось отбить у мужиков жертву, было уже поздно...

Час спустя над подгоревшей конюшней вился слабенький дымок. Люди разошлись по домам. Мы с бабкой сидели на крылечке оба

усталые, злые, перепачканные сажей и в самом паршивом расположении духа.

– А ведь это из-за тебя, милый друг, нам на двор красного петуха пустили!

– Из-за меня... Кого-то я крупно напугал сегодня. Интересно только, кто из троих мог на такое решиться?

– А мне без разницы! – вспыхнула сердитая домохозяйка. – Завтра же пойду к царю жаловаться. Следствие следствием, но ежели мне по каждому делу будут терем палить, так пущай себе новый дом для отделения ищет. Его, видишь ли, грабят, а мне крышу жгут?! Не пойдет, воевода-батюшка! Ты уж или отыщи супостатов, или съезжай с моего двора в царские хоромы. Пущай лучше его поджигают!

– Ладно... если что-то подобное вдруг повторится, конечно, пункт отделения милиции придется перенести.

– Никита! Чтоб завтра же заарестовал всех троих!

– Да зачем же всех? Надо найти настоящего виновника, – попытался объяснить я. – Если бы мужички с дури своей исполнителя не потоптали, так мы бы сейчас уже знали имя заказчика.

– Если бы да кабы да во рту росли грибы, так и это б был не рот, был бы целый огород! – раздраженно передразнила бабка. – А ну показывай, где он, труп-то?

– Вон, к воротам отнесли. Я за стрельцами послал, пусть заберут в холодную, а утром разберемся на свежую голову.

– До утра еще глаза вытарацишь! – обрезала Яга. – Пойдем посмотрим.

Мы подошли к изувеченному телу поджигателя. Я перевернул его на спину и поднес свечу.

– Ух ты ж! Басурман!

– Татарин? – уточнил я, осматривая безжизненное смуглое лицо, плоский нос, узкие щелочки закрытых глаз и... подпиленные под углом зубы!

– Все они басурмане. А этот не татарин, а шамахан. Шамаханцы всегда были разбойниками каких свет не видывал. Они и мясо человечье едят! Ну, участковый, уж ежели кто денег не пожалел, чтоб шамахана нанять, то, стало быть, здорово мы их прищучили...

– Похоже на то...

Какая-то неосознанная мысль билась у меня в голове. Вроде бы тяну за ниточку, но боюсь порвать. Мы вызвали на допрос троих физических лиц, имеющих допуск к казне. Последний ушел перед самым ужином. Я убедил себя, что кража как таковая наносила ущерб всем троим и никто из них не имел ни малейшей выгоды от кражи сундучка. Но уже через четыре-пять часов наш терем пытаются поджечь! Я точно знаю, что среди иностранных подворий и торговых рядов в Лукошкине шамаханцы мне не встречались. Если это действительно бандит по найму, то откуда же его взяли за столь короткий срок? Оставалось предположить, что в самой столице у кого-то тайно скрывался разбойник-шамахан, и его выпустили на дело при первой же надобности.

Но... воровать из казны тихо и понемногу или иметь под рукой собственного уголовника – есть разница? Куда-то не туда меня уводит это простецкое дело об исчезнувшем сундучке...

– Дьяк живет один. Изба у него небольшая. Если б кто у него и прятался, так соседи бы все одно знали, – вслух рассуждала Баба Яга, параллельно подтверждая теорию моих умозаключений. – У казначея дом большой, там и не одного супостата спрятать можно, а только Тюря привык всего деньгами добиваться. Вот и тебе взятку сулил... Зачем ему кровавого злодея при себе держать?

– Боярин Мышкин, – в один голос определили мы.

Наиболее реальная кандидатура, должен признать. Двор у него на сорок душ. Хозяйский терем, дворовые постройки, сараи, овины, конюшни, бани, избы для прислуги, да мало ли еще чего...

Там хоть штаб террористической организации разместить, никто не узнает. Забор высокий, собаки злые, охранники суровые, и все с дубьем.

– Завтра иду к царю.

– Да уж сегодня, – поправила Яга.

– Значит, сегодня. Пусть выдает ордер на обыск в тереме боярина.

Пора переходить к более решительным мерам.

– Меня возьми.

– Зачем?

– Ты, касатик, молод еще. А я своим носом по уголкам да подвалам поразнюхаю – поищу следы колдовской силы. У меня на это глаз наметанный...

– Опять вы за свое? – улыбнулся я. – Сдается мне, все будет не так сказочно, уголовщина – она уголовщина и есть. А вам везде черти мерещатся...

– Чего ж им мерещиться? – в свою очередь хмыкнула Баба Яга и палкой сдвинула с головы трупа драный колпак.

На макушке мертвеца чернели два острых рога! На меня резко напала икота.

– А ты, батюшка, думал, шамаханцы-то – они кто?

– Да... наворошил ты дел... – покачал головой царь Горох, когда наутро я явился к нему с докладом. – Мышкины – они род боярский, древний, особенно худых дел за ними не водилось. Ну а мелких-то грехов у каждого полон короб за плечами. Ладно, дам тебе мою царскую бумагу на обыск. Ищи! Ежели что найдешь – наперед мне доложи, а сам суд не верши. Мягко ты больно... Ты уж лови воров государевых, а судить да рядить я их сам буду.

– Мне нужен допуск к отчетам финансирования, прихода и выплат всех средств, идущих через казначея Тюрю, – напомнил я.

– И на это добро даю. Всех проверяй, да поторапливайся. Раз уж враг таинственный на поджог решился, шамахана нанял, с ножом к тебе подпустил, значит, в нужной стороне ищешь, участковый.

– Бумаги дьяка Филимона тоже требуют основательного анализа.

– Филькина грамота?! И он туда же? А, ладно... – махнул рукой царь, – давай и его до кучи. Проверять так проверять! Чеши всех подряд, авось какую блоху и уцепишь. То, что по мелочи воруют, я и сам знаю. Все воруют... Быть при казне да не украсть?! Но ведь не сундучками, не по триста монет зараз! Возьми десятника со стрельцами и в путь. Бумагу с печатью Парамон даст. У твоего управления милиции велю сегодня же охрану поставить, чтоб разные басурмане препятствия следствию не чинили. Да и ты сам почто безоружный ходишь?

– Милиционер есть представитель законности и правопорядка. Его и без оружия уважать должны.

– Ох, смотри, Никита Иваныч... Народец у нас разный. Нацепил бы хоть сабельку от греха подальше.

– Я подумаю, государь. Разрешите идти?

– С Богом, – кивнул Горох, и я отправился вниз, в канцелярию, к главному писарю дьяку Парамону.

Он быстренько оформил все нужные документы и понесся к царю заверять их печатями и подписью. Я в это время вышел во двор к ожидающей меня Яге. Что можно было сказать насчет моего оружия? Саблей я сроду не махал, фехтованию в школе милиции не обучают. Табельное оружие, типа пистолета ТТ или Дегтярева, нам в тот памятный день не выдавали. У меня не было с собой даже пары наручников и резиновой дубинки, только типовая планшетка на ремешке.

Таскать за собой, на манер стрельцов, тяжеленную доморощенную гаубицу с фитильным затвором и заряжающуюся по пятнадцать минут с дула... Увольте! Я уж лучше похожу так... Разгуливать по Лукошкину с бердышом на плече или рогатиной под мышкой тоже представлялось весьма проблематичным. Потом придумаю что-нибудь...

– Как там царь-то? Не шибко гневался?

– Нет, бабуля. Насчет мелких краж в казне он проявляет прямо-таки философское снисхождение. «Мы все ворует понемногу чего-нибудь и где-нибудь», – несколько перефразируя классика, пояснил я. – Разрешение на обыск выписал, так что теперь дело за малым...

– Батюшка сыскной воевода! – подбежал ко мне перепуганный стрелец. – Царь-государь тебя в покои срочно требует!

– Да что случилось-то?

Мы прибыли к тюринскому особняку через полчаса. Вой стоял на всю улицу! Когда мы входили во двор, бабы голосили так, что на месте покойника лично я предпочел бы воскреснуть. Барабанные перепонки буквально не выдерживали. А тут еще толстая тетка с насурьмленными бровями и распухшим от слез носом бросилась на меня с кулаками:

– Это все из-за тебя, ирод ты участковый! Осрамил, опозорил мужа моего перед всем народом. Вот он, кровиночка, сраму-то и не снес... Накинул петелечку на бревнышко, сунул в нее бедную головушку да и отдал Богу душеньку-у-у-у! За что? За что так честных людей изводишь, басурман?! Что он тебе сделал, аспиду?! Детишек сиротами оставил, меня вдовой безутешной обратил, дом без хозяина бросил,

службу важную, государеву, – без верного слуги на разор обрек... Ох, отольются тебе наши слезыньки, сыскной воевода!

– Уймись, дура! – неожиданно грозно рявкнула Яга. – На Никиту Иваныча самого вчерась ночью убивца с ножом напускали, а мой терем огнем жгли. Участковый у нас человек справедливый да совестливый. Ежели нет на твоём мужике никакой вины, так он царю и доложит. А уж государь наш добрый сироток в беде не оставит... Дети за отца не ответчики. А сейчас не голоси, не мешай следствию!

Вдова поперхнулась и безропотно позволила дворовым девкам увести себя в терем. Я дал стрельцам приказ деликатно и без оскорблений осмотреть в доме все.

– Ищите небольшой дубовый сундучок, обитый по углам и на крышке железными узорами. Заодно перетряхните женские украшения – нужен перстень золотой с хризопразом, большой, на мужской палец, камень зеленовато-желтый, овальной формы, придерживается коваными дубовыми листочками. Обо всех обнаруженных тайниках, подвалах или кладах докладывать немедленно. Я буду в конюшне.

Десятник кивнул и отрядил людей на поиски. Мы с Ягой и двумя дворовыми мужиками отправились к месту трагедии. Труп из петли, естественно, был вынут сразу, как только конюх поутру раскрыл двери. Тело казначея Тюри лежало в доме на столе, но сейчас меня волновало только место самоубийства.

– Вот тучки на балке он и висел...

Тюря выбрал для разрешения споров с жизнью одну из потолочных балок прямо перед входом. С нее свисали вожжи, на которых удавился казначей. Конец вожжей был обрезан, по-видимому во время снятия тела. Я подошел, подпрыгнул, с трудом задев пальцами обрезки вожжей.

– Мужики, а кто обнаружил тело?

– Конюх, батюшка воевода, – поклонились оба.

– Это я знаю. Где он сейчас? Быстро доставить его ко мне.

Когда они ушли, Яга, уважительно цокая языком, указала взглядом на балку:

– А ить ты прав, Никитушка... Казначей-то наш тебе и до плеча не доставал, как же он на такую высоту петлю себе ладил?

– Это как раз вполне объяснимо. – Задумчиво поправив фуражку, я поделился с бабушкой своими соображениями: – Вот лестница в углу,

на ней полуподсохшие отпечатки навоза. Если ее приставить к балке, то легко и вожжи затянуть.

– А что ж тогда не так, касатик?

– А это мы сейчас выясним у конюха. Вот его ведут...

– Здравия желаем, батюшка сыскной воевода, – поклонился худющий старик с нечесаной бородой. – Федор я, из бывших стрельцов, а ныне конюх здешний.

Я раскрыл планшетку и приготовился к записи...

– Теперь самое главное. Значит, вы открыли двери?..

– Да, петухи уже пропели. Я на зорьке лошадок водицей пою, так и пошел к конюшне. Дверь открыл, глядь... Висит, сердечный!

– Так, а что, конюшня на ночь не запирается?

– Нет, батюшка. Вот только засов малый, но ить он отворен был!

– Еще бы нет! Получается, что гражданин Тюря пришел сюда ночью, отворил засов, приставил лестницу, наладил петлю, убрал лестницу на место и...

– Повесился, – скорбно перекрестился дед Федор.

– Он высоко висел? – как бы между прочим уточнил я.

– Высоко! – кивнул конюх. – Я-то только ноги и достал. Пришлось бежать, Гришку да Пашку звать, они парни молодые. Один другому на плечи влез, ножиком по ремню полоснули, так и сняли.

– А во что хозяин был обут?

– Да ни во что, босой он был.

– «Босой» – так и запишем. Спасибо, все свободны. Хотя нет... Еще один вопросик. Вот лошади у вас, они в стойлах все привязаны?

– Все, батюшка. Я свою службу знаю. Как вечером заведу, выскребу, вычищу, хвост да гриву расчешу, так в стойло и ставлю. А уздой каждую за гвоздик цепляю. Мало ли какая ночью из стойла выйти решит? Других перебаламутит. Так что уж все привязанные, не сомневайтесь.

Захлопнув планшетку, я поманил Ягу. В дом покойного мы вошли в глубоком молчании.

Каждый думал о своем, но ни для меня, ни для нее уже не являлся загадкой факт скоропалительного самоубийства казначея. Мы столкнулись с грязным и подлым убийством.

– Надо осмотреть тело.

– Надо, Никитушка, надо... Зачем же его убили-то?

– Чтобы мы прекратили следствие. Я почти уверен, что сундучок с деньгами найдут где-нибудь здесь.

– Ох и темное это дело, – вздохнула бабка.

– Да уж, светлей не становится... Хотя круг подозреваемых сузился на одного человека.

Нас сопроводили в небольшую комнатку, где на широком столе лежало накрытое простыней тело «самоубийцы». Я по долгу службы не раз сталкивался с мертвецами, но все равно не могу привыкнуть к виду насильственной смерти. Меня сразу мутит и начинает кружиться голова, хотя я и могу взять себя в руки, не обращая на это внимания.

Баба Яга без малейшего смущения откинула ткань и принялась внимательно изучать усопшего.

– Удушили его сначала шнурком, а уж потом в петлю сунули, – профессиональным тоном судмедэксперта выдала она. – Как тело провисло, то след от шнурка ремнем перекрыло, да не везде. Но это ж какую силищу надо иметь, чтоб такого крепкого мужика мертвым на высоту тащить да в петлю совать?

– Посмотрите еще и ноги, – попросил я.

– Ноги? Чистые они: ни синяков, ни грязи.

– Так я и думал... Ну вот и все. Больше нам здесь делать нечего. Надо забирать стрельцов и возвращаться к царю.

Мы вышли во двор. Так и есть! У ног десятника стоял симпатичный дубовый сундучок, из-за которого и поднялся весь шум-гам.

– Ребята в подвале нашли, в уголке стоял.

– Был чем-то прикрыт или стоял на виду? – уточнил я.

– Да вроде на виду... – пожали плечами стрельцы. – Мы как в подвал спустились, так сразу и увидели.

– Угу... ясненько. А насчет перстня как?

– Перстня нет. Уж не обессудь, участковый. Все перетрясли – золотого кольца с зеленым камушком ни у кого не было. Наверно, получше спрятали... Ты уж прикажи вдовицу в пыточную сдать, так она живо про перстенок царский запоет! – дружески предложил десятник.

– Это лишнее, – сухо обрезал я. – Извинитесь перед женщиной за причиненные неудобства и шагом марш за мной к царю.

– Слушаемся, воевода-батюшка!

Всю дорогу в голову лезли самые разные мысли. Версии преступления складывались одна страшнее другой. Факты противоречили друг другу. Убийство казначея не имело никакого логического объяснения. По крайней мере, я его не находил. Равно как и смысла похищения сундучка. Держу пари: сейчас придем в царские палаты, откроем крышку, пересчитаем, и все деньги окажутся на месте. Положим, что в деле действительно замешаны все трое: Мышкин, Тюря и дьяк Филимон. Один из них умыкнул сундук, не поставив в известность остальных. Казначей поднял шум, хотя вполне мог спереть его самолично. Организованное расследование показало, что могут полететь головы. Не в фигуральном смысле, а в прямом. Тогда боярин, сам или по совету дьяка, пускается на поджог управления, а нанятый шамахан бросается на меня с ножом. Узнав о провале, они (или он) решают пожертвовать сообщником и перевести все стрелки на него. Пришли ночью, вызвали условным сигналом. Раз Тюря выбежал на крыльцо босой, значит, шел ненадолго и к знакомому человеку. Потом его задушили, подвесили в конюшне и поставили сундучок на видное место в подвале. Что опять-таки подтверждает версию: по ночному дому шел человек, отлично знающий расположение комнат. Вроде бы все логично... Непонятна только совершенно бессмысленная кража царского перстня. Может, все это блажь? И в действительности никто не брал ключи для изготовления таких же? Перстень валяется где-нибудь в щели у порога. Сундук Тюря сам унес и этой ночью намеревался пустить в дом сообщников для дележки. Или же он пал жертвой обычного шантажа. Кто-то приближенный к государю поймал его на разворовывании казны и пригрозил доносом, если тот не откупится. Разрабатывать новые версии можно было до бесконечности...

Мой доклад поверг царя в глубокое недоумение.

– Не пойму, чего ж ты еще на пустом месте тесто месишь? Ведь сундучок найден?

– Да, государь.

– Деньги считают, вроде на месте все. Казначей наш, видать, как понял, что по нему топор плачет, так с перепугу в петлю и полез.

– Я берусь доказать, что смерть гражданина Тюри была инсценирована. Это убийство!

– Как так? – оторопел Горох. Он вообще мужик головастый, но на веру ничего не принимает, ему только факты давай.

– Дело в том, что при обследовании трупа на шее обнаружены две черных полосы от ремня. Одна узкая, а другая широкая, перекрывающая первую почти по всей длине. Разница заметна лишь на концах. Узкий ремень оставил след вниз, как если бы два человека душили сзади. Широкий ремень, наоборот, оставил следы, вытянутые вверх, так как его оттягивало тело.

– Хм... да мало ли какие синяки на шее могли быть? Может, гайтан с крестом так неловко зацепился...

– Возможно. Однако в конюшне, где якобы повесился казначей, балка с привязанными вожжами находится слишком высоко.

– Мог встать на что-нибудь, – тут же нашелся государь.

– Верно, там есть лестница. Тот, кто ей пользовался, ненароком испачкал ноги в навозе, на ступеньках остались характерные следы. А вот ноги повешенного чистенькие, без всяких навозных пятен.

– Так... может, его жена успела обмыть?

– Хорошо, вернемся к лестнице. Чтобы повеситься, Тюрю должен был на чем-то стоять. Ни табурета, ни чурбачка в конюшне не обнаружилось. Та же лестница, если бы он воспользовался ею, не стояла бы аккуратно в углу.

– А вот... ежели... – на минуту задумался царь, которому, похоже, очень понравилась наша своеобразная «игра», – он ведь мог на коня сесть, пятками его толкнуть и повиснуть за милую душу!

– Мог бы, – согласился я, – но тогда указанная лошадь должна была бы послушно вернуться в свое стойло и привязаться уздечкой на крючок.

– Убедил! Твоя взяла. Вижу, что и впрямь по сыскному делу ты разумеешь. Думаешь, что сундучок-то подкинули?

– Думаю, да. Уж слишком легко мы его нашли, словно специально для нас и поставили. Меня больше беспокоит то, чего не нашли...

– Чего именно?

– Следов пребывания на подворье Тюрю шамаханского поджигателя. Значит, заказчик не он...

Уже на выходе из царского терема я столкнулся нос к носу с дьяком Филимоном.

– Здравствуйте, батюшка Никита Иванович! Как здоровьице? – любезно раскланялся он.

– А вот здоровье-то мое не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается, – неуклюже пошутил я, вспомнив детский мультфильм.

Лицо дьяка потемнело, он фамильярно взял меня за лацкан кителя и совершенно чужим голосом прошипел:

– Языком поменьше болтай! Не ровен час – всех погубишь... – После чего, увидев приближающихся стрельцов, вновь перешел на ласковый елей: – Ну так дай вам Бог силушки да терпения на такой-то тяжелой службе! До свиданьица, батюшка сысской воевода...

Я сошел по ступенькам во двор совершенно ошарашенный его поведением. Ни такая вежливость, ни такая грубость для думного дьяка Филимона были совершенно не характерны. Конечно, я его мало знаю, но все-таки...

Домой добрались только к обеду. Баба Яга, к моему глубочайшему удивлению, начала бодренько суетиться у печки, а у меня, здорового и молодого, от беготни буквально ноги отваливались. Появился проспавшийся после вчерашнего Митька. Вид протрезвевшего «сексота» был жалок. Начал он, как всегда, с показухи, есть за ним такой грешок. Что ни делает – все как будто Гамлета в последнем акте изображает. Роба помятая, качается, от самого разит, будто его целиком в спирте вымачивали, а туда же...

– Не гневись, батюшка сысской воевода! – Митька рухнул на колени и начал молча бить поклоны, гулко стучая лбом об пол.

– Кончай комедию ломать, трагик! Почему напился как свинья?!

– Христом Богом прошу, прости, батюшка! Прости меня, дурака немывого, неразумного! Деревенщину-засельщину! Сироту горемычную, необразованную!

– Митька! Ты у меня от ответа не увиливай, рабоче-крестьянское происхождение тебя не спасет.

– Не виновный я, но мне ответ держать! Не мог я не пить, ибо зело подозрительно сие...

– Ты такую фразочку сам смастрячил или подсказал кто? – даже удивился я. По сути парень прав, не пить он не мог. Но мог же не напиваться! – Ладно, вставай с колен, докладывай.

– А доложу я вам, батюшка участковый, страшное дело! – разом отставив в сторону жалостливый тон, поднялась эта орясина. – Как вы

и велели, пошел я в кабак. Сел в уголке, взял себе кружечку да ярыжку предупредил, чтоб все выпитое на ваш счет записывал...

– Идиот, – тихо выдохнул я.

Одним махом сорвал всю маскировку. Ну что ему можно доверить после этого?

– А сам сижу себе, да слушаю, да примечаю, да на ус мотаю. Вот дело к ночи, и заваливаются в кабак стрельцы. Не простые, а те, что у самой казны службу охранную несут. Ну, как же их упустить? Я ненароком поближе подсел, а чтоб, значит, подозрений не вызвать, мужиков к себе за стол поманил. Дескать, день у меня был тороватый, гуляю! Вино рекой течет, а ить мне ж еще и слушать надобно... Я наливаю всем...

– Дмитрий, не отвлекайся! Говори короче, что интересного сказали стрельцы?

– Так я, батюшка, об этом и толкую! А заговорили они о покраже в казне, и один промеж них возьми да и ляпни, будто бы в тот вечер сам боярин Мышкин приходил их караул проверять. Поглядел, покричал для порядка и сказал, что у всех пуговицы мелом не чищены. Срам-де для царевых слуг на таком высоком посту. Да чтоб сей же час все за мелом побежали, в порядок себя привели, а он уж тут постоит, их, нерадивых, дожидаясь. Стрельцы – люди подневольные, дунули – рысью, вернулись – галопом. Боярин журит, что, дескать, долго ждет, эвон – вспотел даже. А кафтан-то у него через руку перекинутый! Вот я и смекаю...

– Погоди. Чем дело пахнет, и так ясно. Больше стрельцы ничего не говорили?

– Нет. Зашикали друг на друга, вспомнили, как боярин предупредил, что, мол, ежели царю об их пуговицах известно станет, так он всех на дальние границы пошлет, на заставе печенегов да тьмутараканцев отстреливать. Ясное дело, кому под стрелы басурманские лезть охота? В столице служба не пыльная...

– Ну что ж... – Я привстал. Конечно, парень серьезно провинился, но раздобытые им сведения были попросту бесценны. – От лица командования первого отделения милиции города Лукошкино объявляю тебе благодарность!

Митькины глаза наполнились слезами умиления.

– Батюшка сыскной воевода... Да я... дык... ежели... приказать изволите... живота не пожалею для отечества...

– Будет вам! – несердито прикрикнула бабка, доставая скатерть. – Ты, милоч, берись-ка за топор да молоток. Слышал небось, что ночью-то деялось? Вот и иди конюшню чинить. Участковому пообедать надобно. Иди, иди, понадобишься – позовут!

Накрыв на стол, Баба Яга присела напротив, налила себе немного щей и завела со мной неспешную беседу:

– Когда супостата брать-то будешь?

– Как только пойму, зачем ему перстень.

– Дался он тебе! Все ж и без того ясно.

– Наоборот. После показания стрельцов все темней не придумаешь. Боярин, конечно, вор, но ведь не дурак уж до такой-то степени! Если его стрельцы по кабакам такое болтают, то он должен думать, что они на допросе выдадут. Ведь заложат с потрохами!

– Да ты ешь! Не обращай внимания на меня, старую. А все ж таки непонятно...

– И мне непонятно, – прочавкал я. – Если бы их уловка насчет самоубийства прошла, все были бы уверены, что злоумышленник – это казначей. Ему бы приписали и поджог, и шамахана, и все, что душе угодно. А вот согласно показаниям покойного... – я не поленился и достал планшетку, – когда стрельцы подняли тревогу и он прибежал по вызову – дверь была открыта! Неужели гражданин Мышкин, провернув такую операцию с пуговицами, позабыл элементарно запретить дверь подвала?! Абсурд!

– Да мало ли чего в деле-то не бывает? – поправила меня Яга. – Вдруг и впрямь забыл, а казначей-то прознал от стрельцов, кто ночью приходил, да и стал от воеводы свою долю требовать. Тот его и прихлопнул!

– Вполне состоятельная версия, – вынужденно признал я.

Бабка лихо соображает, дедуктивный метод ловит на лету. Если так и дальше пойдет, то придется ее в штат зачислять. Однозначно.

– К Мышкиным пойдем под вечер. Обыск в доме вряд ли что даст, а вот потолковать по душам, пожалуй, следует.

– Никитушка...

– А?

– Меня-то возьми.

– Ну а как без вас? – улыбнулся я. – Конечно, возьму. Вон из нас какая следственно-оперативная пара сработалась, любо-дорого!

Счастливая старуха полезла на полку за медом к чаю. В этот момент в дверь постучали. Яга сунулась в сени...

– Кто там? Если Митька, то пусть подождет.

За вчерашнюю работу я намерен представить его к денежной премии. Если крышу у конюшни починит...

Хозяйка вернулась в сопровождении щеголеватого мужичка с бегаящими глазами.

– Агафий я. Целовальник али ярыжник, как батюшке участковому удобней будет.

– А, кабатчик, значит? – догадался я. – Ну, заходите, с чем пожаловали?

– Дык, – смутился он, доставая смятую бумажку, – за деньгами, стало быть. Должок за вами, господин сыскной воевода. Парень-то ваш вчерась пил и друзей угощал...

– Помню. Он предупреждал. Ладно, оплатим, давайте счет.

Увидев его каракули, я на минуту потерял дар речи. Выстроившийся столбик цифр венчала подведенная сумма в... пять золотых червонцев! Но... у меня... у меня же зарплата в десять! Это же... Сколько ж он выпил, пьянь зеленая?! Ну, он у меня... да я ему...

– Ми-и-ить-ка-а-а!!!

Итак, после ужина мы с Бабой Ягой, без всякого стрелецкого эскорта, тихо, пешочком, пошли к терему боярина Мышкина. Митяй получил от меня бурную нахлобучку и в наказание отправился бдить за передвижениями думного дьяка Филимона. Зачем? Этого я и сам не мог толком объяснить. Ну, с одной стороны, наш растратчик будет при деле, а с другой... вдруг действительно что-то полезное визнает?

Мышкинское подворье было не так далеко от нашего, в получасе ходьбы. Царский терем имел четыре этажа, казначейский два, боярский три. Здесь все, что выше одноэтажной избы, гордо именовалось «терем»! Наш с Ягой был достаточно скромный, в общей сложности на пять комнат. Терем боярина впечатлял шириной, обилием пристроек и качеством ажурной резьбы по дереву. Честно скажу, мастера у них самого высшего класса. Надо – без единого

гвоздя, на одном рыбьем клею, такой дом соберут – двести лет простоит без капремонта!

Двор боярина Мышкина был обнесен толстенным частоколом, а за дубовыми воротами надрывались цепные псы. Мы постучали. Ноль внимания! Пришлось повторить, но уже ногой. Тот же результат. И лишь на третий раз из-за ворот раздался суровый голос:

– Пошли вон, а не то собак спущу!

– Пожалуйста, передайте гражданину Мышкину Афанасию Федоровичу, что пришел участковый и хочет с ним побеседовать.

– Не велено никого пущать!

– А если через десять минут он мне не откроет, то через полчаса стрельцы разнесут ворота «единорогами» и доставят боярина в пыточную, где царские палачи будут задавать ему такие же вопросы, что и я, но получать ответ другими методами.

Судя по топоту сапог, бдительный страж бросился за разъяснениями к хозяину. Через пару минут нас впустили. Шестеро здоровенных волкодавов рванулись было к нам, но Яга что-то буркнула, щелкнула зубом, и собаки, прижав уши, поскуливая, отползли прочь. Сопровождавший сторож посмотрел на нас едва ли не с суеверным страхом. Это хорошо, милицию должны уважать...

Боярин встретил нас в горнице, за торопливо накрытым столом:

– А, Никита Иванович пожаловал! Проходи, проходи, сыскной воевода, дорогим гостем будешь. И тебе, Баба Яга, завсегда рады... Милости прошу откусать, чем Бог послал!

Мы сели. Видимо, Бог уважал дом Мышкиных и потому слал не переставая. Слуги с новыми блюдами так и бегали взад-вперед.

– Я ведь к вам, Афанасий Федорович, так сказать, с неофициальным визитом. Побеседовать не торопясь, в домашней обстановке.

– О чем же? – неискренне удивился боярин.

– Да все о том же, о краже во дворце.

– Так ведь обговорили же все, батюшка. Мне стрельцы докладывали, что найдена пропажа-то. Вот ведь дело какое... казначей наш Тюрю преставился. Захлестнул, говорят, в конюшне петельку, да и совершил великий грех! Удавился, стало быть... А сундучок-то украденный у него в доме возьми и найдись. Вот оно ведь как обернулось...

Я его не перебивал. Мужичку настолько явно хотелось выговориться, оправдать себя, очернить казначея и побыстрее избавиться от меня, что даже забавно было посмотреть. Яга услужливо пододвинула мне поднос с пирогами, а сама неторопливо клевала по одной свежую чернику. Мышкин ничего не ел, но активно наполнял свою кружку пенистым медом. Когда его треп начал мне надоедать, я задал один простенький вопрос:

– Пуговицы начищают мелом?

Боярин поперхнулся. Хмельной напиток пошел не в то горло, он закашлялся, покраснел и неловко свалил кувшин. Скатерть испорчена бесповоротно...

С трудом отдышавшись, хозяин долго молчал, уставясь носом в стену. Потом глубоко вздохнул и, словно решившись на что-то, подтвердил:

– Мелом.

– Я хочу переговорить с подчиненными вам стрельцами.

– Не выйдет, участковый, – с затаенной злостью откликнулся боярин. – Стрельцы охранные только мне поручены. Надо что спросить – скажи мне. Я сам спрошу и тебе отвечу. А ты к моим стрельцам лезть не смей!

– Это почему же? – сощурился я.

– Ох, смотри, с огнем играешь, Никита Иванович! На нас, боярах, вся власть на Руси держится. Не след тебе дальше носа землю рыть...

– Огорчили вы меня, гражданин Мышкин. То в ногах валяетесь, прощения просите, а то угрожаете неизвестно в честь чего. Я ведь к вам по-человечески пришел, зачем на меня давить?

– Вот ты как запел... – встал боярин.

Будучи у себя дома, он вдруг стал хамовато-смелым. Мне доводилось встречать такие типы среди мелкой шушеры «бизнесменов с криминальным оттенком»... Что ни владелец пары киосков на рынке, то вот такой же крутой мафиози. Все зависит от того, насколько он пьян и уверен в собственной безнаказанности.

– Так вот я сейчас кликну своих дворовых холопов да прикажу тебя на конюшне плетями запороть! Ну а ночью мои молодцы тебя через стену сбросят, а то, что останется, волки сожрут. Был сыскной воевода, да весь вышел... Другим наука!

– И как же вы Бога не боитесь? – задумчиво поинтересовался я, в то время как боярин, видимо, истолковывал мое спокойствие как знак смиренного покорства его самодурной воле.

– Бога я не побоюсь! Уж не сомневайся, панихиду по тебе, ироду, сам закажу, а во спасение своей души свечу пудовую поставлю. Два денька попоцусь, помолюсь, Господь-то, он милостив... Когда-никогда простит! А люди честные за твою смерть только спасибо скажут да в ножки поклонятся... Эй, Парашка! – В двери сунула нос конопатая девчушка. – А ну, кликни-ка сюда моих молодцов! Да пусть поторопятся, батюшка сыскной воевода заждался, поди...

Я вопросительно глянул на Ягу, она едва заметно кивнула, потом повернулась к брызжущему слюной хозяину:

– Как со зверя шерсть и шерстинок шесть поднимались ввысь, у дерев вились. Где кора, где листва, а где береста – разомкни уста и сомкни уста!

По-моему, слова я воспроизвожу достаточно точно, вот тональность, музыкальную гамму, мне, конечно, не ухватить. Если действительно есть люди, которым медведь на ухо наступил, то на моих ушах он, видимо, отплясывал.

Удивительно то, что бабка, произнеся такой незамысловатый стишок, быстро шлепнула боярина Мышкина по губам и он заткнулся. То есть смотрел на нас круглыми от изумления глазами, хватал воздух ртом, изображая караса на сковородке, но ничего не говорил. Язык у него отнялся, что ли?

В горницу с шумом и грохотом вломились четверо здоровых лбов, сжимая в руках заостренные колья. Они столпились у дверей, ожидая хозяйских указаний, которых, как вы понимаете, не последовало. Парни наверняка были заранее предупреждены о возможном повороте событий, но уж никак не в эту сторону. Хозяин дома, перебравший меду, после пары неудачных попыток встать, снова плюхнулся на ту же скамью. Его глаза наполнились слезами, он широко открывал рот, тыкал туда пальцем и беспомощно разводил руками.

– Рыбьей костью подавился боярин, – охотно пояснила его жестикуляцию Баба Яга, – так что вы, добры молодцы, берите его под белы рученьки да несите в опочивальню, а хозяйюшка пускай не ленится да за лекарем поспешает. Рыбья кость, она ведь ох как опасна... Не ровен час, и задохнется батюшка Афанасий Федорович.

Холопы послушно кивнули, дружно побросали дреколье и взялись за хозяина. Тот даже мычать не мог, а лишь смотрел на нас умоляющим взглядом.

– Ничего, ничего. Не извиняйтесь, гражданин Мышкин, с кем не бывает? – вежливо добил я. – Вы уж подлечитесь, а там и поговорим. Но на этот раз уже у меня, долг платежом красен! И спасибо большое за разрешение побеседовать с вашими подчиненными. Я доложу царю о таком беззаветном содействии органам...

На выходе из ворот мы встретились с дьяком Филимоном. На сей раз он от нас буквально шарахнулся. На его прыщавой физиономии отразился такой ужас, словно он столкнулся с чертом! Так быстро от меня еще никто не улепетывал. Среди уличной толпы только засаленный колпак мелькал да тощая косица из-под него болталась из стороны в сторону.

– Ну и дела, – проворчал я, снимая фуражку. – А интересно, чего это дьяку понадобилось вечером в боярском тереме? Сплошные загадки... Странный он какой-то сегодня, вы не находите?

– Нахожу, милай, как не находить... – Яга подцепила меня под руку, и сейчас я более всего напоминал великовозрастного внука, выводящего родную бабушку совершать вечерний моцион.

– Мы с ним столкнулись у царя, так сначала он рассыпался в невероятной лести, а потом нагрубил как трамвайный хам. По-моему, он не в себе...

– Да он ли это?

– Не понял... – улыбнулся я.

– Что-то очень мне подозрительно, как он от нас сбежал. Зачем?

– Меня напугался. Он ведь явно спешил к Мышкину. Возможно, не хотел, чтоб мы поняли, что между ними существует связь.

– Нет, милок, ты нашего дьяка плохо знаешь, – фыркнула бабка, задумчиво морща лоб. – Он бы тебе наплел семь верст до небес, да все лесом. Либо царь послал, либо надобность служебная, либо стрельцы нетрезвы, либо еще чего, а токмо не побежал бы... Тут штука посерьезнее.

– Ладно, гадать не будем. Пойдем домой, к ночи Митяй заявится, доложит, зачем дьяк бегал, куда и как.

– Будь по-твоему, Никитушка... А только странно мне все же, чего ж таки он ушел? Я ить и взглянуть на него толком не успела...

Мне бы следовало обратить внимание на ее слова. Быть может, наше следствие закончилось бы тогда гораздо быстрее и с меньшими жертвами. Увы... я не гениальный сыщик, а обычный лейтенант милиции. Младший лейтенант, если быть абсолютно точным. Это было мое первое дело в Лукошкине, и я не мог предугадать всего. Просто не был подготовлен к такому развитию событий. Маскировку и камуфляж в сфере преступной деятельности мы еще проходили, но вот колдовство...

Мой штатный соглядатай заявился поздно ночью, когда мы уже напились чаю и коротали с Ягой время, дежурно перекидываясь в картишки. Выигрывала обычно старуха, хотя я, по опыту службы, частенько ловил ее на шельмовстве. Митяй встал передо мной навтыжку и доложил, что все отведенное ему время для шпионажа он честно простоял прямо напротив дьяковой избы, беззаботно лузгая семечки. А на случай, ежели его признают, одолжил у знакомого нищего костыль, поджал ногу и шапку надвинул на самый нос. Перевоплотился, блин! Я попытался представить себе двухметрового калеку, в хорошей одежде, новеньких сапогах, с дурацким костылем под мышкой, в глубоко надвинутой шапке и с горой шелухи под ногами... Так как дежурил он часов восемь, то уж семечек нагрыз будь здоров. Да еще, по его же признанию, когда поджатая нога затекала, он ее выпрямлял и подгибал другую! Господи, ну откуда же такой дуб на мою голову?! Безнадежен... Для работы тайным агентом столичного управления милиции – совершенно безнадежен! Однако, по его словам, дьяк пришел домой к обеду и вплоть до самой ночи никуда не выходил.

– Стоп! Вот тут ты гонишь... Как это никуда не выходил, если мы с Ягой столкнулись с ним лоб в лоб у дома боярина Мышкина около 20.00?

– Не могу знать, батюшка участковый, а только вот те крест – не выходил он из избы!

– Врешь ведь опять, мерзавец. Ты наверняка бегал куда-нибудь по «мокрому делу», или семечки покупал, или на девушек проходящих засматривался, а он в это время...

– За что напраслину возводишь, батюшка?! – обиженно взвыл парень. – Я ить там не лопнул едва, с ноги на ногу мялся, едва штаны не обмочил, а пост не бросил! Семечек у меня сперначала довольно было, вон и щас еще есть. А девицы, они по вечеру вдоль улиц не шастают, дома сидят. Да не выходил он никуда! Свеча у него в избе горела, и в окошке голову с косицею разглядеть можно было...

– Митяй! – строго приподнялся я, но Баба Яга удержала меня за рукав:

– Погодь, касатик... Непростое это дело, не врет он. Вранье-то, оно в человеке сразу видно. Ровно как туман черный, липкий с языка слетает. Не врет Митька, сторожил он дьяка исправно.

– Но ведь мы с вами оба видели Филимона Груздева у боярского терема?

– Видели, Никитушка, видели... Против этого разве попрешь?

– Вот именно! Факты – вещь упрямая. Не мог же дьяк Филимон быть одновременно в двух местах? Не раздвоился же он...

– В самое яблочко бьешь, голубь наш сизокрылый! – восторженно хлопнула в ладони бабка. – Так и есть! Я-то все думала, чего ж он тогда так резво убеж, нешто твоих погон испужался? Меня он боялся, меня! Я-то, поди, смогла бы признать – настоящий-то дьяк али кто в образе его.

– Что еще за глупости? – неуверенно возмутился я. – Вы хотите сказать...

– А я тебе с самого начала говорила – без колдовства здесь не обошлось!

– Да заарестовать их всех подряд, и делу конец! – подал совещательный голос Митяй.

Как деревенский парень, он всякого волшебства боялся, будто собака палку. Я – иное дело... Я просто вырос в другой среде и переполнен здоровым скептицизмом по отношению к тому, с чем не сталкивался лично. Хотя... может быть, то, как бабка Мышкина приструнила, и есть колдовство? Почему-то я вспомнил об этом только сейчас, а ведь хотел спросить сразу...

– Бабуль, а вот там, в боярских хоромах, вы Мышкину что-то про деревья или про шерсть сказали и он замолчал – это что, гипноз?

– Гип... кто?! – удивилась Яга. – Чтой-то за слово мудреное? Давай уж по-нашему, по-простому... Околдовала я его, Никитушка, замкнула

уста. Грубиян он и охальник. До самого утра слова вымолвить не сможет, а там уж, как заговорит, впредь думать будет.

– Значит, это колдовство... Не уверен, что подобные методы воздействия могут поощряться законом.

– Дык я на людях-то и не колдую почти... А только честь твою милицейскую поддержать надо было. Рази ж это дело – допустить, чтобы холопы боярские твою милость на конюшне плетью охаживали?!

– Он просто запугивал... – неуверенно начал я, но Баба Яга с таким пониманием взглянула мне в глаза, что я замолчал. Все верно. Если бы не она, неизвестно, чем кончился бы мой «дружеский визит» к зарвавшемуся самодуру.

– Ладно, поздно уже... Всем отдыхать. Завтра продолжаем слежку за дьяком и выписываем ордер на арест гражданина Мышкина за попытку нападения на представителей управления по охране правопорядка и по подозрению в краже сундучка из царской казны. Все. Подъем на рассвете. В 9.00 я намерен быть у Гороха.

К царю я отправился один. Яга осталась дома лепить пельмени. Митяй, как я приказал, выдвинулся на прежний пост, к филимоновскому дому. По дороге ничего особенно интересного не случилось. Дьяка я засечь успел, он вынырнул из царских палат буквально за минуту до того, как меня пригласила туда стража. Опять ни здрасте ни до свидания... Прошмыгнул мимо меня, надутый, как прокурор. Да и фиг бы с ним, но, когда я вошел к царю, Горох держал в руках лист бумаги, мрачный донельзя.

– Донос на тебя, сыскной воевода! – буркнул он вместо приветствия.

– Не может быть, – притворно удивился я. – Здрасте, ваше величество. Да за что ж это на скромного работника милиции ни с того ни с сего пошли кляузы, жалобы и анонимки? Не верьте вы им, я хороший...

– Шутом бы тебе быть, а не сыском заведовать! – подковырнул царь.

– Ну отчего же... Хотите, на спор угадаю, кто донос написал? Дьяк Филимон!

– Догада... Ну, догада и есть! На, прочти, что тут про твою особу понаписано. – Горох ткнул мне в грудь лист бумаги и, заложив руки за спину, стал неспешно прогуливаться вокруг трона. – Да ты вслух читай, не бубни!

– «...над честными людьми чинит произвол и беззаконие. Стрельцов понуждает невинных через весь город в отделение волочить. А коли кто слово супротив скажет – бьют нещадно...» Что, весь этот бред вслух читать или можно выборочно?

– А как хошь, давай хоть бы и выборочно, да только не торопясь и с выражением, так чтоб аж слезу вышибало!

– Угу... так, значит... вот: «...руки скрутив, в харю мне плевал и ругался не христиански. Дыбой грозился прилюдно, батогами, острогом и каторгой. По гроб жизни, дескать, с нар не слезу!» М-м-м... так, еще здесь: «...а сам пьян был без меры и потому зол зело. И сожительница его...» Кто?! Кого он сожительницей назвал? «...Баба Яга, старуха, как есть зловредная, по его же наущению обещалась порчу навести и трижды собакой гавкнула». Во дает... он же сам себе приговор подписывает, Яга его за такие оскорбления в мухомор превратит. Ага!.. Вот и самое интересное, на закуску: «...особу твою царскую материл столь грязно, что и повторить боязно! А по сему прошу нижайше доклад мой к сведенью принять, злодея Никитку укоротить, все бесчинные обвинения от меня, неповинного, отвести и...» Суду все ясно. Судя по столбику цифр внизу он еще пытается слупить с меня штрафы за моральный ущерб, судебные издержки, потерянное время и нанесенное ему, как сотруднику аппарата власти, оскорбления. О, так это еще не все?! «...Опосля чего в колодки его заковать, в поруб засадить и по суду твоему царскому, справедливому казни предать, а тело сжечь да пепел по ветру развеять. Уж этим, надежа-государь, я и сам займусь, чтоб даже памяти его...»

– Как тебе? – съехидничал царь. – Запугивал ты в одночасье все мое государство страшнее всех лютых врагов. Честным людям продыхнуть не даешь! Прям Змей Горыныч какой-то...

– Ваше величество, подарите на память! Коллекционная вещь, на стену повешу... – взмолился я.

– Отдай! Пушай здесь полежит, мне тоже иногда хочется перед сном страшную сказку послушать. А ты доложи, как дело идет.

Я рассказал о нечищенных пуговицах, о визите в боярский терем, об инциденте, там произошедшем, об установленной слежке за дьяком и необходимом ордере на арест Мышкина. Горох слушал не перебивая.

– Таким образом мы окончательно выясним степень причастности данных лиц к совершенному преступлению. Когда у меня на руках будут все доказательства, мы возьмем банду.

– Одного я не пойму, – задумчиво сдвинул корону набок царь Горох, – зачем? Ясно же без слов, что воруют, да и бог бы с ним. Мы все воруем понемногу чего-нибудь и где-нибудь... С чего же на рожон лезть? Зачем они сразу столь много денег хапнули? Ведь ясно же, что большой пропажи быстрее хватятся...

– А меня все так же тревожит украденный перстень. Почему он нигде не всплыл?

– Я тут с Митрофаном Древним переговорил. Видел небось? Седой такой боярин, лет за сто ему, он ведь еще деда моего помнит... Спросил о перстне с хризопразом. Откуда, мол, кто купил или подарил, кому да в честь чего. Оказалось, что перстенок тот еще маме моей покойнице в приданом даден был. Вроде сила в нем колдовская есть, а какая – не помнит...

– Давайте уточним, ваше величество, – заинтересовался я, – что, за все время царствования вашей матушки как волшебный предмет перстень не использовался? Он на вашей памяти вообще функционировал хоть раз?

– Нет... О чем тебе и толкую. Ты с Ягой о том поболтай, она бабка опытная, может, своими путями чего и прознает.

– Царь-батюшка! – В дверях показалась смущенная стража. – Тут из думного приказа дьяк новую бумагу передал. Срочный донос от боярина Мышкина.

Мы с царем понимающе переглянулись.

– Велю подать сюда!

– Я первый читаю!

– Нет, я!

– Пойдем на компромисс – читаю я, но вслух.

– С выражением?

– Естественно, как Смоктуновский! – уверил я, и царь согласился.

Опуская все необходимые в этих случаях титулы, мы быстренько переключились на главное: «...холопов моих верных избил почем зря,

а злостная Баба Яга собак цепных ворожейным словом заколдовала, отчего они поныне скулят, а лаять или кусать кого – не хотят!»

– А старушка-то все еще в силе, – искренне удивился царь, – мне говорили, что она в молодости знатная колдовка была. В лесу дремучем избушку на курьих ножках имела, в ступе по небу летала, помелом подгоняя. С самим Кощеем Бессмертным дружбу водила, а уж всякие упыри, лешие да русалки – те у нее в подчинении как шелковые ходили. Сколько царевичей-королевичей извела... и помыслить страшно!

– Да будет вам на мою хозяйку наговаривать...

– Так ведь и я думаю, что брехня! Фактов нету. Свидетелей тоже. Одни сплетни... Ну, не тяни, дальше читай!

– Читаю: «Участковый же совсем стыд потерял и на честных бояр поклеп возводит совершенно без уважения. Подозрителен без меры, к чинам, да имени родовому, да заслугам перед Отечеством должного почтения не имеет. А еще доложу, царь-батюшка, что требовал сыскной воевода откуп от меня, убогого! Полтерема, четверку борзых коней, дворовую девку Парашку, а сверх того – пятьсот монет да персидскую мухобойку, тобой, государь, пожалованную...»

– Тьфу ты, прости Господи! – рассердился Горох. – А мухобойка-то тебе на кой ляд сдалась?!

– Митяя от варенья отгонять! – пояснил я.

– Так сразу бы оглоблю просил али пушку настенную... Чего мелочиться? Дальше читай.

– Дальше... ага, тут он уже лично о себе пишет: «...и служил тебе, государь, верой и правдою столько лет, живота своего не жалея. Ночей не спал, недопивал, недоедал, все силы положил, казну твою от злодеев охраняючи. Смилуйся, царь-батюшка! Доколе аспид энтот в милицейском платье над слугами твоими верными изгаляться будет? Доколе произвол и унижение терпеть, попреки да обиды сносить, брань да побои принимать, страдая безвинно? А надо тебе того Никитку участкового наказать примерно! Вот уж как он на дыбе повисит, а опосля в кандалы, да железом каленым...» Дальше можно не читать... Все одно и то же. Меня уже мутит от богатства садистской фантазии ваших подчиненных.

– И то верно, – согласился Горох. – Возьмешь моих стрельцов, перероешь терем Мышкина и дьяка потрясешь. Да не рассусоливай с ними! Бумагу в приказе возьмешь, я подпишу.

– А как же доносы?

– Пущай полежат до срока. Вдруг и пригодятся, не ровен час. А теперь пошли со мной...

– Куда, ваше величество?

– Чай пить, – объявил царь Горох, дружески обнимая меня за плечи.

Мы с ним хорошо посидели. Несмотря на разницу в возрасте (мне – двадцать два, ему – тридцать три), мы отлично понимали друг друга. Царь был вдов, его жена, царица Ульяна, умерла три года назад, не

оставив ему детей. Бояре, духовенство да и весь простой народ активно уговаривали государя жениться. Предлагались на выбор дородные красавицы из местных, самых благородных кровей, две княжны из сопредельной Тьмутаракани, польская королева из соседнего Крякова и, по-моему, даже какая-то знойная негритянка из семьи многодетного вождя далекой Эфиопии. Однако Горох не горел желанием вновь охомутать себя законным браком. Его вполне устраивало тисканье дворовых девок в темных углах терема. Надо признать, мужчина он был симпатичный и жалоб на «последствия» никогда не получал, щедро отсыпая каждой подружке на столь богатое приданое, что их охотно забирали замуж царевы слуги. Но, так или иначе, царь отдавал себе отчет в том, что когда-нибудь вопрос о престолонаследии встанет ребром. Внебрачных детишек на государевом подворье носилось штук пятьдесят, а настоящего царевича все-таки не было.

– Да женюсь я, женюсь... Куда денусь? – рассуждал Горох, прихлебывая липовый чай с земляничным вареньем. – Вот хоть на Златке Збышковской из Крякова али на эфиопке этой... как ее... Тамтамба Мумумба? Перекрестим в Татьяну Мумушкину, наденем сарафан, вот только как косу заплетать? Глядел я на ее портрет – на башке одни кудряшки! Чистая овца. Но ликом черна и прекрасна... В баню буду водить почаще, отмоеся поди, побелеет, а?

– Это вряд ли, – вздохнул я. – У негров такая пигментация кожи. Тут уж ничего не попишешь, это на всю жизнь. Хотя... Вот ваши дети, например, могут родиться либо черными, либо... не очень черными.

– Хм... утешил. А сам-то ты, Никита Иванович, чего холостым ходишь? Али до сих пор не приглядел себе ни одну зазнобушку?

– У меня была невеста... там, в моем мире. Хорошая девушка, педагогический институт заканчивала. Наташа...

– Знатного ли рода?

– Ну, это у нас не играло такой уж важной роли. Хотя она по материнской линии происходила аж от князей Долгоруких, основателей Москвы.

– Так чего ж ты тянул?! – возмутился царь. – Жениться надо было на княжне, а все ученье свое она бы и дома продолжила. Не след девице шибко образованной быть, не для того она в жизни

предназначена. Ну да не горюй! Дело прошлое, чего было, того не воротишь... Она уж, поди, давно за другим.

– Утешили, – в свою очередь хмыкнул я.

А в самом деле, не могу сказать, чтобы я сходил с ума от разлуки, и был благодарен за это именно ей, моей далекой Наташе. Когда-то давно она, начитавшись Дейла Карнеги, вбивала в мою неуравновешенную голову искусство перестать беспокоиться и начать жить. Если не можешь сию минуту изменить ситуацию, не спеши, выдохни, займись другим делом, а к данной проблеме вернешься потом. Если же и потом ничего не изменилось, значит, такова твоя судьба и не стоит с ней бодаться – рога поломаешь. Живи тем, что есть. Помни о том, что было. Верь в то, что будет. Но не позволяй ни прошлому, ни будущему портить твою жизнь.

– Ну, что Бог ни делает, то к лучшему! – очень к месту подытожил мои умозаключения царь Горох. – Чую я – вместе мы свадьбы закатим, пока недосуг – дел полно. Мне еще послов иноземных принять надо, да и ты сюда не за чаями шел. Стрельцов-то поболее возьми, не хочу, чтоб боярин вдругорядь в искушение впал да со всеми своими холопьями вас вдоль улицы дрекольем попер. Вы – царевы люди! Государева служба! Милиция! Не хухры-мухры... В общем, действуй давай, сыскной воевода.

Я решил, что полусотни стрельцов мне будет более чем достаточно. Для пущей важности им было приказано идти за мной с песней, и улочки вздрагивали от залихватского:

Соловей, соловей, пта-шеч-ка!

Эх, да канареечка жалобно поет!

Очень красивое и впечатляющее зрелище. Пятьдесят рослых бородатых молодцов в красных праздничных кафтанах, с начищенными бердышами на плечо, барабанщиками и знаменосцем. Следом неслась счастливая стайка мальчишек, а пока мы добрались до боярского двора, за нами уже увязалась изрядная толпа ротозеев. Несмотря на обеденное время, столько народу полезло поглазеть на наш военный парад, что тесовый забор Мышкина буквально прогибался под напорающими представителями любопытствующих горожан. Время от времени кто-нибудь громко спрашивал:

– Люди добрые, а чаво случилось?

– Бояр Мышкиных под арест берут! – на всю улицу так же орал неизвестно какой умник.

– Да за что ж их так, сердешных?

– Как за что? Знамо дело, за государеву измену!

– Точно! Мышкины, они завсегда с басурманами снюханы были!

– Не приведи Господь...

– Да вот те крест!

– За воровство их берут! Стало быть, все из царева терема понатаסקали: злата, серебра, сундуков с каменьями самоцветными – несметные тыщи! Ложки серебряные, и те уперли. Вот как государю наутро кашу-то подали да деревянную ложку в белы рученьки дали – тут-то и осерчал батюшка...

– Иноверцы они! Креста христианского не признают, в церкви к иконам задом становятся, перед храмом шапку не ломают, ручку попу не целуют...

– Вот-вот! Колдовская их порода и есть! Намедни все боярыню видели, когда она пестрой свиньей обернулась да вдоль по улице бежала, а в зубах у ей ворованный куренок был...

– Брехня! Откуль ты знаешь, что то боярыня была?

– Дык... А у ней серьга в ухе посверкивала, и ругалась сквозь зубы мастерски и все задом вертела... туда-сюда, туда-сюда! Вылитая боярыня и есть...

– Граждане! – Мне пришлось до надрыва горла повысвить голос. – Попрошу разойтись по домам и не мешать работе органов правопорядка.

– Да ты не сумлевайся, сыскной воевода, мешать не будем! – восторженно завопили из толпы. – Ты токмо скажи, когда терем поджигать, а уж мы пособим. Поможем твоим органам. И пепла не оставим от государевых ослушников!

Я страдальчески вздохнул, жестом попросив стрельцов отогнать энтузиастов подальше, а сам деликатно постучал в ворота.

– Кто там? – задал неостроумный вопрос тот же мужик, что встречал нас с Ягой.

– Милиция.

– Не велено... – заскулил бедолага, но ворота отпер. А куда бы он делся, если мы тут с таким ОМОНОм?

– Где боярин? – неторопливо спросил я, направляясь в терем.

– Ох, батюшка... горе-то какое! Пропал кормилец наш...

Боярыня выла не переставая. Семь бабок, нянек или как их еще там наперебой успокаивали несчастную, поскуливая так старательно, что порой заглушали даже саму хозяйку. Кто стоял на коленях перед образами, кто читал вслух Святое Писание, кто подсовывал чарку с медом, кто размахивал дымящимся букетом высушенных трав... Все были при деле. Естественно, объяснить мне, что же произошло, не мог никто. Пришлось присесть в уголке у окна, перехватить у пробегающей девки с подносом ковш кваса и ждать, пока обстановка нормализуется. К сожалению, боярыня взялась за истерику всерьез и надолго. Когда стрелка моих часов отсчитала пятнадцать минут, я высунулся в окно, делая знак стрельцам. Спустя мгновение мои молодцы так быстро вытолкали из помещения всех сочувствующих, что бабки даже не успели осознать, как это произошло. Мы с боярыней остались один на один. Поняв, что изображать безутешную вдову больше не перед кем, хозяйка быстренько вытерла слезы и повернулась ко мне:

– Что делать-то будем, батюшка сыскной воевода? Ведь и вправду пропал мой мужик...

– Разберемся, – пообещал я. – Давайте-ка по порядку. Ваше имя-отчество?

– Меланья Карповна, урожденная Дурнова, по замужеству Мышкина. Трое детей. Муж служит государю в высокой должности.

– Странно, ваш муж уверял, будто детей у вас семь и восьмым вы беременная.

– У него, может, и семь, – вспыхнула боярыня, – откуда я знаю, кто где бегаёт, а только я троих родила... В законном браке! А насчет того, чем беременная, про то не ему судить.

– Так. Записал. Чем занимаетесь?

– Да чем же замужняя женщина заниматься может? За что ж вы обо мне такого мнения? – густо покраснела боярыня, на вид ей едва ли было за тридцать. – С детишками возжусь, по хозяйству опять же, потом шью, вышиваю и... все. А ежели кто из девок протрепался, будто бы я со стрельцами молодыми занимаюсь чем там ни есть, – так то брехня! Я их, мерзавок, завтра же велю всех перепороть.

– Минуточку, будьте добры всего лишь объяснить, что вы делали вчера и сегодня до того самого момента, как пропал ваш муж.

– Вчера? – Боярыня подперла ладошкой румяную щечку и впала в глубокую задумчивость.

Ее голубые глаза подернулись романтической дымкой, по-видимому, воспоминания доставляли томное удовольствие... В ожидании ее рассказа я высунул нос в окно и дал приказ стрельцам перетрясти все, что можно, в поисках исчезнувшего перстня и пропавшего боярина. Хотелось все закончить хотя бы к ужину. Обед, естественно, пропал безвозвратно, Яга меня не дождетя, а царский чай с баранками и вареньем – все-таки не еда.

– Вчера весь денек я по хозяйству руководила. Девки перины взбивали, так я им и указывала. Потом чай пила, Богу молилась, а как стемнело, мы с Афанасием Федоровичем в постель возлегли. Ну... там... ничего не было. Уснул батюшка наш, повернулся ко мне спиной своей белой и захрапел, скотина...

– Хорошо, значит, ночью он был при вас. Что вы делали утром?

– Встала, умылась, оделась, завтраку откушала, икорки белужьей, осетринки немного, щец тарелочку, пирожки с брусникой, визигой, капустой, да курник не слишком крупный... Потом грузди соленые, кисель клюквенный, ватрушки с творогом и...

– И? – невольно заинтересовался я.

– Анисовой рюмочку, – шепотом выдала она, старательно краснея.

Терпеть не могу допрашивать женщин, они почти всегда врут, но никогда не поймешь, где, в какой момент и с какой целью. Вот ведь прекрасно понимает, о чем я спрашиваю, а несет все подряд, любую чушь, лишь бы не отвечать на поставленный вопрос. Каким местом женщины чувят, что мужчина не причинит им вреда? Другой бы давно отдал приказ, и боярыню за волосы отволокли бы в пыточную камеру, и через полчаса я бы знал самую засекреченную информацию. Но ведь понимает, подлая баба, что я этого не сделаю...

– С вашим питанием мне все ясно, теперь давайте об исчезновении мужа.

– Чего ж тут давать-то? – вновь засмушалась Меланья Карповна.

У меня начало складываться нездоровое впечатление, будто во всех моих словах она видит какой-то особый, извращенный смысл.

– Муж мой еще до завтрака к дьяку думному побег. Бумагу писать собирался. О чем, мне неизвестно, но дело вроде бы спешное, государево. Как я из-за стола-то встала, тут и стрельцы охранные прибежали, дескать, царь велел боярину пред очи его ясные явиться. Ну я возьми да и скажи, что батюшка Афанасий Федорович еще часа четыре назад в терем царев отправился.

– Так. А они?

– Они говорят, нет, мол, в государевых покоях боярина Мышкина. Я их к дьяку в дом послала, да девку Парашку с ними. Парашка как прибежала, так ревмя и ревет! Не был кормилец мой у дьяка-то... Я уж всех слуг по Лукошкину на поиск отправила, сама сию смирнехонько, слезы лью, а вестей никаких. Ни в тереме царском, ни в кабаках, ни у друзей, ни на базаре, ни в церкви Божьей – нет моего мужика! Тут вот и вы пожаловали... Ой-й-й... да что ж мне делать-то теперь, горемычной? И не жена, и не вдова... Да на кого ж ты меня покинул, сокол ясный, лебедь белый, голубок сизокрылы-ы-ый...

Боярыня страстно рухнула мне на грудь, крепко прижав меня к себе дебелими ручками. Я пару раз дернулся – бесполезно... Китель начинал намочать от горючих слез, а боярыня, хлюпая носом, все крепче и крепче прижимала меня к себе, явно требуя активного утешения. Если не удастся вырваться, то эта богатырка утешится мной сама, не дожидаясь моего пассивного согласия.

– Меланья Карповна! Прекратите сейчас же! Сюда же войти могут...

– Да кто ж посмеет?!

– Как кто? Полон дом народу!

– А вот скажи, каково теперь бабе без мужика?

– Шаги в коридоре! Пустите меня! Я при исполнении!

– Пусть только сунутся – на конюшню и в батога!

– Все равно не могу...

– Да я тебе денег заплачу! – твердо молвила боярыня, пытаюсь повалить меня на скамью.

Слава тебе, Господи! В дверь действительно постучали.

– Батюшка сыскной воевода! – просунулась в комнату конопатая физиономия стрельца. – Там в подвальчике место нашли... непонятное. А не изволите ли взглянуть опытным глазом?

– Иду! – Я вырвался, встал, поправил галстук, подхватил планшетку и едва не расцеловал парня «за спасение».

Гражданка Мышкина отсутствующим взглядом смотрела в окно, ее полная грудь высоко вздымалась, а рука тихо гладила скамью в том месте, где я только что лежал. Стрельцы вывели меня во двор, к овину, там в самом углу был обнаружен скрытый в полу люк. Стрельцы отгребли в сторону солому, зажгли свечи, и я, в сопровождении двух дюжих парней, спустился по лестнице вниз. Довольно большое помещение почти на треть было завалено оружием, но форма мечей, копий и сабель здорово отличалась от уже виденных мною. Все в изгибах, сталь вороненая, зловещего черного цвета, с так называемыми «зубами».

– Шамаханское, – загомонили стрельцы.

– Да тут его целый арсенал... Молодцы! Всех представлю к награде, бочку вина за счет казны, – громко похвалил я, по ходу дела продолжая осмотр.

В углу, на дубовом чурбачке, стоял каменный идол – очень грубая скульптура из серого гранита, изображающая лысого монгола с щелками вместо глаз, отвисшим брюшком и страшными оскаленными клыками. Рот божества был перемазан засохшей кровью. Японский городской! Только идолопоклонников мне еще не хватало... Оргии, кровавые жертвоприношения, черные ритуалы, буйнопомешанные пляски, пьянство, разврат, разгул – и все на моем участке! Меня вновь переполнила здоровая ненависть милиционера к нарушителям правопорядка. В противоположном углу зияла солидная дыра. Я послал стрельцов поглядеть, как далеко ведет этот ход. Они вернулись минут через тридцать, доложив, что обнаружили в конце лопату и две кирки. Учитывая близость дома боярина к крепостной стене, я был почти уверен, что подземный ход рылся с целью тайного входа или выхода из города. Так... против гражданина Мышкина скопились слишком серьезные улики. Дело о краже сундучка грозило обернуться куда более серьезными последствиями. Что бы там ни наворотил боярин, его надо срочно найти, арестовать и допросить. Я вышел из овина, оставив внутри четверых стрельцов и еще троих снаружи у дверей. Десятерым было приказано квартировать в тереме на случай появления хозяина, остальные отправились к царю. Лично я уже изрядно вымотался, время обеда – святое время, а тут, того и гляди,

еще без ужина останешься. Всю дорогу к Яге меня неотступно преследовали навязчивые вопросы. Почему исчез боярин? Почувствовал опасность ареста? Испугался сообщников? Зачем он устроил у себя на подворье склад оружия, тайное капище, подземный ход за городскую стену? Все это здорово напоминало заговор с оттенком международного терроризма и серьезно меняло мое мнение о Мышкине. Первоначально я считал его просто трусоватым хамом, способным злоупотребить своим служебным положением, но чтоб он пошел на крупное дело... Надо поподробнее расспросить Ягу насчет этих шамаханов. Что-то здесь нечисто... Боярин Мышкин никак не тянет на главу серьезной группировки. Дьяк? Тоже замешан в этом деле по уши, но крутым авторитетом не выглядит. Казначей мертв. Других подозреваемых у нас нет. Значит, все по-прежнему крутится в этой тройке.

Баба Яга встретила меня оханьем и аханьем по поводу нарушения моего режима питания. Сил спорить просто не было...

– Никитушка, сейчас же мой руки да за стол! Пока не откушаешь – никаких разговоров. Даже слушать не буду, не спорь со старухой!

– Слушаюсь! – козырнул я. – Одна просьбочка, бабуля, пока я ем, расскажи-ка мне все, что тебе известно про магический камень хризопраз и конкретно о шамаханах.

Яга быстренько заставила скатерть, села напротив, глядя на меня самым сострадательным взглядом. Несмотря ни на что, свой рассказ бабка начала, лишь когда я основательно наелся.

– Сперначала давай о шамаханском царстве поговорим. Городище ихний, Сарай называется, от нашего государства не слишком далеко, верст за сто. Орды их по всем степям кочуют, грабят, убивают, разбойничают... Внешне они дюже на печенегов или хазаров похожи, только еще злее и хитрее. Нападают на деревни, когда мужики в поле. Стариков режут, девиц да жен молодых с детьми – в полон угоняют. А что не могут с собой увезти, то жгут без жалости. На наше Лукошкино давно зубы точат. Приступом взять не смогут, стены высоки, стрельцы не из трусливых, да и жители, случись что, в стороне не останутся.

Неторопливо прихлебывая липовый чай, я вкратце обрисовал все, что мы обнаружили в мышкинском овине. Бабка здорово помрачнела:

– Дык... ведь это ж заговор, Никитушка! Нужно срочно царю доложить.

– Стрельцы с докладом уже там. Жена боярина, некая Меланья Карповна, утверждает, что ее муж рано утром ушел с деловым визитом к дьяку Филимону. Но ни у дьяка, ни у царя, ни на базаре, ни в церкви его не было. Вышел из дома и... все, исчез.

– Темное дельце. Ну, а ты что?

– Объявил его в розыск. Стрельцы весь город перелопатят, им даже примет не надо, боярина и так любая собака знает. Меня больше интересует другое. Сегодня за чаем Горох выдал мне забавную историю о перстне с хризопразом. Эта вещица была в составе приданого его матери. Перстень якобы должен обладать некой магической силой. В чем конкретно она выражается, царь не знает, но мы оба склонны предполагать, что именно из-за этого его и украли.

– Сама я о том перстеньке ничего не ведаю, но поспрошаю. На вечерней заре выйдем во двор, поговорим с кем надо, глядишь, чего и вызнаем. А сам-то, милоч, как думаешь дальше быть?

– Дождусь Митяя и ближе к ночи устрою обыск дома дьяка. Возможно, найду недостающие улики, без этого мозаика никак не хочет складываться. Я подозревал, и вполне логично, что все трое запускали лапы в государственные средства. Вероятно, боярин, чувствуя себя наиболее значимой фигурой, неожиданно решил хапнуть побольше. Его жена тратит немало денег на свои наряды, да еще и щедро награждает храбрых молодцов за небольшие, но приятные услуги. Казначей Тюрю быстро понимает, что к чему, и начинает шантажировать гражданина Мышкина. В результате развития следствия боярин теряет голову и, связавшись с шамаханами, натравливает одного для поджога нашего терема. Другие, выбрав время, убили казначея и подбросили ему сундучок, находящийся в розыске. Сам Мышкин советуется с Филимоном и пишет на меня донос. Поняв, что это не сработало, он ударяется в бег. Шамаханы как-то проникают в город и готовят подземный ход за стену на задворках боярского подворья.

– Я разобью эту твою версию за пять минут на куски-осколочки, плюну и в пыль разотру! – гордо подбоченилась Баба Яга.

Мне осталось только сокрушенно пожать плечами. Если бы свою теорию разбивал я сам, то наверняка справился бы еще быстрее...

Под вечер заявился Митяй с докладом. Дьяк Филимон вышел из дому на рассвете, до обеда крутился на государевом дворе, и Митька бдил за ним через щели в заборе. Когда отряд стрельцов под моим командованием отправился на арест к Мышкиным, дьяк выждал полчаса, вышел из ворот и вплоть до самого вечера шнырял по городу.

– Ох и умотал же меня, аспид! Носится туда-сюда, словно собака бешеная. А я за ним, аки репей у ейной псины на хвосте – уж как прилип, так не отлипну! Завсегда готов к героической службе на благо Отечества...

– Давай по порядку, куда заходил дьяк?

– Да как же я, батюшка воевода, буду по порядку, коли он, ирод долгополый, так беспорядочно бегал! – взвыл мой измотанный соглядатай. – На базаре он был, по всем прилавкам лазил, все шупал, по купеческим подворьям шастал, везде нос совал, а кои места и мелом крестиком метил.

– Что именно? – заинтересовался я.

– Конюшни, кузницы, склады оружейные да скобяные, амбары хлебные, колодези, казармы стрелецкие, подвалы пороховые... – пустился перечислять Митяй, загибая толстые пальцы.

С математикой у него туго, но этими же пальчиками парень кованые шпигари в узел завязывает... Однако филерская работа пошла у него лучше, чем пассивная слежка за домом.

– Молодец! Хвалю за выполнение задания. Бабулечка-красотулечка, будь добра, поставь ковшик меду герою.

– Ведерко бы... – скромненько потупился наш хитрец.

– Неча парня опосля работы спаивать, – привычно заворчала бабка, но корчагу с медом таки дала.

Пока Митька разливал содержимое на два ковшика (себе – побольше, мне – поменьше), я продолжил расспросы:

– Дьяка до дома сопровождал?

– А как же, Никита Иванович, аж до самых ворот, и даже калиточку ему распахнул.

– Что?!

– Дык, говорю, как до дома-то его мы дошли, он уж совсем избегался, дышал тяжело, а мне что, жалко? Дай, думаю, подмогну государевому человеку. Ну, так калиточку и распахнул...

– Так ты... ты всю маскировку... – не сразу допетрил я. – Ты хочешь мне сказать, что он видел, как ты за ним следил?

– Сперначала-то, нет, – охотно пояснил «филер», приканчивая третий ковш, – а вот уж когда он метки мелом ставить начал, тут я не удержался, подошел поближе, чтоб лучше видеть. Так за плечом и стоял... Потом рядом, а там за разговорами уж вместе те крестики и ставили. Вдвоем веселее...

– Никитушка! – Баба Яга укоризненно перехватила мою руку за секунду до того, как я отвесил Митьке подзатыльник. – Не калечь дурачка, он у нас и так на голову ушибленный. Старался, как мог...

– Надеюсь, хоть языком-то не трепал? – все еще едва сдерживаясь, зарычал я.

– Дык... этого... ничего...

– Что ничего?!

– Ничего такого я ему не сказал, – задумчиво ответил наш герой, опуская на стол четвертый ковш без малейших признаков алкогольного опьянения. – Он спросил, чего это я тут хожу? Я ответил, что гуляю я тут. Он покивал, по плечу меня похлопал, халвы ореховой мне купил...

– Чего сделал? – в свою очередь распахнула рот бабка. – Да чтоб дьяк Филимон по своей воле, на свои деньги, хоть кому горсть семечек купил?! По всему Лукошкину должны кобели передохнуть!

– Так вот и мне ж он таким странным показался! – буркнул Митька. – Халвой кормит, рюмку водки уговаривал откусать, все о тебе, воевода-батюшка расспрашивал.

– О чем именно?

– Ох, гражданин участковый, даже и выговорить смущаюсь...

– Говори! – хором рявкнули мы с Ягой.

– Стыдоба... – покраснел парень. – Как же я такое при порядочных людях говорить буду?

– Митька, не тyani...

– Ох и срамотища-то... Да чтоб у меня язык отсох подобную погань в присутствии начальства сызнова повторять!

Я на пару с бабкой вцепился в ковш, который Митяй уже в пятый раз наполнял хмельным медом.

– Или ты сейчас же скажешь, чем интересовался дьяк, или мы из тебя...

– А ежели скажу, драться не будете?

– Не будем.

– А меду нальете?

– Нальем.

– Эх, гори оно все синим пламенем! – раздухарился мой помощник. – Пропадай моя буйна голова, а только скажу я тебе, Никита Иванович, всю правду-истину. На том и крест святой целовать готов, и на иконе побожиться.

– Не держи, меня, батюшка, щас я его козлом оберну безрогим! – взвилась Баба Яга, но Митяй хладнокровно продолжил:

– А спрашивал меня дьяк Филимон о том, что, мол, нет ли у участкового нашего хвоста сзади? Небольшого, но крученого, на манер поросычьего. Я ж ему едва косу не оборвал за грубость! Но вспомнил, что я таперича милиционер, представитель власти, мне без ордера драться никак нельзя. Зубом скрипнул, да и запомнил... Даст бог, ужо взыщу должок с длиннополого.

– Да он ить пьян!

– Ни в одном глазу! – запротестовал парень, пытаясь налить себе в шестой раз, но я быстро развернул его к дверям, поблагодарив за службу и направив на законный отдых.

Мне требовалось поговорить с Ягой наедине. Мы вновь присели за стол, как только Митьке в сени был отправлен его ужин. Яга уселась напротив, подперев подбородок руками:

– Ох, чую, что ты мне не все рассказал...

– Да я и сам не знал толком... Столкнулся у царя с Филимоном, он спросил, как здоровье. Ну, я и ляпнул, шутки ради: «То лапы ломит, то хвост отваливается». Но дьяк неожиданно встревожился, запаниковал и сказал, что я всех погубить могу. Я лично ничего не понял. А вот теперь этот вопрос о хвосте всплыл снова... Почему?

– Дьяка нонче же брать надо, – после недолгих размышлений объявила бабка с самым мрачным видом. – Ох, Никитушка, да неужто заговор против царя такие корни пустил? Могем и не успеть...

– Ночью возьмем, я со стрельцами договорился, но при чем тут заговор?

– У шамаханов, батюшка, есть сильно могучие колдуны. Они, как в народе говорят, будто личины других людей на себя надевать могут. И ни за что их не отличишь, кроме как по хвосту.

– Елки зеленые! – поразился я. – Да что у вас тут такое творится? По всей столице террористы шастают рогатые, с поросячьими хвостами, способные принять образ дьяка Филимона, боярина Мышкина, лично меня и даже самого царя Гороха!

– Истинно так, Никитушка. Помнишь, когда я говорила, что дьяк-то наш не в себе?

– Помню, помню... у меня самого были какие-то смутные сомнения. Митяй докладывал, будто подозреваемый два дня находился либо во дворце, либо дома, либо разгуливал по городу, но ни разу... Вот оно! Он ничего не говорил о церкви... Дьяк не может два дня подряд даже не заходить в церковь!

– Значит, он – шамахан и есть! – резво поднялась Баба Яга. – А для шамахана в церковь шагнуть – чистая смерть. Будем брать! Когда стрельцы придут?

– Где-то через полчаса.

– Тогда неча время терять, пойдем во двор, я колдовать буду...

Я уже давно перестал удивляться таким вещам. Если Яга говорит, что будет колдовать, значит, так оно и есть. В этом времени, как я понял, всякого волшебства, магии и чародейства – полным-полно. Просто необходимо признать это как данность и продолжать делать свое дело. Хотя, конечно, такому нас в школе милиции не обучали. С помощью колдовства можно совершить убийство, да вообще какое угодно преступление, и не оставить ни одной улики. Можно зачаровать свидетелей, бесследно избавиться от трупа, испариться из тюрьмы, навести морок на стражу и тому подобное. Все это, конечно, изрядно затрудняет работу органов правопорядка, но... Закон – всегда закон! И он или есть, или его нет. Третьего не дано. По крайней мере, я уже не сумею жить иначе. Милиционер – это на всю жизнь. Какая разница, где – в каком мире, обществе, среде? К сожалению, преступность есть везде, и, значит, кто-то должен с ней бороться. Так почему не я?

Меня усадили на чурбачке для колки дров на заднем дворе. Моя хозяйка стояла на пустыре, близ забора и, притоптывая, размахивала руками:

– Ой вы, звери лесные, степные... Из бору дремучего, из поля широкого... Большие да малые, злые да беззлые, лихие да робкие, встаньте предо мной, как лист перед травой!

Возможно, я опять не очень точно цитирую, но стенографировать было некогда. Все началось так неожиданно, что даже на полноценное удивление времени не хватало.

Неизвестно откуда весь пустырь заполнился зверьем. Зайцы, медведи, волки, лисы, лоси, кабаны, барсуки, белки, собаки, кошки, коровы, кони и всякая мелочь пузатая в два ряда вдоль забора. Прямо московский зоопарк. И самое главное – все слушали бабку так, словно буквально понимали человеческую речь. В это было бы трудно поверить, если бы я не видел все собственными глазами.

– Что вы знаете о царском перстне с хризопразом?

Когда Яга это спросила, звери начали совещаться. Голову даю на отсечение, они переговаривались, шептались, шушукались... Под конец вперед шагнул рослый седой лис, избранный делегатом, и, поклонившись до земли, на чистом русском ответил:

– Нет, бабушка, мы ничего не знаем.

Старушка махнула рукой, и через пару минут звери разбежались так же резво, как и появились, а Яга вновь взялась за свое:

– Ой вы, птицы поднебесные, перелетные, домашние да водоплавающие, ночные, дневные, из гнезд, из дупел, поднимайтесь, с веток, полей, речек, озер да болот срывайтесь. Кто крылом, кто бегом, а кто вприпрыжечку, станьте предо мной, как лист перед травой!

Воздух засвистел от шума крыльев, поднялся ветер, и вскоре весь пустырь, включая забор, был заполнен тучами разнообразнейших птиц от воробья до вороны, от зяблика до совы, от кряквы до лебедя, от щегла до орла и от цыпленка до индюка. Все топорщили перья и подняли страшный галдеж, пока Баба Яга не утихомирила их тем же вопросом:

– Кто из вас что-нибудь слышал о царском перстне с хризопразом?

Ненадолго птички заткнулись. Шаг вперед сделал долговязый журавль, он распахнул клюв, откашлялся и с поклоном извинился:

– Прости, бабушка, но о перстне царевом мы ничего знать не знаем, ведать не ведаем.

Когда птицы покинули нас, весь забор оказался так изгажен пометом, что больно смотреть. Поскольку Митяй еще и помогал по хозяйству, то у него здорово прибавится работы. На третий раз Баба Яга вызывала всех насекомых, земноводных и пресмыкающихся. Откуда ни возьмись налетели пчелы, комары, мухи, шмели и бабочки.

Притопали лягушки, раки и черепахи, приползли змеи, прибежали ящерицы. Теперь пустырь напоминал серпентарий. Все вели себя очень прилично, и общую тишину нарушал лишь музыкальный звон комаров.

– Что вы знаете о перстне с хризопразом царя Гороха?

– Ничего! – спустя какое-то время проквакала самая большая жаба.

– Плохо дело... – сплонула Яга. – Никто ничего не знает. Минуточку, а вы точно все здесь?

Прошла перекличка. Оказалось, что одной, особо умной гадюки, еще нет. Опоздавшая приползла буквально в ту же минуту. Услышав, из-за чего весь сыр-бор, она встала на хвост и гордо прошипела:

– Я знаю!

По мановению руки бабки все остальные резво разбежались.

– Говори.

– Перс-с-тень с хрис-с-зопразом очень древний. Еще моя матуш-ш-шка говорила, будто бы ее матуш-ш-шка рас-с-с-сказывала о том, что от с-своей матуш-ш-ш-ки с-с-слышала... хрис-с-зопраз в нем не прос-с-стой, а волш-ш-шебный! Ежели перс-с-стеня на мизинец надеть, то любое колдовс-с-ство нас-сквозь видно. Ни личина, ни морок, ни чары злодея не с-с-спасут. Хрис-зопраз с-с-своему хозяину чудес-с-с-ное зрение дарует.

– Ну, спасибо тебе, змея-красавица! – благодарно кивнула Яга, и гадюка плавно исчезла в щели забора. – Все слышал, Никитушка?

– Если бы не присутствовал лично, то ни за что бы не поверил в такое! Животные говорят по-человечески...

– Так ведь то братья наши меньшие.

– Это я помню еще со школы. Значит, перстень мог бы помочь нам узнавать шамаханов, какую бы личину они ни приняли. Именно из-за этого он и был украден. Вся затея с похищением сундучка, полного золотых монет, должна была лишь отвлечь от главного. Как вы думаете, бабуля, в столице сейчас много шамаханских шпионов?

– Дык как узнаешь?... Ох ты ж, шумят у ворот! Небось, стрельцы пришли... Пойдешь дьяка брать?

– Пойду. Митьку с собой возьму, на свежем воздухе быстрее протрезвеет.

– Поспешай, сыскной воевода, а я к царю пойду. Ночь-полночь, да дело слишком спешное, государственной важности!

– Предупредите Гороха, чтоб был начеку, но общую мобилизацию проводить рановато. Я не хочу, чтобы преступники засуетились и легли на дно. Нам надо всех захватить врасплох, а для этого необходимо найти перстень с хризопразом и проверить всех граждан столицы. В первую очередь просветить все царское окружение, войска, купцов. Обязательно приезжих, особенно дипломатический корпус, среди них вечно оказываются шпионы. Если что срочное – я у дьяка.

Баба Яга по-военному вытянулась, отсалютовала мне помелом и пошла на дело. Я, в свою очередь, кликнул «вечно готового к героической службе Отечеству»:

– Митька, захвати с собой оглоблю – будем брать гражданина дьяка думного приказа Филимона Груздева.

Надежный отряд в два десятка стрельцов уже ждал нас за воротами. Лица у всех серьезные, фитили зажженные, бердыши заточенные. Парни знали – идут не на увеселительную прогулку. Если в боярском овине обнаружен военный склад и молельня шамаханов, то кто даст гарантию, что в следующий раз мы не наткнемся на штаб врага, диверсантов, террористов или даже вступившие в город боевые части противника. Трусость в те времена была редкостью, похоже, больше всех волновался я сам. Митяй маршировал рядом, легко помахивая здоровенным двухметровым колом, как дирижерской палочкой:

– Эх, до чего ж люблю я свою работу! Вот уж служба так служба!.. Следствие вести, улики собирать, следить, преступников ловить, в тюрьму сажать – ох и весело! Батюшка участковый, а дьяка-то сразу в темечко бить али в ухо?

– Ты что, обалдел?!

– А, понял, виноват, исправлюсь! Стало быть, не дубиной, а кулаком?

Я посмотрел на него так выразительно, что мой напарник стушевался, сбил шаг и, скромненько потупив очи, тихо спросил:

– Ну хоть один щелчок-то ему в лоб можно?

– Рукоприкладство строго запрещено работниками органов, заруби себе на носу! – ласково пояснил я. – Бить подозреваемого неэтично, но ты вправе применить силу в трех случаях: если опасность угрожает тебе лично, или лично мне, или рядовым честным гражданам. Только

не превышай меру необходимой самообороны. Помни, преступник – тоже человек, и его надо доставить в отделение живым.

– Не извольте беспокоиться, батюшка участковый, все исполню в точности как велено! Пусть он, злодей, хоть зуб вам покажет, я его враз таким живым в отделение доставлю... Он пожалеет, что не с медведем дрался. Я из него столько колобков поназамешиваю...

Пришлось махнуть на него рукой, придем на место – уж там и разберемся. Если надо арестовать одного дьяка, то для этого и нас двоих много. А если там шамахань, то пусть парень потрудится от души. С такими мыслями мы незаметно дотопали до жилья предполагаемого преступника. Из-за соседних заборов и домов тихо вышли около десяти стрелцов, отряженных на тайную слежку за дьяком.

– Часа три, как вошел, – доложил мне старший. – Бежал, ровно его сам черт за пятки хватал. Как двери запер, так наружу уже и не выходил, свет в окошке по сию пору горит. Боле никого подозрительного не видали, ни из дома, ни в дом. Что прикажешь, сыскной воевода?

– Окружить дом. Я, мой помощник и еще пять молодцов производят задержание. Остальные осуществляют работу группы прикрытия. При первом же признаке появления шамаханов или иных противников – действовать по обстановке. Все по уставу, один предупредительный выстрел вверх, после чего, в случае неподчинения приказу, – прицельный огонь на поражение.

– Смилуйся, батюшка... – опешили стрелцы. – Да ежели мы в воздух палить будем, так, пока наше ружье перезарядишь, все враги разбегутся!

– Не лишено логики, – вынужденно признал я. – Тогда просто кричите: «Стой! Стрелять буду!»

– А как встанет, так и стрелять?

– Все, юмористы! Шутки в сторону. Всем разойтись по местам и выполнять задание. Митька, выбери пятерых – и за мной!

Все взялись за дело так, будто репетировали два года. К тому времени, как мы постучали в дверь, весь дом был надежно оцеплен двойным кольцом суровых стрелцов, наставивших стволы. Если выстрелят все разом, то наверняка превратят домик в решето,

покрошив нас вместе с шамаханами. Поправив фуражку, я деликатно постучал:

– Гражданин Груздев! Откройте, пожалуйста, – милиция.

В ответ гробовое молчание. Мы переглянулись.

– Гражданин Груздев! Я требую, чтобы вы открыли дверь. У нас есть ордер на обыск и арест.

Тот же результат.

– Предупреждаю, что в случае неподчинения законным властям мы будем вынуждены ломать дверь.

Поскольку изнутри по-прежнему не донеслось ни звука, я постучал еще раз, больше для очистки совести, и кивнул Митяю. Он навалился плечом, крикнул, нажал, раздался треск досок. Мой напарник рухнул внутрь поверх выдавленной двери. Мы ворвались следом, пройдя прямо по его спине. В доме было четыре комнаты, дьяка Филимона не оказалось ни в одной...

– Нет его... – недоуменно развел руками Митяй. – Мы со стрельцами ужо и в печку заглянули, и под лавки, и в сенях, и на чердаке глядели, – как сквозь землю провалился!

– Подозрительно... Ты ведь говорил, что дьяк пришел домой и никуда не выходил?

– Так точно, батюшка. Вот стрельцы тоже докладывают – не выходил он. Да и свечи в доме горят, угли в печи еще не прогорели, вон баранка на столе еще не доедена... Ох ты ж ирод проклятущий!

– В каком смысле? – не понял я.

– Так ведь сегодня постный день! Мясо потреблять нельзя, а он, изменник, ребрышками жареными балуется.

Один из стрельцов подошел поближе, понюхал миску с мясом и скривил рот:

– Дозволь слово молвить, сыскной воевода. Не баранина это, а собачатина, прости Господи... Мы вон в сенях шкуру свежесодранную заприметили. Небось здоровенный кобель был.

– Ну и дела творятся у вас в Лукошкине... – Я снял фуражку и вытер выступивший пот.

Бабка права, дьяк здорово околдован. Собак есть? Или же мы имеем дело не с дьяком, а принявшим его личину шамаханом. Судя по тому, что я о них слышал – эти урки и не на такое способны.

– Проверить все помещение еще раз. Все необычное тащить ко мне, а самое главное – найти перстень с хризопразом. Вопросы есть? Выполняйте!

Стрельцы ринулись на поиски, переворачивая все вверх дном, но то, что нужно, обнаружил именно Митька. Причем, как всегда, случайно.

– Таракан? Ах ты, погань басурманская! – И он так крепко припечатал насекомое ногой, что одна из досок пола хрустнула. – Виноват, батюшка... Щас гляну, небось не поломал...

Откинув вязаную дорожку, мой напарник внимательно оглядел треснувшую половицу и недоуменно буркнул:

– Да тут петли железные... Никита Иванович, уж соизвольте посмотреть, как я здесь расстарался!

Яркая полосатая дорожка, обычно украшавшая полы домов зажиточных граждан, одним концом была крепко прибита к деревянной крышке подпола. Взяв свечи, мы шестером поочередно спустились вниз, оставив одного стрельца на охране люка. Подвальное помещение являло собой точную копию боярского. Тот же склад оружия с преобладанием тяжелых топоров и зубастых сабель, та же молельня с каменным уродцем на алтаре, тот же подземный ход... Оставив еще одного стрельца, мы двинулись в черную пасть тоннеля. Его смело можно было так называть, ход был высок и настолько широк, что мы могли свободно идти по двое. Видимо, этим путем намевались провести целую армию. Мы довольно долго шли, пока один из стрельцов не обнаружил новое ответвление в стене, словно в большом тоннеле решили пустить еще и узкоколейку. Двоих ребят я отправил на исследование этого хода, а остальные пошли за нами. Мы топали еще не меньше часа, пока впереди не забрезжил слабый свет луны. Выход из подземного хода оказался надежно замаскирован густыми кустами орешника. Осторожно раздвинув ветки, я шагнул наружу:

– Митька, где это мы?

– За городской стеной, в лесу на Гадючьей горке, – поосмотревшись, определил он. – Эвон куда нас занесло... Место нехорошее, проклятое место. Грибы не растут, ягоды тоже, звери да птицы его избегают, орехи есть, да и те горькие. Кому ж это взбрело сюда ход рыть?

– Дубина, ход прорыт не ради того, чтоб из города тайно попасть в лес. Кто-то очень хочет помочь шамаханам беспрепятственно попасть из леса в столицу. Всем соблюдать предельную осторожность! Эй, молодцы, останетесь на охране здесь. Митька, за мной! Посмотрим, что тут у нас поблизости...

– Есть, воевода, – кивнули стрельцы, обнажая сабли. – Ежели беда какая, только шумни – враз прибежим на выручку.

– Не извольте беспокоиться, батюшка участковый, – вмешался Митяй. – Случись что, я не подведу! Никого на помощь звать не придется, разве что злодеев за ноги в тюрьму растаскивать... А уж я им, ворогам, своим прутиком таких кренделей навешаю!

– Не горячись. Пойдешь со мной на разведку и веди себя как мышка. Ввязываться в драку нам сейчас ни к чему. Если очень хочешь подвиги посовещать – иди в цареву войско, а наша работа тонкого обращения требует.

Он тут же покаялся, присмирел и двинулся вслед за мной так мягко, что даже сучок под ногой не хрустнул. Я наверняка производил больше шума, а громадный Митяй, к моему удивлению, шел тихо, как тень, ориентируясь в ночном лесу с легкостью опытного краснокожего. Долго идти не пришлось, между деревьев мелькнул свет. На большой поляне горел высокий костер, вокруг сидели люди. Я сразу обратил внимание на их странную одежду. Сомнения быть не могло – перед нами расположились самые настоящие шамахань!

Шамахань были очень похожи друг на друга, так, словно их где-то штамповали по определенному стандарту. Рост ниже среднего, глаза узкими щелочками, жидкие черные усы и бороденки, одежда из скрипящей кожи, на плечах шкуры, на головах высокие лисьи шапки. Оранжевые блики огня отражались на многочисленном оружии. Их было человек двадцать, один, с седой бородой и непонятными амулетами на шее, держал речь. Кто он – колдун, вождь, старейшина – я не знал, говорил шамахан тоже не по-русски, но почему-то общий смысл до меня доходил:

– Базарлы э Афана-бай сапсем туп! Такая громадны дурды во всем Сарае нигде ек. Упутляи якши? Не распутлян, как спросицу? В пасть кляп заталды? А тогда внимай моя, храбурай батыры, чтоб всем все Орда под себя загребаллы! Русский ханум – ай, ай, ай, слаще щербет

или сахара. Русская декханин – могучая ык медведяй. Весь день и темень – паши, паши, паши... Якши раб! Русская мечеть золотай полным-полна! Все моя! Все – загребаллы, ограбаллы, увороваллы... Жигай, резай! Шамахан – батыр всем Лукошинску карачун! Мы ж не балды...

Слушатели шумно кивали, поддакивали, периодически стучаясь медными чашами.

– Кумыс! – потянув носом, шепотом доложил мой напарник. – Вот нехристи, и самогонку-то нормальную гнать не могут, а туда же... Супротив милиции поперли!

– Да тише ты... – зашипел я, прикрывая ему рот.

Слава богу, шамаханьы ничего не услышали, они продолжали обсуждать планы вторжения в столицу. Если я правильно их понял, то в самое ближайшее время, не сегодня-завтра, орды вооруженных до зубов диких степняков ринутся в город. В мой город! За недолгое пребывание в Лукошкине я настолько к нему привык, что незаметно для себя совершенно перестал горевать о своем собственном мире. Строго говоря, я и раньше-то не особо впадал в тоску, но чтобы принимать проблемы местных жителей так близко к сердцу... Хотя... о чем это я? Да, черт вас всех подери! Лукошкино – мой город, и я ни одной банде не позволю в нем хозяйничать.

– Митька, отходим тихо, все, что нужно, мы уже выяснили. Ты знаешь шамаханский?

– Ни единого словечка, – вздохнул он. – Не обучены мы языкам иноземным. Вот подкову согнуть, кочергу в узел завязать, ворота, опять же, лбом переломать – тут мы завсегда... от души, стало быть! А науки нам никогда не давались...

Мы попятнулись назад, стараясь не поднимать шума, но почти сразу же с разворота натолкнулись на рослого шамахана. Я от неожиданности едва не вскрикнул, но мой верный напарник просто опустил пудовый кулак на высокую лисью шапку, одним махом превратив ее в плоскую панамку. Шамахан рухнул, как корабельная сосна, без единого писка.

– Забирай с собой. Если они хватятся часового, то пусть лучше думают, что он сбежал, а то очухается да расскажет о нашем визите. Заодно и допросим негодяя.

– Как скажете, Никита Иванович! – Митяй играючи перекинул бессознательное тело через плечо и двинул вперед так же легко и бесшумно, как и раньше.

У входа в подземелье мы чисто случайно не попали под клинки перенервничавших стрельцов. Парни настолько нас заждались в этой напряженной темноте, что, видя везде шамаханов, приготовились подороже продать свою жизнь и рубить все, что шевелится. Я дал приказ об организованном отступлении. Двигаясь по тоннелю в кромешной тьме, мы в конце концов добрались до того места, где оставили двоих стрельцов. При свете почти стаявших огарков свечей я понял, что ребята тоже кого-то добыли. Времени на расспросы не было, выберемся – доложат на месте. Возвращение в груздевский подвал показалось мне самой долгожданной дорогой домой.

– Все прикрыть, как и было, – устало приказал я. – Тайную охрану не снимать. Остальные – свободны. Фитили загасить. Государю я сам все расскажу. Шамаханы сегодня не нападут, но бдительность удвоить. Вы двое! Что было обнаружено в боковом ходу?

– Не что, а кто, батюшка сыскной воевода. Глянь-кось, какую важную птицу изловили!

Пред мои грозные очи был выставлен связанный по рукам и ногам боярин Мышкин! Вот уж кого действительно не ожидал увидеть... Впрочем, вязать несчастного особой нужды не было. Афанасий Федорович оказался пьян вдребадан и спал стоя.

– Митька, понесешь обоих. Справишься?

– А то нет?! Да я за-ради нашего управления внутренних органов хоть еще четверых на загривок взвалю!

– Ну и отлично! Тащи их к Яге, до утра запри в погребе. Вернусь от царя – потолкуем. Эй, молодцы! Благодарю за службу!

– Рады стараться, батюшка участковый! – хором грянули стрельцы, вытягиваясь во фрунт.

– На сегодня все свободны. Кроме тех, кто следит за домом, естественно.

Как мы добрались до нашего терема, уж и не помню. До рассвета оставалось не более четырех часов, я надеялся если не выспаться, то хоть вздремнуть. Баба Яга ожидала нас у ворот, что-то бормоча, сопровождала меня в горницу, усадила за стол и, помахивая царевым письмом, отошла за самоваром. Больше ничего не помню. Наверно, я просто уснул.

Петух, опять этот проклятый петух... Сколько можно будить меня в пять утра уже осточертевшим кукареканьем?! Ну почему Яга до сих пор не сварила из него суп? Я ведь и лег-то часа три назад. Если сейчас снизу раздастся заботливый голос...

– Никитушка! Вставай, сокол наш ясный. Завтрак уже на столе.

Ни за что не буду вставать.

– Никитушка, царь отчета ждет. Ты же знаешь нашего Гороха – как что не так, он ведь всех на кол пересаждает. Уж ты, касатик, вставай-пробуждайся, пора...

Делать нечего, пришлось продрать глаза. Когда я спустился вниз, на столе уже дымилась большая миска свежееиспеченных оладий. Тут же стояла сметана, два-три сорта варенья, сотовый мед и большой запотевший кувшин козьего молока. Бабка, как всегда, намеревалась накормить целую роту. Если это дело когда-нибудь закончится и я возьму отпуск, она раскормит меня до генеральских объемов.

– Садись, Никитушка, кушай да меня, старую, слушай. Значится, как ты на дьяков-то арест пошел, я твоего приказа не ослушалась, да по ночи к царю-батюшке и отправилась. Слава богу, государь еще почивать не изволил. В карты с думными боярами резался. Ну, а уж как обо мне доложили, так он разом всех козырей забросил да к себе пред ясные очи поставил меня и повелел. Я ить, милоч, не из трусливых буду, а вот перед Горохом робею... Царь все ж таки! Ну, да делать нечего, не моргать пришла, надо государю всю правду высказать. Доложила я ему по всей форме. Как кого спрашивали, как Митяй наш за дьяковым домом цельный день слежку вел, как хвостом за ним по всему городу мотался да кресты непонятные по важным местам метил...

– Отмечал стратегически важные объекты на предмет ведения боевых действий на территории Лукошкина! – наставительно поправил я.

– Вот, вот о том я ему и доложила, – закивала бабка, продолжая рассказ. – Про перстень уворованный с хризопразом, что мы выяснили, все ему как есть выложила. Батюшка государь лишь головой качал да бороду теребил. Сказал, чтоб ты, участковый, следствие никак прерывать не смел. Сказал, что воевод всех тайно под ружье поставит, дабы в нужный час воины храбрые под рукой были. Тебе лично бумагу выписал из сплошных полномочий да саблю велел передать нарядную. А то ты у нас ходишь один и без оружия... Хоть для приличия носи, все ж царев подарок.

– Дайте-ка письмо взглянуть.

– Куды?! Жирными-то пальцами? Ладно уж, сиди ешь, я тебе сама зачитаю. – Яга сломала сургучную печать, развернула свиток и с выражением прочла самое короткое постановление на моей памяти: – «Пуццай делает то, что надо. И будь то, что будет. Царь Горох».

– Коротко, выразительно и, главное, оправдывает любые действия – от карманной кражи до международного шпионажа, – задумчиво улыбнулся я.

Желудок был полон, оставалось налить молока и в свою очередь рассказать Бабе Яге, что произошло в доме Филимона Груздева. Но сначала пришлось попросить бумагу, перо и чернила; исподволь болтая с Ягой, я старательно составлял отчет для царя. Идти к нему с личным докладом не было ни времени, ни особой необходимости. Бабка только охала да ахала.

– Где же ты, Никита Иванович, шамаханскому разговору обучался?

– Нигде... – пожал плечами я. – Как-то само собой вышло. Они говорят, а мне все ясно. Отдельных слов не переведу, хоть убейте, а общий смысл вполне понятен.

– Я-то, старая, шамаханскую речь давно знаю, да и то кое-где путаюсь. А ты, вишь, раз послушал и все уразумел... – Баба Яга завистливо прищелкнула языком. – Все ж таки великое дело в молодости образование грамотное получить! Митьку бы надоумил, а то ведь так неучем и помрет.

– Кстати, о нашем драгоценном Митьке, он уже выпался?

– Он же деревенский. Как поздно не ляжет, а все одно на ногах до петухов. У поруба сидит, на пленных смотрит, я и поесть ему туда отнесла. Что там ни говори, а парень свой хлеб честно отрабатывает.

– Не спорю... Хотя если он еще хоть раз во время выполнения ответственного задания напьется на такую сумму – посажу на пятнадцать суток! Метлу в руки – и марш столицу подметать. Но речь не об этом... Пусть найдет кого-нибудь из стрельцов и быстро переправит письмо царю Гороху.

– Чего ж ради людей зазря гонять? – хмыкнула баба Яга. – Давай сюда бумагу-то. А ну, киса, киса, киса!

Из соседней комнаты, вальяжно потягиваясь, вышел здоровенный черный кот толщиной в чемодан и ростом с королевского пуделя.

– Дай-кось за ушком почешу, красавец ты мой! Вот и работка для тебя отыскалась. Уж ты не откажи, послужи бабуленьке, отнеси это письмо в терем царский да государю прямо в белы рученьки и передай. Все ли понял, красавец ты мой писанный? Ну тогда беги-поспешай, царь-батюшка уж давно нашего милицейского отчета дожидается...

...Я еще подумал, что какие-то два месяца назад я бы в такое не поверил, даже увидев собственными глазами.

Поруб представлял собой что-то вроде блиндажа времен Великой Отечественной. Над землей возвышалась лишь крыша, все прочее под землей. Стены и пол из хороших дубовых бревен, холод внутри – страшный... Для чего Яга использовала его раньше, никому не известно. Но уж не закатки на зиму хранить, это точно. Пьяного боярина Митяй установил у стенки ногами вверх, в полной уверенности, что так быстрее трезвеют. Пленного шамаханя постигла та же участь, просто из вредности. Мы спустились в поруб вслед за Митькой, который тащил деревянное ведро с ледяной водой. Не подумайте, чтобы умыться...

– Для начала поставь шамаханя на ноги. Он явно не спит. Боярина разбудим попозже и допросим в домашних условиях, все же наш человек, лукошенский...

Мой напарник легко приподнял пленника за ноги, стряхнул с него пушистую шапку и, не говоря дурного слова, опустил головой в ведро. Через несколько секунд раздалось негодующее бульканье.

– Вытащи его, пожалуйста. Ну что, уголовничек, говорить будешь?

– Моя твоя не понимай! – отфыркиваясь, начал шамахан, но я не был настроен на шутки в такую рань:

– Митька, макай его, пока не начнет понимать. Он еще не знает, куда попал... Думает, что отделение милиции – это дискуссионный клуб за столом с чаем и пампушками. В ведро его!

– Слушаюсь, батюшка участковый. С превеликим удовольствием...

– Не нада-а-а... – завопил упрямец. – Я был честно захвачен в бою, с оружием в руках. Требую к себе как к военнопленному уважительного отношения, нормальных условий содержания, справедливого суда и гуманного приговора. Я всего лишь солдат, а не кадровый офицер. Я выполнял приказ!

– Как чисто по-русски разговаривает... – поразилась Яга. – Нешто и впрямь простой солдат? Далеко же у вас образование шагнуло... Каковы же тогда у них воеводы?

– Ты темнишь, парень, – поддержал я. – Статус военнопленного на тебя не распространяется, ты захвачен в мирное время. Насколько мне известно, боевые действия с Шамаханской Ордой в настоящее время не ведутся. Пока мы склонны считать вашу вылазку банальным террористическим актом, соответственно чему будет и обращение... Митька, макай его в ведро!

– Не-е-ет... Не надо! Я сам все скажу, только поставьте меня на ноги и выведите отсюда. Здесь же холод немилосердный! А он еще и в воду ледяную сует... Мы же южные, у меня менингит будет!

– Совсем другое дело. Здесь и вправду прохладно. Давайте выйдем и побеседуем на свежем воздухе. Бери его в охапку, тащи наверх, да смотри не ушиби ненароком.

– Как скажете, батюшка сыскной воевода!

Митяй понес шамахана, держа его на вытянутых руках с нежностью кормящей матери. Мы уселись на крылечке, пленника усадили на перевернутое поленце, и допрос пошел по второму кругу.

– Итак, с какой целью ваш диверсионный отряд околачивается в непосредственной близости нашей столицы?

– Не могу знать, командование не посвящает нас в план действий. Мы узнаем о цели провокации за пару минут до ее выполнения.

– Врет? – кивнул я бабке.

– Знамо, врет! – подтвердила Яга. – Ведром с водой здесь уже никак не обойтись. Надоть везти его на царев двор да сдать в

пыточную.

– Нет! – завизжал шамахан.

– Нам бы тоже не хотелось. Если ты попадешь в их руки, то вряд ли выберешься живым. Ну, а в случае добровольного содействия органам милиции есть шанс попасть под графу о защите свидетелей. Так как насчет предложения посотрудничать?

– Балуете вы его, воевода-батюшка, – нахмурился Митька. – Вот я ему ноги-то узлом поназакручиваю, он быстренько все понараскажет! Что было и чего не было...

– Спрашивайте, – решил пленник. – Только руки развяжите.

– Хорошо, – кивнул я. – Но для начала поведай нам о точных сроках нападения на Лукошкино, количестве диверсионных групп, точном числе боевиков в каждой, основной цели террористических актов, штабах, местах дислокаций, связи, командовании, а также имена и явки ваших людей в столице.

– Скажу... все скажу, – пообещал шамахан, с кривой улыбкой потирая следы от веревок на запястьях. – Вижу, что от твоего проницательного взгляда, сыскной воевода, ничто не укроется.

– Даже то, что ты знаешь мою должность.

– Верно. Мы многое узнали про твою милицию. Наш осведомитель хорошо поработал. Очень жаль, что недооценили... Не управление нужно было поджигать, а шило тебе в бок запустить! Ну да уж слушай на прощанье... Когда мы в Лукошкино твое войдем – то одним темным богам ведомо. Отрядов наших в лесу без счета, и воинов в них видимо-невидимо. Цель у нас всегда одна – все разграбить, людей в неволю угнать, город до земли стереть. Штабов у нас нет, а как на совет собраться надо, так мы уже где стоим, там и речь держим, карты чертим, планы мыслим. Потому и лагеря постоянного не имеем, каждую ночь на новом месте. А что же касается имен и явок наших тайных, так я тебе, участковый, одно скажу...

Тут мерзавец быстро вскочил на ноги, резво стянул с себя штаны и, невероятным образом изогнувшись, откусил собственный хвост! Митька отважно закрыл меня собой, Яга только охнуть успела, а шамахан закатил глаза и бездыханным рухнул наземь.

– Японские шпионы-нинзя, откусив себе язык, умирали от болевого шока и обильного кровотечения, – отчаянно пытаюсь изобразить хладнокровие опытного оперативника, пробормотал я.

– Но... зачем?

– Понимаешь, друг мой, он ведь так и не сказал нам ничего особенно важного. А уж царские умельцы из него под пытками все бы вытянули. Вот он и предпочел умереть, но не попасться им в лапы. Несомненно, это был не просто рядовой солдат. Бабуля, что ж вы меня не предупредили о таком оригинальном методе шамахановского ухода от дачи свидетельских показаний по делу?

– Дык... – развела руками Яга. – Кто ж мог подумать, что он, бесстыдник, будет себе пороссячий хвост отгрызать? Я, конечно, о таком слышала, но чтобы поверить... Думала, врут сказки.

Потеря ценного свидетеля заставила меня пойти на самые крайние меры предосторожности. Боярин Мышкин был разбужен, доставлен в дом, но прежде, чем приступить к допросу, я задал Яге пару вопросов:

– Это действительно Мышкин или шамахан в его обличье?

– Подумать надо, Никитушка... Тут ведь сразу не скажешь, приглядеться следует. Ты уж кляп-то ему изо рта вытащи, пущай скажет чего... Да руки не развязывай!

– Естественно... Митька, усади боярина на лавочку, кляп долой, руки, ноги не распутывать. Ну, что, поговорим по душам, Афанасий Федорович?

– Отпусти меня, холоп! Сей же час – отпусти... На каторгу сошлю! На дыбу отправлю! Запррю-ю-ю...

– Очень похоже на настоящего, – закивала Баба Яга. – Я вот что удумала, ведь ежели он шамахан перевоплощенный, так от хвоста своего неприличного он все равно избавиться не властен.

– Ясненько, – быстро уразумел я. – Следовательно, если мы снимем с него штаны и посмотрим...

– Вы че?! – в голос завопил бывший начальник охранных стрельцов. – Че надумали, а?! Меня, потомка древнего рода, спущанием штанов позорить будете?!

Митька, довольно осклабясь, уселся на табуреточку, положил боярина на колено и начал свое черное дело... Мышкин визжал не переставая!

– Ты уж совсем-то его не заголяй... Хвост небось и от крестца видно.

– Ну, тады нет его... Да не верещи ты, кабан подозрительный!

– Достаточно, – смягчился я, – надевай на него штаны. Итак, в результате следственного эксперимента мы доказали подлинность гражданина Мышкина Афанасия Федоровича. Ни у кого нет сомнения, что он – это он? Замечательно. Веревки можно снять.

Разобиженный боярин тут же попытался броситься на меня, рыча от обиды, но был мгновенно схвачен бдительным Митяем.

– Не рекомендую впредь оказывать давление на работников милиции. Вы сейчас не в том положении, чтобы пытаться угрожать. Ваше дело слишком серьезно... и, если не прекратите грубить, мой напарник вновь возьмется за кляп, да и до поруба отсюда недалеко. Сегодня я не слишком склонен к добросердечной беседе с главным подозреваемым.

– Убью! Изувечу!! На кол посажу-у-у!

– Молчать! – рявкнул я грозно, вздымаясь над столом. – Гражданин Мышкин, вы обвиняетесь в государственной измене, пособничестве международным террористам и краже золота из царской казны. Я бы добавил участие в инсценированном самоубийстве, но... но не могу в связи с недостаточностью улик.

– Чего? – недовольно буркнул боярин, однако смирился и сел, зыркая на нас злобным взглядом.

– Чего, чего, – передразнила Яга. – Будешь отвечать на наши вопросы или я тебя своими руками превращу в большой мешок с навозом!

– Буду, буду... волки позорные. Только рассказывать нам особенно нечего. Ни в чем таком мы не повинные...

– Митька! Давай сюда мою планшетку. Так... значит, Мышкин Афанасий Федорович, столбовой дворянин, боярин охранной службы царской казны, женат, имеет детей, причем все дочери. Проходил по делу кражи сундучка с червонцами и золотого перстня с хризопразом. Первоначально привлекался как свидетель. Что можете рассказать о попытке поджога частного терема гражданки Бабы Яги, на чьей площади размещено местное отделение милиции?

– Ничего не знаю... Не было меня там.

– А где были?

– Дома, у жены спроси. Она те все скажет...

– Показания законной супруги не могут считаться беспристрастными. Кто еще может это подтвердить?

– Ух и злыдень ты, сыскной воевода... – скрипнул зубами Мышкин. – Прямо-таки с головой под чужое одеяло лезешь, стыд бы поимел!

– Я жду ответа. Нет? Так и запишем – других свидетелей следствию представить не смог...

– Да смог! Я все бы смог, расталдык твою туды набекрень верхушкой леса! Ванька рыжий, пастух наш, подтвердить может. Я как в спальню вошел, разделся и лег, так он сию же минуту из-под одеяла с другой стороны и сиганул! Да как есть без штанов, да в окно, да с третьего этажа. А уж как мы с молодцами его подобрали да под белы рученьки, да в батога! На конюшне отпотчевали... Навек запомнил, где я в ту ночь был!

– Хорошо. Пометим, вызвать на очную ставку пастуха Ивана... как фамилия?

– Откуль мне знать? Пастух и есть пастух, рыжий...

– Разберемся. Вашего доноса на меня царю Гороху я касаться не буду. Расскажите-ка лучше, с чего это вы в бега ударились и почему на вашем подворье обнаружен склад оружия, шамаханская молельня и неоконченный подземный ход за крепостную стену?

Глаза боярина круглели, выпучивались, он начал судорожно хватать ртом воздух и, неожиданно схватившись за сердце, рухнул с лавки, задрал ноги вверх.

– Никитушка, – укоризненно сощурилась Яга. – Ты уж полегче как-нибудь... Второго свидетеля теряем...

Нам пришлось облить его водой. Когда несчастный немного очухался, Яга почти силой влила в него изрядную стопку крепкой клюквенной настойки. Мышкин закашлялся, постучал себя кулаком в грудь и, смахнув выступившие слезы, тихо, но твердо заговорил:

– Не след на меня всех собак вешать... Уж в чем виноват, сам покаюсь, много грехов за плечами, а только чтобы город шамаханцам поганым сдавать – такого не было. Ежели словами горячими бросался, так за то и прощения попрошу, не в себе был, пьян да сердит... Коли можешь, так и прости меня за-ради Христа. А только теперича всю правду слушай, как на духу. Пишешь? Ну пиши, пиши, я говорить буду. Сундучок с золотом из казны мной ворован был. В первый раз помногу крал, дверь запереть не успел. Что скажу? Моя вина, мне и

ответ держать... Грешен и слаб человек перед искусствами мирскими... Оно и раньше – таскал помаленьку, да в карман. С царем ли зайдешь – цап тихонько денежку в рукав. С казначеем, с дьяком ли – там червонец, тут два. Совесть имел, без меры не лез, свыше чина не требовал.

– Зачем вам это вообще, Афанасий Федорович? Ведь рано или поздно поймали бы, какой стыд в вашем возрасте...

– То-то и беда, что возраст... Ты мою жену видел? Молода, красива, да глупа и до всего жадная. То платьев ей подавай, то жемчугов, то шелку китайского, то парчи индийской – денежки, они так и летят! Я человек в годах, солидный, степенный, а бабе еще и ласка мужская нужна... Дворовых кобелей хоть кочергой отгоняй! Вот я от греха подальше и отвлекал ее внимание подарками разными...

– Я те отвару травного дам... – неожиданно сжалилась Яга, утирая глаза уголком платочка. – Недельку пей по ложке перед едой – так в ентом деле всех молодых за пояс позатыкаешь. Как отсидишь свое – приходи, не пожалеешь...

– Продолжайте, гражданин. Как вы взяли сундучок, следствию в общих чертах ясно. Но согласно вашим же показаниям для удовлетворения растущих запросов вашей требовательной супруги вполне хватало и некрупных хищений. Почему вы взяли сундук? Даже дураку понятно, что его хватятся...

– Бес попутал.

– Кто?!

– Кто, кто... Говорю же, думный дьяк Филимон, – нахмурился Мышкин, сосредоточенно разглядывая стопку из-под настойки. – Уж и не знаю, как он проведал, что я к казенным деньгам прикладываюсь... А только письмо я от него получил, тайное! Ежели, пишет, не заберу сундучок с деньгами крупными да в указанное место не суну – все как есть царю завтра же и расскажет. Это он с виду такой тихонький, а на деле вона как обернулося... Что ж я мог?

– В этих случаях надо было обратиться в ближайшее отделение милиции. Мы бы устроили засаду, зафиксировали факт шантажа, задержали негодяя с поличным и...

– И Горох башку бы мне срубил с дьяком на пару!

– Ну... Возможно, конечно, но вряд ли. Пока мне удастся убедить его в соблюдении хоть какого-то подобия законности. Нет, разумеется,

определенное наказание вы бы понесли, ибо есть за что. Просто до высшей меры не дотянули... Милиция предоставила бы смягчающие вину доказательства, чистосердечное признание, раскаяние, явку с повинной и активное содействие следствию, – мягко объяснил я.

Бывают такие преступники, которых в конце концов просто жалеешь из-за их непроходимой глупости и невозможности еще в школе получить хотя бы зачатки правовых знаний.

– Где перстень с хризопразом?!

– Не ведаю... Перстня царева не брал, не моя вина.

– Кто подделал ключи?

– Кузнец Василий, по моему приказу. Я их в воске оттиснул, да, вишь, узор больно хитрый, пришлось на пару дней с собой забрать. Потом и подбросил сам же...

– Почему сбежали из дома?

– Да не сбегал я. Намедни дьяк заходил, сказал, чтоб у него был, разговор, дескать, есть. Я и пошел.

– О чем говорили?

– Да ни о чем... Не успел войти, как он мне ковшиком медку холодного сует. Я, пока шел, вопреки маленько, выпил, сел, и... все! Как меня накрыло, ничего не помню! Пришел в себя уже связанный в порубе, а холоп твой милицейский тряс меня немилосердно. Вот и все...

– Не все. – Я достал из планшетки лист с описанием всего найденного на боярском дворе. – В вашей овине обнаружен тайный люк, под ним комната. В ней большой склад оружия и статуя шамаханского божества – не знаю, как он там точно называется. Из комнаты идет тоннель по направлению к крепостной стене, лопата и кирка брошены на объекте строительства.

– Не ведаю! Вот те крест, сыскной воевода, ни сном ни духом о том не ведаю! – широко перекрестился Мышкин, и Баба Яга кивком подтвердила, что боярин не врет. – Это... это все опять дьяк! Он же, аспид, попросил в овине шестерых богомольцев приютить. Монахи, дескать, из дальних церквей к нам на праздники в честь своих Петра и Павла прибыли. Мне что, сарая божьим людям жалко? Кто ж знал, чем они там заниматься будут...

– Митька! Почему никто из дворовых Мышкиных ничего не говорил о монахах?

– А я знаю? Вы ж меня сами за дьяком бдить отправили, запамятовали, батюшка?

– Не серчай на людей, Никитушка, – сказала бабка, вмешиваясь, как всегда, вовремя и по делу. – Монах, он ведь ровно и не человек, он по-своему живет, мирское его не касается. Вот и слуги боярские думали, ты злодеев ловишь, а про богомольцев у них и мыслей-то не было.

– Ладно, понял... я был не прав. Надо учитывать религиозную специфику местных взаимоотношений. Теперь уж чего горячку пороть... Эти «монахи» наверняка сбежали. Значит, мы имели в Лукошкине минимум шесть переодетых шамаханов, а их может оказаться куда больше. Гражданин Мышкин, пока, до выяснения всех обстоятельств дела и проверки ваших показаний, вынужден вас задержать. В царскую темницу не пойдете, можете еще понадобится здесь. Митяй, отведи подозреваемого в поруб.

– Эх, жизнь моя, копейка медная... – пробормотал боярин, послушно вставая со скамьи. – Сколь дадут-то?

– Суд решит.

– Ну, тогда храни нас Господь... Бабушка, а ты про отвар свой молодильный не забудешь?

Вот так, запутанно, с неожиданными вывертами, и велось все это дело. Пока я не мог похвастаться ничем особенным. Правда, Горох был мной страшно доволен, но, следуя собственным принципам законности и защиты правопорядка, едва не перевешал всех лиц, замешанных в заговоре. Боярина мне удалось отстоять, дьяка искали по всему городу. Согласно докладу стрельцов он вышел из своего дома на заре, но в царском доме так и не появился, а затерялся в базарной толпе. Наверно, почуял за собой слежку и, как опытный шпион, залег на дно. С досады государь лично повелел засыпать подземный ход. Всю столицу перевели на военное положение, а мобильные отряды конных казачков беспрестанно прочесывали близлежащие леса. Жители сел и деревень были предупреждены о возможной опасности, но аж до самых границ государства никаких армий противника обнаружено не было! Ни больших, ни малых... Конечно, два-три десятка шамаханов запросто могли разбежаться по округе, прячась по одному. Рано или поздно их найдут, так как менять личины умеют далеко не все, а лишь специально обученные колдуны. Да, пленник

успел сказать нам немного, но, сам того не ведая, выдал очень важную информацию. Если они пользуются такой терминологией, как «солдат», «провокация» и «кадровый офицер», то наверняка их военная машина гораздо более совершенна, чем нам кажется. Я бы смело предположил наличие хорошо подготовленной военной разведки. Отсюда следует логичный вывод – с ними будет очень непросто справиться.

Как обнаружить шамахан, принявшего личину честного гражданина? Баба Яга утверждает, что они не могут избавиться от предательского хвоста. А от рогов могут? Надо уточнить... С другой стороны, не можем же мы обязать все население столицы снимать штаны и задира́ть юбки при проведении милицейских рейдов! Да меня разорвут за одно такое предположение. Теперь-то понятно, почему был украден перстень, позволяющий видеть шамахан под любой личиной. Если у покойного Тюри его не обнаружилось, а задержанный Мышкин его не крал, то круг подозреваемых сужается до предела. Необходимо срочно отыскать дьяка Филимона! А-а... пустая трата времени. Шамахан давно сменил личину дьяка на более безопасную и преспокойно разгуливает по городу вместе с «липовыми» богомольцами. Если Яга не придумает, как их отличать, – мы здорово сядем в лужу. Мне не оставалось ничего иного, как доверить судьбу следствия длинноносой бабке с темным прошлым... Пока она мудрила у себя в комнатке, я направился к царю. Митька увязался следом, и я не видел причины оставлять его дома. По дороге он развлекал меня деревенскими сплетнями из своей родной Подберезовки:

– ...В ту пору у соседей гулянка была на дворе, но Ромка как Жульку-то увидел, так и обомлел весь! Влюбился, значит, по уши с первого взгляда. Оно бы и ничего, так ведь девка-то в его тоже сразу втюрилась. Народ вокруг пляшет да поет, а они стоят столбом, рук не разнимая, и только в глаза друг другу смотрят. Однако же где гулянка, там и пьянка. У Жульки брат был родной, Васькой звали, а по прозвищу Кот. Вот и стал он задира́ть Ромкиного дружка, слово за слово, отошли в сторонку, начали кулаками махать. Дружок-то на землю бух, да прямиком башкой об камушек. Ромка как увидел, не стерпел, ну и дал этому Ваське Коту промеж глаз. Да, видать, силу он не рассчитал – так на месте и убил! Опосля такого о какой женитьбе речь?! Там же два села поднялись – Сморчково и Курякино, чуть за

дреколья не берутся, мы с Подберезовки все бегали смотреть, чья возьмет. Ужо Ромка не выдержал, побежал к Жулькиным родителям виниться, по дороге принял хмельного для храбрости, да на солнышке и уморился. Прилег поперек дороги, спит себе потихонечку. А Жулька от папки-мамки сбежала, и к милому, а там хоть трава не расти! Глядь, он, любезный, лежит себе в лежку, ручки-ножки раскинул, не храпит только... Ну а девка, ясное дело, дура! Волос длинный, ум короткий, решила, что помер сердечный друг, и на своем же поясе удавилась на ближайшей березе. Висит, сиротинушка, а ветер ее раскачивает, отчего ветка и поскрипывает. От того скрипу у Ромки-то сон весь, как есть, пропал! Продрал он глазоньки, а как увидел...

– Все! – не выдержал я. – Кончай лепить горбатого. Вруливает мне классическую драму Шекспира, как бытовую деревенскую историю о несчастной любви. Хватит врать, поимей совесть.

– За что напраслиной обижаешь, воевода-батюшка?! – аж покраснел разом огорчившийся Митяй. – У нас это все было, под Лукошкином, а твоего Шекспиру мы и слыхом не слыхивали. Он и сам, видать, жулье отпетое... Такое печальное повествование у наших спер!

– Это Шекспир-то?!

– А то кто ж? Деревенских все нороят облапошить.

Мы бы спорили вплоть до царского терема, но откуда-то из переулочков кожевенного ряда выбежала зареванная девчушка и рухнула мне в ноги, старательно обнимая сапоги. От неожиданности я едва не отпрыгнул, а потом крайне деликатно попытался оторвать ее от себя, чтобы выяснить, в чем, собственно дело.

– Помоги! Помоги, сыскной воевода! Батюшку моего на пустыре за сараями грабят.

– Девочка...

– Помоги-и-и-и!..

– Митька! Отдери ее от сапога, я шагу ступить не могу! Вот так... Все, все, милая, не надо плакать – дядя милиционер уже спешит к твоему папе. Куда идти-то, покажешь?

Мелкая рева серьезно кивнула и вновь бросилась в бега. Мы – за ней. Миновали избы, сарай, овины, заборы, петляя какими-то закоулками, пока действительно не выбежали на поросший бурьяном пятачок, размером не больше боксерского ринга. Там никого не было... Должен честно признать, что в то время я несколько ослабил

бдительность. В такие детские засады попадают лишь зеленые новички. Когда за нашими спинами раздалась осторожные шаги, я окончательно понял, чем это пахнет.

Со всех сторон нас окружали высоченные заборы и бревенчатые стены. Единственный выход в переулочек закупоривали шестеро нищих в драных лохмотьях с костылями и посохами. Девочка бодро протолкнулась за их спины, фыркнула, показала нам язык, после чего преспокойненько смылась.

– Вот мы и встретились, участковый, – злорадно процедил сквозь зубы самый высокий.

Он приподнял свой костыль, на что-то нажал, раздался щелчок, дубовое древко удлинилось узким клинком, аж на две моих ладони. Остальные шестеро, как по команде, двинулись на нас, медленно обходя с флангов. Заблестели ножи, кастеты, завязанные в узел цепи. Я еще подумал, как прав был царь Горох, посылая мне в подарок боевую саблю. Которую я, конечно же, тут же повесил на гвоздик в спальне...

– Батюшка, Никита Иванович...

– А? Что? Извини, задумался...

– Ничего, не извольте беспокоиться, я тока спросить хотел, как же мы их в поруб посадим? Не поместятся ведь...

Я посмотрел на него как на идиота, но Митьку, похоже, и вправду волновал лишь этот вопрос.

– В поруб-то шестерых сразу не запихаешь, разве в два этажа укладывать. Может половину в пыточный приказ отвести?

Нищие замерли за пару шагов от нас, напряженно вслушиваясь в безмятежную болтовню моего напарника. Как я уже упоминал, Митька был двухметрового роста с косой саженью в плечах, и хотя не отличался такой рельефной проработкой мышц, как легендарный Шварценеггер, но запросто мог бы замесить его на пирожки.

– Эй, деревенщина! Вали отсюда, чтобы духу твоего здесь не было, нам нужен только участковый, – неуверенно предложил высокий.

– Ну да... Я уйду, а вы тут песни петь начнете! Не позволю управление милиции без головы оставить. Посторонись, батюшка сыскной воевода, у меня руки чешутся! – С этими словами Митяй небрежным движением оторвал от забора толстенную неструганую доску, и началось...

Нет, я не вмешивался. Отошел в уголок и наблюдал, как он их гоняет. Посмотреть было на что. Доска свистела пропеллером, издавая чмокающий звук при каждом попадании. Митька только приговаривал:

– Я вам покажу, убогие, как милицию не уважать!

Нищие попались не из трусливых и действовали с хваткой опытных головорезов, но исход битвы был предрешен. Самым последним упал тот высокий тип, что на меня наезжал. Он уже пытался удрать, когда неумолимая доска с треском переломилась о его голову. Мы осмотрели тела. Все шестеро оказались живы, хотя и с различными степенями увечья. Что ж... если впредь захотят вновь изображать калек, то теперь у них это получится гораздо реалистичнее.

– Вяжи их, напарник! – попросил я разгоряченного Митяя. – От лица царя Гороха и себя лично объявляю тебе очередную благодарность! Обязательно сообщу о твоём поступке государю и представлю к награждению медалью «За отвагу».

– Рад стараться, воевода-батюшка! – восторженно рявкнул он, скручивая бессознательным жертвам руки за спиной их же поясами.

– Где ты научился так драться? – полюбопытствовал я. – Мне только в кино доводилось видеть, как один побеждает шестерых.

– Дык... что ж тут особенного! – засмутился парень. – Дубьем махать мы привычные. Можно сказать, с детства этому делу обучены. У нас ведь как... деревенька маленькая, до столицы далеко, до лесу близко. Летом ишо ничего, а вот как зима, так совсем туго. Прижмет из избы выйти по нужде, ну и сразу с собой два кола и берешь. Один в снег воткнешь да за него держишься, а другим – волков отгоняешь. Они с голоду прямо так и шастают. Да и мороз крепок – не будешь двигаться – все свое добро как есть отморозишь! Вот я колом махать и выучился...

Да уж, наплел так наплел. Прямо какой-то научный фантаст... Кто его разберет, где тут правда, а где лапша на уши? Гадать бесполезно, оставалось лишь поправить фуражку на голове и сохранять серьезное выражение лица.

– А теперь давай бегом за стрельцами. Я посторожу здесь. Ты ориентируешься в этих поворотах?

– Ори-ен... чего?

– Я имею в виду, ты сможешь найти дорогу назад? Мы столько плутали в этих грязных закоулках...

– Не извольте беспокоиться, Никита Иванович. Дорогу мы завсегда отыщем, и стрельцов на подмогу я вам мигом доставлю, одна нога здесь, другая уже там.

Молодца словно ветром сдуло. Я еще раз внимательно осмотрел валявшееся оружие нападавших. На ножах и кастетах оказались уже знакомые мне характерные зазубрины. Снимать с кого-нибудь штаны для более точного экспертного заключения как-то не хотелось... Я и без того был уверен, что это те самые шамаханьки с мышкинского подворья.

– А вот и мы, батюшка участковый! Бежали борзо, как псы охотничьи. Вон цельный десяток стрельцов с базару привел, все при оружии и приказов ожидать изволят с готовностью! Весь город так и бурлит, все ищут шамаханьков беззаконных. По деревням разьезды царские шастают, на стенах охрана удвоена, бояре дружины со своих дворов под копье ставят, горожане ополчение собирают. Не пожалеем живота за Отечество!

– Болтун... Хватит орать. Эй, ребята, берите всех шестерых и кидайте в пыточную. Кому надо, окажите первую помощь, тут у некоторых явно кости переломаны.

– Слушаемся, сыскной воевода! А кто енти калеки перехожие?

– Те самые шамаханьки, которых вы ищете.

Я показал зазубренное оружие. Стрельцы удивленно закивали, поплевали на ладошки и похватали пленников в охапку. Диверсанты были не в том состоянии, чтобы оказать хоть какое-то сопротивление. Из тупика мы вышли все вместе: стрельцам – в пыточный приказ, нам – к царю Гороху, в общем, по дороге.

– Никита Иванович, а чего нам от государя-то надобно?

– Обсудить меры взаимодействия милиции и внутренних войск по отражению шамаханьковского нашествия.

– Ой, чей-то я не понял! Рази дело наше еще не закончено? Город во всеоружии, подземные ходы позасыпаны, шестерых «богомольцев» мы своими руками похватали, золото царю вернули, боярина нашли, дьяк Филимон тоже, поди, не скроется – его вина для всех яснее ясного. Мы свою службу справили, дальше государев суд пушай дело принимает.

– Не торопись, Митька, не торопись... Все это, конечно, очень хорошо. Базы, склады, ходы мы накрыли, мелкую сошку тоже взяли, а вот до корней так и не добрались. Уж не думаешь ли ты, что думный дьякон Филимон стоит во главе всей этой мафии? Он скандалист и зануда, доносчик и педант, ханжа и лицемер, но... заговорщик? Да чтоб он сумел хоть спланировать что-нибудь посерьезнее дешевой анонимки!

– Дак и я о том же толкую! – горячо поддержал Митяй. – Не дьяк то, а шамахан поганый в его личине.

– Согласен, но ведь и это доказательств требует. Повторяю, весь сыр-бор с шантажом боярина Мышкина и кражей злополучного сундучка был затеян лишь с одной целью – отвлечь внимание от исчезновения золотого перстня с хризопразом. Об этом я и хочу поговорить с царем. Либо мы объединим усилия и возьмем главарей банды, либо заговоры будут расти как грибы, пока одна из диверсий не увенчается успехом. Так что не спеши трубить победу...

– Понял, воевода-батюшка, – задумчиво признал он. – Наша служба и опасна, и трудна...

– Точно. Эй, это я тебе говорил?

– Никак нет, сам придумал... А что не так?

– Да нет... все нормально, просто... воспоминания.

У ворот в царский терем действительно расхаживала удвоенная охрана. Стрельцов, волокущих пленников, встречали приветственными криками. Мне было сказано, что государь ждет еще с вечера, все предупреждены, препятствий чинить не будут, пропуск выписывать тоже не надо. Горох встретил меня в тронном зале, с самым довольным видом прогуливаясь от окна к окну. Парчовое царское одеяние он сменил на парадно-выходной мундир стрельцов, на лавке в углу были разложены боевые доспехи. С хорошим бронежилетом, конечно, не сравнишь, но отделка очень богатая, повсюду золото, серебро, драгоценные камни. Кованый шлем украшен тонкой резьбой и разноцветной эмалью, а уж чего стоила сабля... Думаю, в моем мире на нее можно было бы обменять небольшой самолет. Любой музей отдал бы не менее половины своих фондов за право выставить такую игрушку. Про частных коллекционеров и говорить нечего...

– Любуешься?

– Да, – честно признал я. – Не знаю, чего она стоит в бою, но как произведение искусства...

– А с государем поздороваться не хочешь?! – неожиданно громко рявкнул Горох. Я смутился. – Ладно, ладно, не красней, аки девица невинная. В военное время можешь иногда субординацию нарушать, но в иные дни... Не гневи Бога, участковый, забудешь, к кому пришел, – на кол посажу!

– Извините, ваше величество, – покаялся я. – Сколько событий, весь день на ногах. Сплошные нервы...

– Плюнули и забыли! – милостиво кивнул отходчивый государь. – Война на носу... Ох и люблю же я это дело! Почитай, уже годка два никто к нам носу не сует. Скукотища страшная.

– Цивилизованные люди борются за мир во всем мире, а вы?

– Я тоже за мир. За него и бьюсь с врагами погаными. Буквально что ни день, то и бьюсь! Нешто ты думаешь, все энти поганцы иноземные нас в покое оставят?

– Вообще-то не думаю... – вынужденно согласился я. – Сколько помню историю Древней Руси, мы всегда с кем-то воевали. То с татарами, то с литовцами, то с немцами, то с поляками, а уж всяких там печенегов или половцев – как вшей надоедливых били, с завидной регулярностью...

– Точно. А ты у нас, оказывается, еще и истории обучен? – порадовался за меня царь. – Люблю поговорить с образованным человеком... Давай садись, я прикажу, чтобы нам сюда медку подали по ковшичку, пряников на закуску... Так ты мне обстоятельно все доложишь, уговорил?

– Конечно, уговаривать вы умеете. Но предупреждаю – я на службе, мне пить нельзя!

– Даже когда тебе сам царь наливает? – ужаснулся Горох. – Слышь, Никитка, а ты вообще меня уважаешь?

– Ни-икит... Никит-т-тушка, спой еще раз про этих... Ну, где: «А ишо на наших женщин позарился! Стра-а-ашных, аж жуть...»

– Запросто, – охотно согласился я, усердно пытаюсь поймать падающие с колен гусли.

Хреновая замена гитаре, должен вам заметить, господа... С другой стороны, попытки сбавить Высоцкого на балалайке вообще ни к чему

не привели. То ли расстроенная она, то ли струн маловато, то ли трех «блатных» аккордов недостаточно... Извиняемся! Консерваториев не кончали!

А когда мужик иль воин
Попадал в дремучий лес,
Кто с тоски, кто с перепою,
А кто сдуру в чашу лез.
По причине попадали,
Без причины ли –
Только всех их и видали,
Словно сгнули...

– Стра-а-ашна, аж жуть! – с пьяной радостью подхватил царь Горох.

Эх, пропадай моя телега – шестисотый «мерседес»! Хмельной резкий мед оказался такой коварной штукой. Языки у нас почти не заплетались, в голове приятно шумело, а вот встать на ноги и запросто пройтись по досочке – не мог ни один. Государь скинул кафтан и сапоги, восседал на скамье на босу ногу. Корона так залихватски сдвинулась набекрень, что держалась на одном ухе. Я тоже снял фуражку, китель и здорово ослабил галстук. Нам обоим было хорошо. Доклад о делах я успел сделать раньше, кажется... Нет, нет, точно рассказал!

– Голова ты у меня, с-сыскной воевода... Такой завьгор... тьфу! Заговор раскрыл! Награжу я тебя! Боярской шапкой пожалуйю, именье дам и... эту... женю я тебя, вот!

– Не надо! – твердо ответил я.

– Пчму? У тебя шапка боярская... высокая, бобровая, теплая – есть?

– Нет!

– А именье? Недвижимость хоть какая есть?

– Нет, и не надо! – уперся я.

Горох надулся, расстроился. Пару минут он обжигал меня самыми грозными взглядами, потом хлюпнул носом, собственноручно наполнил наши ковши и пододвинул мне:

– Свинья ты неблагодарная! Вот ты кто... Хоть бы уважение проявил государю. Царь ведь я! И не мухомор тебе в рыло тыкаю...

забочусь ведь, как отец родной!

– Ну... не надо... я оц-щень ценю ваше расположение...

– Врешь! Не ценишь!

– Да ценю же, ценю...

– Опять врешь! А ценишь – так женись!

– Зачем мне это! – несколько разгорячился я, но его благоволения меня достали. – Что за постоянная идея фикс?! Каждый наш душевный разговор заканчивается угрозой свадьбы! Да, насмотрелся я на ваших боярских дочерей. У всех рост – с хорошую каланчу, в плечах, как «зеленые береты», бедром зашибить может, грудь колесом, едва сарафан не лопаются, а глаза добрые, добрые, как у коровы... и мозгов в той же пропорции.

– Ну, так и... какого рожна тебе еще от бабы и надоть?

– Вам этого не объяснишь...

– Да уж ты объясни, снизойди к нам, убогим! – опять ударился в пьяную обиду государь, а что я мог ему объяснить? Что еще не забыл ту, из другого мира? Что невольно ищу девушку, хоть чуть-чуть напоминающую мне Наташу? Нет... по совести говоря, активными поисками я пока не занимался. Но это... это моя личная жизнь!

– Ладно, твое величество, будь по-вашему. Только объясните мне, Христа ради, зачем вам непременно нужно меня женить?

– Положено мне, и не мной придумано! – наставительно поднял палец царь. – Ишо выпьешь? Нет?... Ну, как хошь. Тады я тоже не буду. Че я, алкаш какой, в одиночку выпивать?

– Не отв-ле-кайтесь от темы, – напомнил я.

Мы с ним хорошо сидели, если не пытаться вставать, то даже очень хорошо. В словах спотыкались редко и не настолько, чтобы исказить основную мысль. Так что... в смысле, все нормально, да?

– Так вот че я тебе сказать-то хотел... Цари, они... мы?... Мы ж не для себя живем – для блага государства! Я за землю эту, за столицу, да за любое сельцо малое – живота своего не пожалею! Веришь?

– Верю.

– Правиль-н-но. О ком царь в первую очередь думать должен? О людях! Только о них и пекись денно и ночью... У царя сердце большое, ума палата, рука твердая. А только как одному державой управлять? Без слуг верных никак нельзя...

– Понял, допетрил, усек. – Мне показалось, я правильно уловил, куда он клонит. – В соответствии со средневековыми традициями вы даруете мне землю, титул и супругу, чтобы навсегда привязать меня к Лукошкину с материальной и семейной точки зрения.

– Голова! – удовлетворенно крикнул царь Горох. – Вот ведь, я ж говорил – голова... Ничего ему рассусоливать не надо, сам дойдет. Размешает, полной ложкой зачерпнет, да и в рот! Пойми. Мне же перед прочими боярами неудобно... должность у тебя эвон кака высока! А своего ничего нет: ни дома, ни детей, ни плетей... Непорядок это. Любая птица за свое гнездо насмерть стоять будет. А тем, кто от добра да женитьбы бежит, – веры нет! Попомни мои слова.

Через несколько минут нас прервали. Вошедшие стрельцы доложили о поимке дьяка Филимона. Горох сурово пресек все мои попытки забрать подозреваемого под юрисдикцию милиции, заявив, что сам спустится в пыточную и лично допросит патлатого предателя. Я побрыкался для вида. Но быстро уступил. Упрямство царя по-человечески было, в общем-то, вполне понятным и объяснимым. Наговорившись со мной, под влиянием хмельного меда, его величество тоже вообразил себя Шерлоком Холмсом, решив хоть немножко поиграть в крутого детектива. Мешать ему в этом невинном развлечении наверняка было бы небезопасно. Поэтому мне пришлось удовольствоваться милостивым соизволением забрать дьяка попозднее вечером. С тем я и отправился восвояси. Митька встретил меня на внутреннем дворе:

– Никита Иванович, а вы новость новую слышали? Дьяка-то, Филимона, на базаре ярыжки сцапали.

– Да ну? – притворно удивился я.

– Христом Богом клянусь, что не вру! При мне его стрельцы в пыточную поволокли, а он все вопил, сердечный: «Не я энто! Не я! Оговорили меня! Вот уж узнает государь про вас, аспидов!»

– Государь узнает... Он как раз в пыточную направлялся, решил опытного следователя поизобразить. Небось еще и протокол писать будет, – пренебрежительно фыркнул я, но, запнувшись за какой-то невзрачный бугорок, едва не растянулся в полный рост. – Слушай-ка, а нельзя ли здесь раздобыть какую-нибудь тележку? Что-то меня качает.

– Ох ты ж, пресвятые угодники! – разом обеспокоился верный Митька. – Да вы не заболели, часом? Жару нет? В озноб не бросает? Стой-ка тут, воевода-батюшка, а я уж мигом...

Пока он бегал туда-сюда, мне вспомнились слова Гороха. Во многом он был прав. Самое главное, пожалуй, то, что я и в правду не имею никаких гарантий возвращения домой в Москву. Здесь есть жилье. Привычная работа, возможность карьеры, друзья... Рано или поздно действительно придется обзаводиться своим домом. Ладно. Это пусть. Боярский титул мне близко не нужен – не хочу сидеть вроде депутатов в царской палате и давать мудрые советы, тихо преля под высокой бобровой шапкой. И жену я себе буду выбирать сам. Если вообще когда-нибудь выберу... Но сам!

– Вот она, воевода-батюшка! – радостно заорал в самое ухо мой заботливый напарник.

– Кто?! О... черт тебя возьми, Митька, я же так оглохнуть могу...

– Телег на конюшне сейчас нет. Все в разъездах. Карету государеву не дают, а вот лошадку смирененькую раздобыл. Вы уж извольте в седельце садиться да ни о чем не беспокоиться. Я ее под узду возьму, так не спеша до дому и доедем...

Я позволил ему помочь усадить меня в седло. Ноги были как ватные, спать хотелось страшно. Мерная поступь немолодой кобылы тихо убаюкивала. Наверно, Митька тихо-мирно довез меня до Яги, не знаю... я спал. Сон был короткий, обрывочный и дурацкий. Вроде бы сижу я у нашего майора на дне рождения, стол, выпивка, веселье наиполнейшее, его жена тост произносит, а тут раскрывается дверь и входит в комнату еще один наш майор со своей женой. В смысле, тот же самый, наш! Двойники! Мы все за столом, естественно, ахнули... А они, спокойненько так, проходят за стол, садятся напротив, лицо в лицо, опрокидывают по рюмашке и вроде все путем... Все уже почему-то считают совершенно нормальным, что наш начальник с женой на пару раздвоился – придумали же! Все пьют-гуляют...

Из сновидения меня вывел ласковый, но неумолимый бас напарника:

– Не пуцу! Не пуцу я вас, бабуля, и не упрашивайте...

– Да я тебя, ирода долговязого, упрашивать-то не больно буду! Вот сей же час превращу в гуся красноносого да наутро подам Никите Ивановичу в печеном виде с яблоками.

– Все одно – не пущу! Пусть я за верность свою да преданность в печь на закуску засунут буду, зато никто не скажет, что Митька из Подберезовки свой боевой пост оставил, батюшку сыскного воеводу разбудить позволил и Отечество перед потомками осрамил!

– Пусти, болтун несносный... Неча ему спать-ночевать, когда Родина в опасности! А ну, не дури, Митяй, не дури – пусти меня пред очи его ясные участковые...

– Да какие ж они ясные, коль воевода вдвоем с самим царем полбочонка меда хмельного за беседой сердечной уговорили? Не могу я его будить! Это... как его бишь... человеколюбие не позволяет. Я бы и рад уступить старой женщине, ан – оно не позволяет!

– Последний раз прошу по-хорошему...

– А мне теперь все одно пропадать, колдуй хоть в гуся, хоть в поросю, тока Никите Ивановичу скажи, что стоял, мол, Митька на посту, аки скала незыблемая, аки... аф?! Тяф, тяф, тяф!

Тут уж я, естественно, вскочил на ноги. Когда, накинув на голые плечи китель и пытаюсь нахлобучить фуражку на распухшую голову, я распахнул дверь... у порога сидел крохотный щенок с яркими синими глазами. Обычная беспородная дворняга. Над ним возвышалась раскрасневшаяся от споров Баба Яга.

– Случилось чего?

– Случилось, касатик, еще как случилось, – запричитала бабка, схватив меня за руку и волоча вниз. – Что ж ты мне, милый, сразу по обнаружении этого каменного шамаханского бога показать не изволил?

– И в голову не пришло, а это важно?

– Еще как, голубь мой участковый! Ведь ежели знать, что за бог, чем кормят, как ухаживают, много ли жертв ему дают, так ить можно ему самую поднебесную пуповиночку и перерезать. Враз, как ты говоришь, самый глубокий корень навсегда выкопать.

– Ну и как, интересно? – все еще мучаясь похмельем, буркнул я.

– Да ведь стрельцы-то утром показали божка шамаханского, и я, не будь дура, враз его опознала.

– Кто? Какой-нибудь местный уголовный авторитет?

– Прямо в яблочко бьешь, сокол ясный! Тебе скажу, но пока только тебе. Это – Кощей Бессмертный.

– Так... все... у меня от ваших сказок уже крыша едет. Митька-а-а! Подай воды напиться!

Щенок взглянул на меня самыми преданными глазами, завилял хвостом и осторожно гавкнул на Ягу. Мне на секунду показалось, что я узнаю этот взгляд. Баба Яга возмущенно пожала плечами:

– Ладно уж, расколдую охальника...

Если вы думаете, что после этого инцидента Митяй хоть на сколько-нибудь присмирел, то вы глубоко ошибаетесь. Наоборот, он вбил себе в голову, будто я всегда буду заступаться и своевременно спасать его от праведного гнева нашей хозяйки. Парень расхаживал гоголем! Правда, по сеням, в горницу Яга его не пустила. Сказала, что, если только переступит порог – сразу обернется ежиком. Митька храбрился, но порог не переступал, ограничившись громким распеванием венчальных и свадебных песен. Старушка налила мне рюмочку не знаю чего, настоянного на травах, мгновенно снявшего похмельный синдром. Хотя я лично охотно бы выпил большую чашку хорошего кофе! Но увы... В те далекие времена его еще не завозили иноземные купцы...

– Пожалуйста, расскажите об этом вашем Кошее поподробнее. То, что он опасный рецидивист, имеет хорошо укрепленную «малину», держит у себя воровской «общак» и почему-то прозывается

Бессмертным, мне известно с детства из мультиков. Так что попрошу только факты. Сейчас меня всего больше интересуют возможные связи между ним и шамаханским заговором.

– Будь по-твоему, Никитушка, слушай. Каш или Кощей имя свое получил от родителей, они его еще ребеночком вместо молока кровью человеческой поили. И вырос он оттого невероятно силен, худ и злобен. Цепных псов зубами рвал, подковы в узел пальчиками одной руки завязывал, а уж с виду как страшен – ровно скелет живой, желтой кожей обтянут, только глаза и светятся!

– Так... «глаза светятся», каким светом?

– Синим, – кивнула бабка, подглядывая в мой рабочий блокнот.

– Записал. Да, особые приметы у него впечатляют, вряд ли можно с кем-нибудь спутать.

– Точно, Никитушка, ни с кем его, антихриста, не перепутаешь. А бессмертен он, потому как его погибель далеко запрятана...

– Это вы насчет иглы, которая в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на дубе, дуб на острове посреди моря-окияна и змеем трехголовым охраняется?

– Батюшки! А ты-то как про все это прознал? Нешто опять дедукция?

– Дедуктивный метод основан на восстановлении фактов прошлого по уликам и признакам обнаруженного в настоящий момент. Ну, а насчет смерти на кончике иглы у нас любой ребенок знает. Правда, в моем времени это выражение больше относится к наркоманам. Не будем отвлекаться. Итак, где живет искомый преступник?

– За тридевять земель.

– Не ближний свет... – согласился я.

Ох уж мне эти географические понятия! Никто толком ничего не знает, пользуются безнадежно устаревшей ориентацией типа «в тридевятом царстве», «птица не долетит, волк не дорыщет, конь не доскачет», «семь пар железных сапог стопчешь, семь посохов железных сотрешь, семь хлебов железных сгложешь» – чушь несусветная! Хоть бы направления по солнышку давали, а то ведь в большинстве случаев и этого нет. Когда уж совсем туман – «на тебе, добрый молодец, клубочек, куда он покатится, туда и ты иди». У Яги таких штук шесть в корзине пылится. В первое время она все пыталась всучить мне один, чтобы я до царского терема (через три квартала!)

дошел и не заблудился. Позорище... Я его за воротами поймал, в карман сунул и прекрасно нашел все сам.

– Чем занимается по основному роду деятельности и в свободное время?

– Ох ты ж... Да ведь злодей он, известное дело, тем и занимается. То войной на кого ни есть идет, то соседей добрых стравливает, землю губит, воду травит, людей заколдовывает, девиц невинных крадет да в погребах тесных держит, зло творит везде, где может, змеев лютых растит...

– Так и запишем. «Крупный международный террорист, обладающий большим опытом в диверсионно-подрывной деятельности, с комплексами сексуального маньяка, каннибалическими наклонностями и прогрессирующей шизофренией на почве человеконенавистничества...»

– Истинно, такой и есть, – серьезно подтвердила Баба Яга. – А для шамаханов или какой другой разной погани – он бог и царь. Я так думаю, что вправду старые люди говорили, будто род шамаханский от Кощея идет. Вроде спутался он в молодости с ведьмами-чертовками, а от тех греховных связей дети народились мелкие да злобные. На головенках рога, позади хвостик махонький пороссячьего вида, и обличия разные принимать могут. А уж похотливы – без меры. Вот и плодятся целыми ордами.

– Ну, это вопрос уже генетический. Вы думаете, шамаханы осуществляют какую-то ментальную связь на уровне подсознания со своим древним прародителем?

– Сокол мой ясный, да не говори ж ты такими мудреными словами! Стара я иноземным языкам обучаться, мне бы по-русски, по-простому да по доступному разумению старушечьему... Я так думаю, что ежели кто за всем этим делом в головах и стоит – так только Кощей Бессмертный. Он шамаханов направляет, его идола в молельнях их стоят, и через них он слугам своим верным приказы раздает. Ежели хотим мы заговор злодейский обезвредить, надо нам планы его зловерные прознать, а сделать это можно, только побывав в царстве Кошеевом.

– Каким образом? В такое горячее время покидать управление надолго опасно, а путь за тридевять земель – дорога не близкая.

– В ступе полетим, за день обернемся, – прикинула бабуля, что-то подсчитывая на пальцах. – В столице Митьку оставим, пушай до нашего возвращения всей милицией заправляет. Он хоть и дурак порой, но парень верный, службу знает и честь блюдет. Планшетку ему свою отдай для солидности, народ еще боле уважать будет. О деле нашем пока даже царю не болтай. Тайно пойдем, чтоб ни одна живая душа о том не ведала. Но записочку Гороху отправь, дескать, ложимся в засаду, к ужину не ждите, доклад представим к завтраму. Перебьются без нас один денек.

– Скорее всего, да... – подумав, согласился я. – Вражеские склады мы накрыли, подкопы вновь засыпают, стрельцы во всеоружии, народ бдителен, оставшихся шамаханов раскроют и выловят быстро. Вроде бы здесь ситуация под контролем. Может быть, действительно стоит рискнуть и слетать на разведку в тыл противника, хотя бы для ознакомления?

Пока я писал объяснительное письмо государю, Яга вкручивала Митьке мозги насчет его обязанностей до нашего возвращения:

– Людей зазря не хватай!

– Да знаю я.

– К девкам не лезь, нечего их ощупывать «на предмет ношения холодного оружия», а то еще начнешь наркотики в сарафанах искать... Жаловались на тебя уже.

– Да не буду, не буду... Пошутил разок-другой, а они сразу ябедничать...

– Купцов не трожь, не все они воруют, хотя в деле торговом без этого тоже нельзя.

– Да? Мне орехов кулек не досыпают, а я, значит, молчи?!

– Но и в поруб всех подряд тащить нечего! Взял манеру: чуть что – руки за спину и в отделение. К цыганам не приставай, пушай себе гадают, а коней воровать они не посмеют – стрельцы из города не выпустят. На Обжорном ряду все подряд не пробуй, а то ишь какой народный контролер выискался! Тетка Матрена намедни жаловалась, будто ты у ней в кадку с квашеной капустой обе руки так и запускал, якобы письма переметные шамаханские искал... И где? В капусте? На кой ляд ты вообще туда поперся?

– Дык... Ну а как же иначе? Коли у тетки этой все на лице написано, один раз взглянешь, так и тянет документ потребовать! А капуста у ней все равно квелая...

Пока они там препирались, я снял со стены тяжелую саблю, царский подарок, и повесил на плечо. В прошлый раз вон не взял, так, если бы не Митькина силища да умение колом от волков отмахиваться, запросто получил бы штырь под ребро. Правда, фехтовать я ею не умею, но ведь, может, и не придется.

В ступе, конечно, не летал сроду. Она была выдолблена из цельного дуба, достаточно вместительна для двоих, украшена резьбой и для пущей надежности скреплена железными обручами. Полет производился поздно ночью, чтобы не привлекать чрезмерного внимания соседей. Митька с помощью двух лестниц установил эту дубовую дуру прямо на трубу нашего терема, нам пришлось карабкаться туда же. Я сажился первым, влез почти по пояс, возможно, все-таки не вывалюсь. За моей спиной пристроилась Баба Яга с помелом. Стало заметно теснее.

– Счастливого пути, воевода-батюшка! Я тут пригляжу за правопорядком, вы уж не сомневайтесь. Все как есть справлю в лучшем виде.

– Надеюсь... – закашлялся я, поскольку Яга, замахав помелом, сбила с трубы пыль и пепел. – Мы ненадолго, так что особенно не напрягайся, к завтрашнему вечеру уже будем дома.

– Летим, – буркнула Яга, и мы стали плавно подниматься в воздух. Митька до последнего прыгал вниз, размахивая шапкой, и вопил:

– Оправдаю! Не подведу! Отслужу на благо всего Отечества!

Ступа легко несла нас вперед, движимая неизвестной мне нечистой силой. Старушка вела ее на небольшой высоте, мы едва не касались днищем верхушек леса, ориентируясь по звездам. Скорость ступа давала совершенно для меня непонятную. Вроде бы не больше десяти километров в час, но пейзаж внизу менялся настолько разительно, что это казалось нереальным. Возможно, я просто не мог толком приглядеться в темноте, вот и мерещилось неизвестно что... Через пару часов такого полета Яга на бредущем стала усаживать ступу на высокую песчаную гору, торчавшую в дремучем лесу, как тонзура доминиканского монаха. Местечко довольно неудобное, неухоженное какое-то, повсюду запах серы и паленой шерсти.

– Кощей небось опять кошек варит. Вонь-то какая, а?

– Да, жаль, что у вас тут противогазы еще не изобрели... Что делает?!! – не сразу уловил я.

– Кошек, говорю, в котле варит. Черных, – доходчиво попыталась объяснить Яга. – Зелье готовит шамаханское, знать, и вправду он – в этом деле голова.

– Но зачем?

– Тут, видишь ли, Никитушка, вопрос сложный, колдовской. Кошка, она животная древняя, тайная, большой магией наделенная. Волшебства в ней поболее, чем в любом другом звере. Вот Кощей по всему свету кошек черной масти ловит да в котле чугунном, на семи огнях, из них страшной силы зелье готовит. На доброе дело оно бесполезное, для обычного человека так и вовсе сущий яд, а вот для шамаханов безбожных – это ровно нектар райский. Они идолу Кощееву молятся, о помощи да защите его просят, а опосля мессы этой гадостью и причащаются. Оттого многие из них в силу входят и личину людскую на себя принимают.

– Вроде как в церквах по ложке кагора дают?

– Да, вроде того. Я сама этот кисель из кошек отродясь не пробовала, но есть у меня пара знакомых леших, что хлебнули случайно, не разглядев, так, говорят, едва глаза от боли не лопнули! Зато через часок так хорошо стало... Легко-легко, над головой небо с облаками, и лети ты, куда душа пожелает!

– Наркотик, – с ходу определил я.

– Дурман, – по-своему переименовала бабка.

Мы оттащили ступу в сторону и замаскировали песком в ближайшей ложбине. Интересно, что же надо добавлять в котел, чтобы из безобидных кошек получился сильнейший галлюциногенный препарат, способный, ко всему прочему, воздействовать на зрительное восприятие окружающих, заставляя их принимать кажущуюся личину за настоящее лицо? Или же сам препарат действительно позволяет менять структуру тела, трансформируя костную основу, мышечную ткань, волосы, ногти и чего там еще есть? Надо будет обсудить по возвращении в кругу специалистов – для проведения следственной экспертизы это очень важный вопрос.

– Ну, Никитушка, уж тут ты стой столбом, а я колдовать буду. – Баба Яга засучила рукава и начала быстро-быстро бормотать слова,

показавшиеся мне полной ахинеей: – Мать-Сыра Земля, золотой песок, глина красная, расступитесь! Двери тайные, окаянные, глазу скрытые, отворитесь! Золотой песок – не осыпался, глина красная – удержалась, Мать-Сыра Земля черным ходом вниз указала путь по ступенечкам...

К некоторому моему удивлению, песок действительно зашевелился. Я говорю «к некоторому», потому что всерьез удивляться происходящему было уже невозможно. После всего, на что мне довелось понаглядеться за последние дни, начиная с шамаханских рогов и заканчивая полетами в ступе с помелом... Не думаю, чтоб подобные впечатления выпадали еще хоть одному московскому милиционеру.

Через минуту в земле открылась здоровенная темная дыра, при лунном свете едва угадывались круто ведущие в темноту ступени.

– Пора, сыскной воевода. Не заробеешь?

– Не первый раз к уголовникам в логово лезу! – почему-то соврал я. Бабка понимающе кивнула и первая шагнула вниз:

– Держись следом, Никитушка. Да сабельку-то не вынимай, не с руки она тебе, не ровен час, еще поцарапаешься...

Спуск вниз, в глубь горы представлял собой яркий зрелищный вариант польского «Луна-парка». Знаете, там еще есть такая пещера ужасов. Едешь по ней в колясочке, а со стен разные тряпичные ужастики на тебя плятятся... Так вот, мы проходили нечто подобное, с той лишь разницей, что существа, скалившие на нас зубы, несомненно были настоящие. Я неоднократно порывался выхватить саблю и съездить царским подарком хоть кому-нибудь в пятак. Под ногами шипели странные змеи, толстые, как докторская колбаса, с зубами на манер кривых гвоздей и горящими красными глазами. Они яростно посвистывали, но почему-то не спешили нас ужалить. Яга еще раз предупредила меня, чтоб я держался вслед за ней, ни на кого не обращал внимания и ни в коем случае не оборачивался. Якобы если обернусь, то окаменею. Чушь, конечно, но я почему-то ей верил.

Периодически прямо в стене открывались ниши, из них высывались гробы с ожившими мертвецами. Скелеты, и чисто выбеленные, и в рваных останках плоти, тянулись к нам дрожащими костяшками плюсн. Старые ведьмы, хохоча беззубыми ртами, вставляли поперек дороги, но, поняв нашу непреклонность, удирали, мгновенно

превращаясь в пестрых драных собак, или больших крыс, или ночных сов. Буквально из-под земли выростали громадные гориллоподобные мужики с безумным взглядом и окровавленными руками, обычно они размахивали топорами, но коснуться нас тоже не смели.

– Морок, – на ходу объяснила Яга, – питается лишь твоим страхом. Пока ты в него веришь, он и живет. Чем сильнее страх человеческий, тем больше мощи в руках морока. Трусливого он или топором зарубит, или змеей ужалит, или шавкой какой живьем сожрет...

– И только-то. – Я слегка пожал плечами. – Все эти кошмарики слеплены на уровне фантазии темного деревенского жителя пятнадцатого века. Видели бы вы, какие триллеры снимает сейчас мировой кинематограф... Годзиллы, Кинг-Конги, восставшие из ада, Чужие, экологические монстры, а наш российский Чикатило чего стоит...

– Ох, да замолчи же ты, неслух! – раздраженно рявкнула бабка. – Разве не знаешь, что от твоих слов энти злодеи и здесь появиться могут? Вон, гляди, кто там из-за угла лапу тянет? Уж дюже здоровенная ладошка-то...

– И волосатая... Кинг-Конг!

– Кто?

– Кинг-Конг. Огромная горилла, уцелевшая в неизведанных дебрях Африки.

– Чего ж ей, непоседе, на Лысой горе у Кощея Бессмертного понадобилось? – неуверенно спросила Яга, шустро обходя растопыренные пальцы.

Я не удержался и дотронулся до одного. Ладонь мгновенно сжалась, едва не поймав меня в кулак. Такое впечатление, словно там, наверху сидит гигантская обезьяна, просунув лапу в норку, и ловит мышей. Мыши – это мы с Ягой. Следующим на пути оказался лысеющий мужчина в хорошем костюме, интеллигентного вида, со скальпелем в руках. Он по-доброму улыбался, но бросился наутек, как только разглядел мою форму. Что ж, настоящий Чикатило тоже довольно долго успешно скрывался от милиции.

– Нам еще далеко?

– Не торопись, касатик. Сегодняшней ночью Кощея дома нет, иначе бы мы сюда и носу не сунули.

– А зачем тогда мы вообще сюда пришли?

– Посмотреть, что да как...

– Ничего не понимаю, – остановился я. – Давайте объяснимся. Экзотическая экскурсия в жилище популярного колдуна мне не нужна. Не время сейчас, в Лукошкине дел полно. Я был уверен, что мы идем его арестовывать!

– Да бог с тобою, Никитушка! – замахала руками Баба Яга. – Что ж ты такое говоришь-то? Ну, сам подумай, рази ж кто может самого Кощея Бессмертного заарестовать у него во дворце?

– Дыра тут сырая, и лестница сто лет не подметалась, а вы говорите – дворец...

– Дворец-то впереди будет, а о чем не ведаешь, не болтай. Нам бы внутрь попасть, да бумаги его посмотреть, в зеркало волшебное поглядеться, пакостей мелких, незаметных настроить, улик супротив шамаханов поискать, да и до дому живыми добраться... На такой риск один раз идут, вдругорядь Кощей-то поосторожней будет, ловушек разных понаставит, чтоб любого незваного гостя, как муху в сеть паучью, изловить.

За нашими препирательствами дорога неожиданно кончилась. Впереди высились странной формы чугунные ворота, а за ними чернел и сам дворец. На воротах остановлюсь поподробнее, они представляли собой хаотическое переплетение гибких шипастых лиан, которые, казалось, пребывали в постоянном движении. Ни перелезть, ни обойти тяжелую ограду было невозможно – шипы как бы сами тянулись в вашу сторону и матовый блеск металла не оставлял и малейшего сомнения в том, что будет, если они все же дотянутся... Вот о дворце ничего особенного сказать не могу. Нечто среднее между средневековым рыцарским замком и индусским храмом из фильма про Индиану Джонса. Ну, не разбираюсь я в архитектуре... Весь дворец был сложен из черного, грубо обработанного камня, и никакой охраны, таможни, контрольно-пропускного пункта мы не увидели.

Яга недолго колдовала над воротами, пока они пытались уязвить ее шипами. Створки открылись, лианы замерли, и мы не торопясь вошли внутрь. Двери самого дворца распахнулись еще легче, они даже не были заперты.

– Вот мы и пришли, батюшка сыскной воевода. Здесь корень всех бед. Что-то мы тут должны сотворить, чтоб все планы шамаханские напрочь спутать. Об одном прошу – без меня ничего руками не трогай.

Ты в нашем государстве человек новый, многого не знаешь. Ежели что захочешь сделать, наперед меня спроси.

– Слушаюсь! – Я с улыбкой щелкнул каблуками.

– Это я тебя слушаюсь, – усмехнулась в ответ Яга. – Ты ж у нас гражданин начальник...

Изнутри дворец Кощея Бессмертного поражал непередаваемым сочетанием роскоши и аскетизма. Вкус у хозяина отсутствовал напрочь! Мы вошли в прихожую (или как там это у них во дворцах называется?), ступив на золотой паркет. Золотой в полном значении этого слова. Желтые металлические бруски, плотно подогнанные друг к другу, устлали весь пол, и, словно в насмешку такому богатству, по углам пылился мусор, а с закопченного потолка свисала паутина. Запах «шамаханского зелья» буквально резал ноздри. Осторожно переходя из комнаты в комнату, из кухни в спальню, из оружейной в библиотеку, я понял, что у меня складывается очень нехорошее предчувствие в плане будущих отношений с гражданином Бессмертным. И кажется, эти отношения будут долгими... Судя по детским сказкам, Кощей являлся классическим преступником, обладал как колдовской, так и огромной физической мощью, периодически посылал куда-нибудь войска, крал Василис Прекрасных и достаточно регулярно убивался. В смысле бывал убит, в основном разными Иванами-царевичами. Причем каждый из них тщательно избавлялся от трупа: его сжигали, развевали по ветру, выбрасывали в море в засмоленной бочке, скидывали на дно глубокой пропасти, закапывали в землю, предварительно вбив в грудь осиновый кол. Результат нулевой! В каждой новой сказке Кощей Бессмертный воскресал, даже не помня, что когда-то был лишен жизни несколькими богатырями.

– На его счету ох как много замученных душ... Он ведь, злодей, кровь ровно воду льет, кровь пьет, кровью ноги моет. Вишь, какой дворец себе отгрохал? Полы золотые, стены серебряные, каменья повсюду драгоценные...

– Минуточку, а разве серебро не убивает нечистую силу? Я где-то читал, что серебряной пули даже дьявол боится.

– Обычную нечисть завсегда убьешь, не токмо серебром, а и сталью булатной. Да только Кощей не так прост. У него ведь сердца нет, и смерть его далеко прячется, сам знаешь... Чтоб с Кошеем

воевать – меч-кладенец надобен да конь богатырский, а их сыскать не просто.

– Ладно, это пометим в план следующего квартала. Ну, так чем мы будем здесь заниматься? Давайте решим побыстрее, а то у меня от этой кошачьей вони уже голова разболелась.

– Зельем я сама займусь, – решила бабка, когда мы, толкнув очередную дверь, увидели очаг и огромный котел, стоящий над ним на треножнике.

В кипящей воде плавали черные бесформенные комки шерсти, кем они были раньше – угадать уже было невозможно. Приходилось верить Яге на слово, лично я и так едва не терял сознание от запаха и омерзения.

– Иди-ка ты, участковый, в комнатку его тайную. Видишь, там, в конце коридора. Поищи улики какие ни есть. Тебе ведь не впервой обыск-то проводить?

– Конечно, просто обычно в таких случаях вызывают понятых, берут с собой целую опергруппу, предъявляют ордер на обыск и проводят его в присутствии подозреваемого.

– Шутишь, что ли? – чуть не обиделась Яга. – Да будь твой подозреваемый здесь, от нас, как от тех кошек, только клочок шерсти бы и остался!

– Шучу, конечно. Я пошел. Значит, вон та приоткрытая дверь в конце коридора налево?

После чего каждый занялся своим делом. Старушка моя творила какую-то мудреную диверсию с «любимым» напитком шамаханов. Надеюсь, у нее есть в этом опыт и она не доведет химическую реакцию до критической точки. Черт его знает, что туда понамышано, еще шархнет ядерным взрывом!

Моя задача была куда проще. Я распахнул дверь и вошел в так называемый рабочий кабинет. Свилярник там оказался ужасающий! Каменный стол, более похожий на саркофаг, весь завален бумагами, свитками, старыми книгами, чертежами, рисунками. Стены испещрены непонятными надписями и символами. По углам стояли чучела неизвестных мне животных, в основном зубастых, хвостатых и рогатых. На дорогом ковре валялись осколки посуды, щепки, сухие листья, птичьи перья. Небольшая лавка в углу заставлена коллекцией царских корон, я насчитал восемь штук, все разные. А еще там был

крупный желтый череп с фосфорическим огнем в глазницах. Даже на свету это производило впечатление, представляю, какой эффект получался в темноте. Кстати!.. Мы находились глубоко под землей, внутри горы, а светло везде было как днем. Обязательно спрошу у Яги, как такое возможно. Вы скажете, что в сказках возможно все... Но я-то не в сказке! Я делаю свое дело в мире, где обитают самые невероятные существа, и никто из них не считает свою жизнь плодом народной фантазии. Здесь нет знакомой линии сюжета, добро не всегда побеждает зло, неизвестны конец и мораль, так что совсем не факт, что я выберусь отсюда и буду жить-поживать да добра наживать...

По ходу размышлений мои руки быстро перебирали бумаги на столе. Кое-какие я сразу отложил в сторону. Это довольно подробный план Лукошкина, с описанием высоты и толщины городских стен, количеством постоянного гарнизона, боеспособных жителей, купеческих лавок, кузниц, складов провианта, колодцев и прочего. Потом мне попались очень интересные характеристики на небезызвестных лиц:

«Думный дьяк Филимон Груздев. Скандален да глуп. Чванлив и честолюбив без меры. Вино тайком потребляет. Девок непотребных по ночам в дом водит. На службе старателен, усидчив да угодлив. Характером завистлив, груб, трусоват. В казну государеву давно обе руки запустил».

«Боярин стрелецкой охраны Афанасий Федоров сын Мышкин. Жаден да глуп. Из-за молодой жены на любое дело пойдет. В быту грозен, людишек дворовых сечет почем зря. Любит, чтобы его боялись... В вине невоздержан, в гневе голову теряет, но перед силой завсегда склоняется. В казну государеву тайком лазит, с разумением...»

«Казначей Тюрю, как есть по отцу и деду. Скрытен да умен. В должность высокую своей головой пробился, из простых холопов царских. Письму и счету зело разумеет, языкам иноземным обучен. Жаден, все, что есть, под себя гребет. Однако же до сих пор ни в одном воровстве уличен не был. Характером скрытен, хитер, умеет заставить человека плясать под свою дудку. Более всего любит власть да деньги. Казной государственной пользуется как собственной...»

Тут было над чем поразмыслить. Факт участия Кощея Бессмертного в шамаханском заговоре против Лукошкина можно считать доказанным. Наверняка в городе были подкуплены люди, которые доставляли нужную информацию заезжим купцам. Те, в свою очередь, передавали ее заинтересованным лицам. Потом в столицу проник шамаханский шпион с соответственной личиной и, шантажируя дьяка, заставил его нажать на боярина, подделать ключи, совершить отвлекающую кражу, а самому в это время успешно провести акцию по исчезновению царского перстня. Да, а где же он? Тут, случайно, нет? Увы, пока мои поиски волшебного перстенька с хризопразом не увенчались успехом. Так вот... совершив две кражи и окончательно запугав боярина Мышкина, шамаханский шпион проводит в город своих соплеменников под личиной богомольцев. Те открывают два базовых лагеря, подпольных в прямом значении этого слова. Тайно поставляется оружие, роются подземные ходы за стену, на границе наверняка беспокойно, а какой-нибудь мобильный отряд быстрого реагирования только и ждет приказа выдвинуться к Лукошкину, пройти под стеной, устроить резню в городе и ждать до подхода основных сил. Воюя на два фронта, Горох может и не удержать позиций. К тому же если учесть панику горожан, захваченных ночью изнутри неумолимым врагом, способным принимать любое обличье... Столица почти наверняка была бы обречена.

Закончив с бумагами, я переключился на книги. В большинстве своем старые рукописные фолианты не содержали ничего интересного, возможно, потому, что были написаны на непонятных языках. Меня учили английскому, я мог бы узнать арабскую вязь или китайские иероглифы, но корявые значки, символы, крючки, точки, полосы и крестики не походили ни на одну известную мне письменность. Я открывал и откладывал их поочередно, все равно толку нет, пока в какой-то полуразвалившейся книге не мелькнули знакомые буквы. На картинке рядом был нарисован зайчик, я невольно прочел вслух: «Серый пух отлетит в небо синее, серый волк убежит в поле чистое, серый дым да туман книзу стелются – а и быть мне, так серым заюшкой, молодым, удалым, оборотистым!»

Я на мгновение потерял сознание. Пришел в себя оттого, что упавшая из моих рук книга больно стукнула меня по лапе. По... чему?

Господи боже!!! Я попытался осмотреть себя косящими глазами... Заяц! Натуральный серый заяц, да еще стоящий на задних лапах и недоуменно ощупывающий себя передними. Я попробовал закричать, но вместо человеческой речи раздался невнятный писк. Я – сам собой – превращен в зайца! Я лихорадочно набросился на валяющуюся книгу, наконец мне удалось открыть нужную страницу и отыскать контрзаклинание. Проблема в том, что произнести его вслух я не мог. Мой заячий язык категорически отказывался воспроизводить человеческую речь.

В отчаянии я дал с десятков сумасшедших кругов по кабинету, сбивая все подряд, прежде чем сообразил, в какую сторону нужно бежать. И тут тихое чучело, мертво стоявшее у входа, вдруг оживо, распахнув крокодилоподобную пасть, усеянную мелкими зубами. Я увернулся даже не помню как. Страшные челюсти захлопнулись с раздраженно-скрежещущим звуком. Моя задняя лапа взлетела вверх и врезала пяткой в подбородок чудища. Пусть я заяц, но инстинкты у меня остались человечесьи, и наш тренер из школы милиции мог бы мной гордиться. Чучело рухнуло навзничь! Я дунул в освободившийся проход, прижав уши и задрав хвостик.

Баба Яга уже заканчивала свою подрывную деятельность, когда я с самым скорбным видом вошел в дверь. Старая колдунья оглядела меня с чисто гастрономическим интересом и решила:

– А вот и ужин для нас с участковым. Испеку по-быстренькому да Никитушку кликну, на обратном пути в ступе и покушаем.

Этого мне еще не хватало! Бешено жестикулируя, я попытался объяснить, что не могу говорить. У Яги округлились глаза. Тогда я встал на задние лапы, сделал вид, что надеваю фуражку, и помаршировал туда-сюда строевым шагом, на ходу отдавая честь, потом остановился, приняв стойку «смирно» и щелкнув воображаемыми каблучками. Старуха едва не присела:

– Ник... Никитушка, да ты ли это, сокол ясный?!

Я счастливо закивал, делая ушами знак «Виктория!». Молодец у меня бабуля, поняла все-таки...

– Я ж тебе говорила, не трогай чего не надо! Ну да ладно, пойдем уж, косой, покажешь, куды ты влез...

В Кощеевом кабинете я сразу указал нужную книгу. Баба Яга быстро прочла содержание страницы, уяснила главное, речитативом

произнесла заклинание и наотмашь ударила меня в лоб. Поднимаясь с пола, я повалил чучела всех уродцев, хотел было расставить, но Яга не позволила:

– Пора нам отсюда, загостились... А убирать не надо, тут сам черт ногу сломит, пусть уж так остается. Кощей все равно узнает, какие гости к нему пожаловали...

– Я хочу взять эти документы.

– Бери, тут бумаг много, авось сразу и не хватит.

Обратный путь мы прошли с удвоенной скоростью, даром, что в гору, но поднялись наверх гораздо быстрее, чем спускались вниз. Разные чудища, пугавшие нас в начале похода, теперь расстарались вовсю. Шум, вопли, рев, рык, грохот, клацанье зубов, корябанье когтей, непрекращающиеся угрозы, от которых кровь стыла в жилах. Хорошо, что мне по роду деятельности и не такое приходилось выслушивать... Уголовнички, когда попадают к нам в отделение, обычно сыплют угрозами, как Дед Мороз подарками. И никогда их не выполняют... Естественно, отсидит человек в тюрьме лет восемь – десять, выйдет на свободу, глотнет вольного воздуха – только ему и дел, что через столько времени мстить далекому лейтенанту милиции, когда-то задержавшему его на ограблении... Это я, чтобы отвлечься, ударился в воспоминания. Хорошо все-таки быть человеком... Нельзя в этом мире терять бдительность ни на минуту. Расслабился – превратился в зайца. А если бы рядом не оказалось моей дорогой, любимой, единственной и неповторимой Бабы Яги? Так бы и бегал по Кощейеву дворцу, пока не съели... Вот так у нас один сержант-стажер выкручивал лопнувшую лампочку, а ток не отключил... Его так дербалызнуло, что месяц в больнице откачивали.

– Стой! Стой, Никитушка! Забыла!

– Что?

– В зеркало волшебное посмотреть забыла, дура старая... – запричитала Яга.

– Ну... давайте вернемся по-быстрому и посмотрим, – наивно предложил я.

– Нет, поздно. Чуешь, как земля дрожит? Это Кощей Бессмертный в свой дворец возвращается.

– А где оно стоит, ваше зеркало? Давайте я один сбегаю, у меня быстрее получится...

Баба Яга остановилась, вперив в меня подозрительно-пристальный взгляд. С минуту она молчала, потом заговорила быстро и по существу:

– Побежишь вниз, от ворот налево, по широкому коридору в большой зал попадешь. Там у стены громадное зеркало стоит в три человеческих роста. Все полы в том зале шкурами звериными устланы, ежели зеркало и упадет, так не разобьется. Как к нему подойдешь, стукни по стеклу лапкой три раза... Оно тебе сей же час наше Лукошкино покажет со всеми окрестностями. А ты все смотри да примечай, может, что для дела полезное и углядишь. Не может того быть, чтоб шамаханские отряды тайно к городу подходов не ладили...

– Все ясно. Я бегом туда и обратно. Коридор налево, зал с зеркалом, полы меховые, постучать три раза, а п-почему лапкой? – не сразу понял я, но было поздно.

Яга закончила чего-то шептать и быстро дотронулась до моего лба крючковатым пальцем. Опять та же мгновенная потеря сознания. Все дальнейшее уже знакомо... Я опять заяц! Сдвинув брови и пытаюсь засучить рукава, я грозно двинулся на Ягу. Она присела и легонько потрепала меня за ухо:

– Ну что ж, давай, участковый. С человеческими ногами тебе ни в жисть не успеть, а заячьим бегом, глядишь, и обернешься. Я на выходе ждать буду. Как воротишься, прыгай сразу в ступу, по дороге все расскажешь. Удачи тебе, Никитушка... и... прости меня, старую...

Я кротко вздохнул и опрометью бросился вниз по ступенькам. Заячьи ноги несли меня с невероятной скоростью, маневренно обходя все препятствия или попросту перепрыгивая через них. Вся придорожная публика взялась вновь скалить зубы, но не все даже успевали осознать, что за серый комок пролетел мимо их ловящих рук. Не прошло и пяти минут, как я стоял перед чугунными воротами с шевелящимися шипами. На мгновенье между лианами открылась щель, и я сиганул туда, распластавшись в длинном прыжке. Приземлившись, сделал кувырок и, не оборачиваясь, бросился дальше. Ворота за стеной негодующе заскрипели, а я уже бежал по широкому коридору, заглядывая во все комнаты по левую сторону, пока не наткнулся на меховые полы. Огромный, по заячьим меркам, зал действительно был устлан мягкими звериными шкурами на локоть в высоту. Скользя и проваливаясь, я двинулся вперед. Зеркало оказалось

матовым, ничего не отражающим стеклом, в литой позолоченной оправе. Пока я, путаясь в шкурах, доковылял до него, в комнате неожиданно повеяло холодом. Движимый выработанным инстинктом опасности, я лег, прижав уши и замаскировавшись среди мехов. Каким-то шестым, звериным чувством понял, что в зале кто-то есть. Осторожно скосив глаза, я ахнул... На пороге высилась стройная фигура мужчины в черном. Или, вернее, сверхтощего старика в шелковой мантии с остроконечной золотой короной на лысом черепе. Лица практически не было. Глубоко сидящие глаза полыхали красноватым огнем, щеки впали, губы были настолько тонкими, что едва прикрывали неровные зубы, нос ввалился, как у сифилитика, голая шея казалась сплошным позвоночником, а пальцы рук, сжимающих золотой посох, – просто костяшками, обтянутыми желтой кожей. Спрашивать, кто это, не было необходимости. К волшебному зеркалу величаво шествовал сам Кощей Бессмертный. Я прикрыл глаза и постарался казаться плоским.

– Зеркало мое волшебное, мудрое да всезнающее, покажи ты мне град Лукошкино, как мои дела там свершаются? – Его голос был неожиданно грозным для такого скудного телосложения.

Поверхность стекла заколебалась, пошла волнами и разводами, а потом озарилась радостной панорамой просыпающейся столицы. Я приоткрыл один глазок, подсматривая за происходящим. Итак, общее положение меня устраивало: на стенах бдрили внимательные часовые, по улицам расхаживали стрелецкие дозоры, видно было, что весь город полностью готов к обороне. Кощей недовольно щелкнул пальцами, показался царский терем. Горох еще спал, но его дружина была уже на ногах, готовая ко всему. Повара раздавали миски с горячей кашей, но чувствовалось, что бородатые воины при первом же сигнале трубы прыгнут в седла и бросятся на врага. Еще один резкий щелчок пальцев, вроде как переключение каналов на телевизоре. Я увидел город с высоты птичьего полета, площадь обзора перемещалась влево за леса, пока не остановилась на южной караванной дороге. Обычно по ней шли восточные купцы, поставлявшие в Лукошкино ткани, посуду, золотые украшения, дорогих арабских лошадей... Зеркало приблизило изображаемые объекты, и вид очередного каравана пробудил во мне неожиданные подозрения. Вроде бы все как всегда, я уже насмотрелся этих смуглолицых купцов, прибывающих на

центральную рыночную площадь каждые две недели. Но этих что-то отличало от обычных торговцев... Может быть, слишком большая охрана, может быть, непривычно огромные ящики, покачивающиеся на верблюжьих горбах, – в каждом легко могло поместиться человек пять. Нет, наших здоровенных стрельцов и трое бы не влезло, но низкорослые шамаханьки отличались щуплым сложением, возможно в своего прародителя. Еще мое внимание привлекли кони. Как правило, в столицу пригоняли табуны чистокровок или красивых метисов с примесью благородной крови. Но уж никак не пеструю орду невысоких лохматых коняшек, более похожих на дикий табун лошадей Пржевальского. На какую ярмарку их гонят, кто их купит? Разве какой-нибудь мясоперерабатывающий завод на краковскую колбасу... Так в Лукошкине таких заводов нет, а конину на рынке не берут, говядины да баранины довольно. Кощей, глядя на караван, довольно потирал сухонькие ручки, треск костяшек отвлекал меня от экрана. Впечатление действительно было такое, словно я озорным мальчишкой «зайцем» влез в кинотеатр и смотрю фильм из-за портьеры.

– А теперь покажи мне врага докучливого, милиционера местного, участкового лукошкинского, сыскающего воеводу Никиту Иванова! – потребовал Кощей Бессмертный, вновь обращаясь к зеркалу.

Я мысленно выругался, попытавшись как можно тише заползти под лисью шкуру. Меж тем зеркало, как ему и положено, отразило комнату, меховой пол, черную фигуру хозяина и все остальное.

– Это... что ж за шутки такие?

Никаких шуток. Зеркало показывало именно то, что он просил. Просто младший лейтенант милиции Ивашов Н.И., то есть я, в настоящее время играл в прятки под лисьей шкуркой.

– Ага! – дошло до сообразительного Кощей. – Так он здесь, под шкурами прячется? Да уж так небось и есть!

Злодей пробежался из угла в угол, раскидывая меха там, где, как ему казалось, мог скрываться человек. Никого не найдя, он повел тем, что оставалось от носа:

– Не чую духа человеческого!

Еще бы, такими дырками разве хоть что-нибудь почувешь?

– Звериный дух весь запах перебивает! – вновь показал свою прозорливость отпетый рецидивист. – Ну да я тебя, комара надоедливого, по-другому сыщу... А вот, звери лесные, степные,

дикие, большие, малые, пушистые, восстаньте живьем в шкурах своих да бегите по домам, чтоб через минуту и духу вашего здесь не было. А уж мы кое с кем потолкуем...

Вот тут-то наш закоренелый преступник и дал промашечку! Заклинание сработало – будь здоров! Меньше чем за минуту вся комната наполнилась визжащей массой зверей – медведей, волков, лисиц, оленей, лосей, зайцев, рысей, бобров, енотов, белок... Если помните, шкуры лежали в три-четыре слоя, а что же стало, когда они вновь превратились в живых зверей! Да мы все едва вытолкнулись в дверь! Кошечка смело как вафельный стаканчик, по его распростертому телу перепуганная масса животных ломанулась на свободу. Мне удалось прыгнуть на спину здоровенной медведицы и без всяких проблем выбраться к воротам. Пока все зверье с ревом, рыком и скулежом носилось по дворцу, я тем же прыжком пробрался к лестнице, а там давай бог ноги.

Баба Яга ждала меня в ступе с помелом на изготовку. Я сиганул прямо к ней в руки.

– Успел-таки? Ох и бедовый ты мужик, сыскной воевода!

Я гордо пошевелил длинными ушами...

Назад в Лукошкино летели с шумом и песнями. Яга размахивала помелом, выдавая на весь лес такие неприличные частушки, что я наверняка краснел. В свою очередь мне пришлось с чувством исполнить: «Первым делом, первым делом самолеты! Ну, а девушки? А девушки – потом!» Получалось, что со всем делом мы управились даже раньше, чем рассчитывали. В наших руках были неопровержимые улики причастности всех троих подозреваемых к делу об украденном перстне, а значит, и к планам шамаханского вторжения в столицу. Причины для радостного настроения у нас были. Во-первых, двое из подозреваемых задержаны и находятся под стражей. Жаль, что не успели хорошенько потрясти казначея Тюрю, ну да он уже на небесах и там мы к нему не прицарапаемся. Хотя как знать... возможно, за тяжкие грехи его уже жарят черти на сковороде. Во-вторых, подземные ходы перекрыты, весь город под ружьем и попасть в него весьма проблематично. В-третьих, мы с Ягой будем в Лукошкине гораздо раньше любого каравана и быстро подготовим таможенню к встрече этих подозрительных купцов. В-четвертых, бабка

сказала, что понасыпала в кошачий отвар такое количество разнообразных ингредиентов... Хорошо, если причастившийся шамахан отделается простым несварением желудка. Яга вбухала в чан все запасы лягушачьей желчи, змеиного яда, крови летучих мышей, помета черного петуха, слюны двухголовых ящериц, выжимки из паучьих мозгов, тараканьи яйца... Возможно, я что-то упустил, не принимайте мои слова как готовый рецепт или руководство к действию. Она засунула в зелье все, что сумела выгрести из сусеков Кощея, и была собой очень довольна.

К Лукошкину мы прилетели уже около пяти часов вечера. Сели в лесу, спрятали ступу в кустах рябины, а к воротам отправились пешочком. Баба Яга гордо семенила рядом, повиснув на моем локте. Спешащие в город крестьяне приветствовали нас уважительными поклонами. Один мужичок даже предложил свою телегу, мы подумали и согласились. Я посадил бабку, запрыгнул сам, а словоохотливый возница во все горло разбалтывал нам последние новости:

– Про шамаханов-то, люди бают, и не слышно близко. Зазря батюшка государь стоко народу воинского в город нагнал. Шпиены-то все переловлены, к ногтю поставлены, вроде бы и ратиться не с кем.

– А что, за последние сутки больше никого не задержали?

– Никого... тока из тюрьмы царевой бежал один, не нашли его.

– Кто ж бежал? – без особого энтузиазма поинтересовался я.

– Да дьяк какой-то.

– Дьяк?! Дьяк Филимон Груздев из думного приказа бежал?

– Во-во... он и сбег, – важно подтвердил возница. – Я ить тут на стрелецкое подворье овес лошадкам привожу. Утром был – тихо, в полдень – шум да дело, сейчас вот в третий раз еду, так небось уже нашли...

– Как же он сбежал?

– А кто ж его ведает? О том у сообщника евойного допросить нужно.

– Какого еще сообщника?

– Да того самого... Митьки с милицейского двора. Слышали, чай? Дебошир, бабник да пьяница, отродясь ничего хорошего не делал. Видать, прельстили его деньги шамаханские, вот и дал он сбежать врагу скрытному.

– Что за бред?! – переглянулись мы с Ягой.

– Да вот вам истинный крест! Я-то сам, правда, не видал, но шурина мой, Васька Храпов, слышали, нет? Так он в стрельцах службу несет, он и рассказывал, будто перед обедом пришел к пыточной парень этот, Митька, да требовал, чтоб дьяка ему тотчас представили. Дескать, на то указ есть царский. Охрана бы и не поверила, а только у забора сам участковый стоял и ручкой помахивал... Они сдуру-то и отдали. Те двое дьяка увели... Царь в обед пожелал допрос учинить, а заключенного-то и нет! Он стрельцов в управление – Митька ни сном ни духом, божится, стервец, что знать ничего не знает! Ну, его в охапку, да к царю, а участкового этого по сию пору ищут. Небось уже отыщут, аспида...

– А как ты думаешь, добрый человек, кого ты на телеге везешь? – недобро сощурилась Баба Яга.

– Ясно кого... – ухмыльнулся возница. – Бабку старую, калику переходящую, да купца иноземного, толмача, как видно... Уж больно гладко по-нашему разговаривает.

– Ах ты мужик-лапотник! Деревенщина-засельщина! – в полный голос рявкнула бабка. – Да как ты только посмел в лицо «тыкать» воеводе сыскному, самому участковому, начальнику местного отделения милиции города Лукошкино, батюшке Никите свет Ивановичу?! Как ты посмел про его светлость слухи поганые непроверенные распускать?! А я вот кликну стрельцов, да на дыбу тебя, да язык твой брехливый клещами повыдерну!

Мужичок ошеломленно переводил округлевшие глаза с меня на Ягу и вновь с Яги на меня. Когда до него дошло, что все сказанное имеет под собой реальную почву воплощения, несчастный бросился с телеги наземь и, стуча лбом об обочину, испуганно завопил:

– Каюсь, каюсь, матушка! Прости меня, грешного, неразумного!.. Сдуру да сгоряча слово неосторожное молвил. Смилуйся, воевода-батюшка! Не вели казнить, вели миловать! Шестеро детишек по лавкам, уж пожалей сироточек! По гроб жизни зарекусь о нашей милиции дурно говорить!

– Ох, смотри у меня... Вдругорядь не попадайся! А мы, Никитушка, пешком пойдем, уж больно меня на этой телеге растрясло. Ворота – вот они, а дале путь короткий. Ты ведь, чай, напрямиком к Гороху? Разобраться бы надо...

До самого царского терема мы шли, не разговаривая друг с другом. Каждый думал о своем. Не знаю, о чем Яга, а я – о своем неугомонном напарнике, которого и на один день без присмотра оставить нельзя – обязательно куда-нибудь влипнет! На кой шиш ему понадобилось вытаскивать из тюрьмы дьяка? Ведь сказано же было – царь самолично допросит, а уж потом и мы зададим кое-какие уточняющие вопросы. Мы! Это значит, я, Баба Яга и уж в самую последнюю очередь – он. Так ведь нет – полез-таки поперед батьки в пекло. Еще же отпирается, балбес. Спутать его не могли, такую орясину ни с кем в Лукошкине не спутаешь. Ну, положим, мой образ далеко за воротами мог и померещиться, но что именно Митяй забрал с собой дьяка, в это я вполне могу поверить. Ох и получит он у меня по мозгам!

– Чего решил-то, Никитушка? Уж больно вид у тебя грозен.

– Так... Ничего особенного. Надо вытаскивать этого сыщика-любителя экстра-класса из царской тюрьмы. Они там ребята на расправу скоры, но я парня за так не брошу. Мой он, в моем отделении служит, а милиция своих не выдает!

– Оно и верно... так вот и надо... так-то оно правильной будет... – строго согласилась Яга.

Таким образом, к страже, охранявшей вход в царские покои, мы подошли с самыми мрачными рожами. Стрельцы встретили нас аналогичными выражениями лиц.

– Где царь?

– На заседании боярской думы. Погоди здесь, сыскной воевода, мы доложим.

Ждать пришлось недолго, стрелец вошел в резные высокие двери, а уже через минуту вылетел оттуда красный как рак. Поправив съехавшую на затылок шапку, он откашлялся и, склонившись ко мне, шепотом попросил:

– Ты уж, батюшка, скажи, что мы тебя, дескать, не пущали! В большом гневе государь... Наорать на меня изволил! Кричит, чтоб духу твоего здесь не было, а потом передумал и повелел сей же час твоей светлости перед его грозные очи предстать... Повинись, участковый, шея гнется, да не ломается. А повинную голову и меч не сечет...

– На месте разберемся, – буркнул я, распахивая дверь.

Яга шмыгнула следом прежде, чем стрельцы сообразили, что царь требовал одного меня.

Тронный зал был полон народа. В центре у стены на высоком резном троне восседал его величество царь Горох. Вдоль стен на покрытых коврами скамьях чинно расположились бояре. Все как на подбор суровые, степенные, с бородами до пояса (в крайнем случае – по грудь), высокие бобровые шапки под потолок, полированные посохи в руках и... неприязненные взгляды в нашу сторону. Представляю, как нелепо я выглядел среди этого векового порядка, старинного уклада, традиционного взгляда на быт, власть и государственную значимость происходящего... Форма запыленная, брюки неглаженные, фуражка набекрень, на плече болтается дурацкая сабля! В придачу небритый и невыспавшийся, глаза красней, чем у кролика...

– Пожаловал, гусь лапчатый! – с ходу заорал на меня государь, от возбуждения он аж подпрыгивал на троне. – Натворил делов, да и в кусты?! Я тебе покажу кузькину мать! Тоже мне – сыскной воевода...

Ей-богу, он так орал, что я даже слова не успевал вставить. Бояре одобрительно кивали, злорадно сдвигая в мою сторону брови. Баба Яга притаилась в уголочке и пока не вмешивалась.

– Вишь какую волю взял! Ужо я-то тебе покажу, послушник, кто тут главный! И не смей даже рта раскрывать – не видишь, в каком я гневе?! А ведь я, когда гневаюсь, собой не владею – раз-два, и на плаху. На дыбу, на виселицу, на кол! На каторге сгною! С живого шкуру спущу и ремней из нее велю нарезать! Молчать! Не возражать! Не потерплю в своем доме такого самоуправства! А теперь – вон! Все – вон! Всех с глаз долой, живо!!!

Бояре, испуганно повскакав с мест, как куры с насеста, наперегонки бросились к дверям. Там, естественно образовалась пробка. Государь топал ногами, плевался и орал, что сию же минуту

самолично всех обезглавит. Встревоженная стража древками топориков подталкивала бояр в спину, пока зал не оказался пуст. Тогда я тоже развернулся и молча пошел на выход.

– А ты-то куда? – раздался спокойный, насмешливый голос сзади.

Царь-батюшка развалился на троне, задрал ноги на подлокотник и удобно скрестив руки на животе.

– Ты не сердчай на меня, Никита Иванович... Должен я был при всех на тебя накричать. Уж прости, ежели чем всерьез обидел... Жалобы на тебя опять. Видишь ли, боярина Мышкина в порубе держишь, вот прочие и взроптали. Как, мол, посмел сыскной воевода на боярина столбового голос завесить? Да ведь вся власть царева на боярах тока и держится! Такую бучу подняли, хоть святых выноси... Ну, вот и пришлось мне тебя принародно постращать. Политика – дело грязное, сам понимаешь...

– Ладно, плюнули и забыли...

Мы с царем пожали друг другу руки. Потом Горох хлопнул в ладоши, сунувшим нос слугам было приказано быстренько накрыть стол на двоих.

– На троих, – перерешил Горох, заметив схоронившуюся в уголке Бабу Ягу.

– Уж пожалуй и ты за стол, бабушка. Знаю от участкового нашего, что во многих делах ты ему советчица верная. Садись с нами, ешь, пей, да, может, слово мудрое скажешь или нас, торопливых, с умом поправишь...

Все-таки он – настоящий Царь. С большой буквы! Знает, где нужен кнут, а где пряник. Яга просто растаяла от подобного обращения. Я неожиданно понял, как страшно проголодался. Горох не спешил, давая мне возможность насытиться, и сам неторопливо рассказывал обо всем сделанном для обороны города от шамаханов. Должен признать, постарались все на славу...

– Одним словом – готовые мы. Ждем... Пусть только нос к Лукошкину сунут – так встретим – по гроб жизни зарекутся на русские города пасть разевать! Пушки вычищены, ядрышки подготовлены, порох сухохонький бочонками в погребах стоит. Смола в чанах разогретая, вскипятить – дело минутное. Огонь греческий тож подготовили. Конная дружина жеребцов под седлами держит, в одеже

спит, тока кликни – враз верхами явятся. Гонцам повелел заставы пограничные предупредить, ежели орду шамаханскую увидят – в бой не вязаться, в стороны отступить, к городу супостата допуская, а уж когда они под стенами-то завязнут – тут с тылу и вдарить! Разобьем мы их, Никита Иванович. Не в первый раз... разобьем.

– Не сомневаюсь, – наконец откликнулся я. – В борьбе с внешним агрессором вам и карты в руки. Давайте по моим делам разберемся. Пока мы с Бабой Ягой летали на выполнение особо опасного задания, вы тут умудрились потерять ценного свидетеля, да еще и арестовать моего полномочного заместителя!

– Парень твой в тюрьме сидит, цепями для острастки прикованный. Песни орет на весь подвал. Грозится, что, вот вернется батюшка сысканой воевода, он уже всем задаст!

– Расскажите толком, как все произошло. Я не верю, что Митька в чем-нибудь виноват...

– А кто говорил, что виноват? – недоуменно повел плечами царь. – Дураком надо быть, чтоб поверить, будто служивый твой супротив государственной власти заговоры строил... Мозгов у него на это дело не хватит. Не, тут без шамаханских штучек не обошлось...

– Мы задержали шестерых. Они хоть еще в тюрьме?

– Эти – да! Куды ж им деваться?! А вот дьяка упустили... Видать, знатный шамахан был в его личине, раз ему столь хитроумный побег устроили. Я думаю, Митяй твой спокойненько дома сидел, а они в это время его образом и попользовались...

– Стоп! – осенило меня. – Так что, никто не додумался проверить его алиби?

– Чего? – в один голос заинтересовались Горох с Ягой.

– Алиби! Кто-нибудь может подтвердить, что на время совершения побега мой напарник находился в отделении?

– Нет, – покачал головой государь. – Это он говорит, что в тереме сидел, хотя никто его там не видел. Но я ему верю. А вот тетка одна с базара жаловалась, будто бы он на то самое время у ней всю капусту в бочонке перевероршил. Врет небось... Так что нет у него твоего алиби.

– О боже мой! Ну как же нет, когда это как раз алиби и есть! – в сердцах вскричал я. – Митька врет, он не был дома. Он опять донимал тетку Матрену, торговку кислой капустой в овощном ряду, хотя Яга ему это и запрещала, утверждая, что наш Митяй ее до глубины души

разобидел борьбой за качество продуктовых изделий. Она тем самым подтверждает факт того, что он там был, обеспечивая ему таким образом неопровержимое алиби.

Бабка уяснила быстрее, царь соображал дольше. Поняв наконец, где собака зарыта, оба глянули на меня с нескрываемым восхищением.

– Ну, ты и мудр, сыскной воевода...

– А то как же... – в тон ответил я. – Нам, работникам милиции, иначе и нельзя. Чуть промашку дал – за всех всю вину свалят... Но меня волнует другое. Когда ваши стрельцы изловили Филимона Груздева, вы нам его не выдали, сказали, что будете допрашивать самолично. И что же интересного вы у него узнали?

– Да так... – замялся государь. Чувствовалось, что сыщика из него не получилось. – Он и не сказал-то ничего толком, пьян был без меры. Уж мы его и рассолом, и по щекам, и водою ледяною из ушата – все как об стену горох! Отродясь не видывал, чтоб хоть кто-нибудь так напивался. Окромья смеха гадкого, ничего из него не выжал!

– Выходит, к приходу моего напарника он протрезвел?

– Ни в одном глазу! Стража говорит, что так на плечо парню твоему и взвалили. Сам-то дьяк и на ногах не держался, и лыка не вязал.

– Дозволь и мне слово молвить, царь-батюшка, – тихонько встряла Баба Яга. – А дьяка-то проверяли на предмет личности?

– Не понял... – честно признал Горох.

– Ну, ежели то не дьяк вовсе, а шамахан под его личиной?

– Да как же мы проверим? Перстня-то хризопразового нет, а иных способов мы не ведаем.

– Ох ты ж... – всплеснула руками бабка. – Да нешто мы в докладе не сказывали? Перевоплощенного шамахана завсегда узнать можно, какую бы он личину ни нацепил. Снимаешь с него, прости меня, грешную, штаны и смотришь... Ежели позади маленький хвостик есть – значит, вот он тебе, шамахан! Ну, а ежели нет, то, извиняйте, люди добрые, ошибочка вышла.

– Только-то и делов? – обрадовался царь. – Да я сей же час прикажу стрельцам со всего Лукошкина штаны снять! Парни здоровые да хваткие, к вечеру всех шамаханов повыловим...

– Ни в коем случае, – экстренно вмешался я. – Во-первых, в городе начнется бунт. Если мужики еще такое издевательство стерпят, то как

они одобряют посягательство на своих жен? Ведь шамахан запросто может принять и личину женщины. Здесь вспыхнет братоубийственная война. И во-вторых, подобные меры проверки, как правило, не дают стопроцентного результата. Ну, проверили стрельцы сто человек, а шамаханы, видя это, мгновенно приняли личины проверенных, и все пошло по второму кругу...

– Да... тут ты опять прав, – задумчиво согласились мои собеседники. Какое-то время мы помолчали.

– Что ж присоветуешь, сыскной воевода?

Я начал неторопливо излагать свой план действий:

– Продолжать все необходимые мероприятия по обороне города. Со стороны южной дороги к нам движется очень подозрительный караван. У меня есть все основания считать, что это диверсионный отряд шамаханов, замаскированных под зарубежных бизнесменов, в смысле купцов... Их необходимо встретить, разместить так, чтоб были на виду, и не спускать глаз. Отрядить группу стрельцов на поиски сбежавшего дьяка. Если это был шамахан, значит, не найдут никого. Но пока есть хоть один шанс, что дьяк был подлинный, его надо обязательно отыскать. Мы с Ягой забираем Митьку и продолжаем поиски по своим каналам. Есть пара версий, которые следует отработать... Думаю, уже завтра все будет известно до конца. Возможно, придется пойти на неординарные меры, однако убежден, что они себя оправдают.

– Добро, – кивнул царь Горох, – крутись сам как можешь, но знай: до тех пор, пока истинного злодея передо мной не поставишь, буду на тебя гнев изливать! Положено мне так, царь я... Между нами делай все как должно, но при народе мне на глаза не лезь. Время надобно... Не могу же я на такого ослушника да за один день остыть! Но ежели помощь какая нужна – только дай знать!

Мы встали, церемонно пожали руки, Яга поклонилась, и царь Горох собственной персоной распахнул нам двери пинком ноги.

– Вон с глаз моих! И чтоб даже духу вашего здесь не было... – неслось вслед, пока мы спускались вниз по лестнице.

Встречные-поперечные избегали встречаться с нами взглядом, боясь, как бы и им не досталось. Оставив Ягу во дворе, я быстренько сбежал к тюремным подвалам и растолкал задремавшего сторожа:

– Подъем, отец! Спешный приказ от царя-батюшки! А ну давай, выпускай моего сотрудника...

– Что? Где? Кого? – засуетился старый вояка. – Да ить не сплю я, не сплю! Чего ж в ухо орать?

– Дед, не тяни, время не ждет.

– Ба, да это ж ты, сыскной воевода! Помню, помню, государь наш, царь Горох, предупреждал, что ты зайдешь. А чего так долго не был, где тебя черти носили?

– Дедушка, у меня дел полно, как-нибудь потом расскажу. Мне бы...

– Молодой ты еще да горячий! Эх, не сносить тебе головы...

– При чем тут моя голова? Я хочу, чтобы мне освободили...

– Чем без дела-то бегать, лучше б парня своего забрал, – наставительно отметил сторож. – Поет-то он, стервец, хорошо... Душу трогает! А только не след в тяжелую годину по тюрьмам отсиживаться... Взял бы ты его, а?

– Хорошо, – кротко выдохнул я. – Давайте возьму...

– Ну вот и умница! А то ведь не ладно будет, своих-то в тюрьме бросать. Бегаешь, бегаешь как угорелый, вон о друге-то и забыл... Что б, ежели я тебя не остановил? Так бы и сидел он, заброшенный...

– Дед! – взорвался я. – Ты мне кончай тут пропаганду устраивать! Я пришел не за твоими нравоучениями. А ну, живо мне сюда эту орясину с выдающимися вокальными данными!

Старик сторож насупился, обиделся и, шаркая стоптанными сапогами, ушел вниз, в подвал. Спустя добрых минут десять он появился обратно, толкая перед собой связанного по рукам Митьку. Слава богу, у него хватило ума не оказывать сопротивления при аресте, и стражники тоже его не обидели. Обычно у пленников царских тюрем хорошо если костей переломанных нет, а уж синяков на физиономии – от всей стрелецкой души. Что делать, везде свои перегибы...

– Батюшка сыскной воевода... вот те крест!

– В управлении поговорим, – отрезал я, глядя на его безуспешные попытки связанными за спиной руками сотворить крестное знамение.

Митяй кивнул и пошел за мной, как послушная собачонка. На выходе я попросил стрельцов развязать парня. С узлами возиться никто, конечно, не захотел. Попросту рубанули саблей, и вся недолга... От царева терема до нашего дома шли пешком. Мы с Ягой молчали, а

Митька, чувствуя недоброе, оправдывался как мог, перемежая горькую правду с несусветным враньем:

– Все как есть исполнял согласно вашим указаниям. Планшеточку на грудь повесил под рубаху и, ровно ладанку нательную, берег! Вот, извольте получить, воевода-батюшка... А за порядком в городе я следил! Как же иначе можно, иначе никак нельзя... Сил не жалел, все ноги себе истоптал, горло сорвал, народ к законопослушанию склоняючи. У нас ведь что за люди? Сами знаете... Работу разъяснительную с населением проводил, детишек в играх определял, чтоб на проезжую часть – ни-ни! Ни одного дорожно-транспортного происшествия за весь день – во как старался. Купцам помогал, где поставить, где объяснить, где товар с гарантией проверить. Воришкам мелким карманным пальцем грозил, а чтоб кулаком кого обидеть, ну в рыло или в глаз, так – ни боже мой! Вежливость проявлял и понимание. Поведение соблюдал милицейского работника достойное. Ни одной жалобы! Все как есть мною по уши довольны, а кое-кто и благодарность просил вынести... Это я не для хвастовства какого, а так, обстановку докладываю, реальную. Чтоб, значит, вы в курсе были... А, Никита Иванович?

– Ну? – буркнул я.

– Ну... что ж молчите-то? Али мне не верите? Ой, да бога побойтесь, батюшка! Я ж за вас, живота не жалеючи, бьюсь весь день с правонарушителями, не ем, не пью, в тюрьме сижу почему зря. Стыдно не доверять собственным сотрудникам...

– Ты зачем к Матрене в капусту сызнава влез? – между делом поинтересовалась Яга.

– Началось... – философски вздохнул Митька.

Что у нас было, дальше помню весьма смутно, очень хотелось спать. А так как основные операции по обработке новых версий я наметил на вечер, то вздремнуть часок-другой было просто необходимо. Однако та толпа народа, что ожидала нас у ворот управления, напрочь перебила мне весь сон. Количество ревущих баб вдвое больше, чем в тот памятный день, когда мы впервые вызвали на допрос дьяка, боярина и казначея. Спрашивать, зачем они пришли, было бессмысленно. На Митьку смотрели как на врага народа, мне же едва не падали в ноги с мольбой о помиловании. Со всех сторон только и слышалось:

– Аспид проклятый! Пожалей сирот, воевода-батюшка! Змий трехголовый, ты пошто моего мужика в поруб упрятал? Ужо сделай божескую милость, гражданин начальник, ить прям со свадьбы жениха в кутузку упекли... Почем зря старика моего повязали, ирод! Ирод ты и есть! Не дай пропасть вдове горемычной, сыскной воевода, все глазоньки выплакала... Да не пьяный он был, не пьяный! Так, слегка принявши... Верни сына матери, господин участковый, не позволяй сгинуть в тюрьме моей кровиночке! Антихрист! Как посмел отца Афиногена вместе с отъявленными уголовниками под замком держать?! Вот уж накажет тебя Господь, аки филистимлян... Навуходоносор несчастный!

Если бы не мы с Ягой, бабы растерзали бы недоумка на лоскутки. Громко пообещав сегодня же со всем разобраться и наказать виновных за перегибы, я пробился к воротам. Баба Яга увела Митяя в дом, от греха подальше. Мне же пришлось идти к порубу, овину, сараю и конюшне, так как заключенные были везде! Вели себя очень вежливо... Я открывал замки и отпирал засовы, все выходили по одному, без толчеи, недоверчиво щурясь на солнышко и заискивающе улыбаясь. Понятно, что ничего уголовно наказуемого никто из них не совершил, но, видимо, каждый чувствовал за собой какие-то мелкие грешки, а за время «заключения» раздул их до умопомрачающих размеров. За что их хватал Митька, уже не важно, главное, что все чувствовали себя в чем-то виноватыми и были готовы понести самое суровое наказание. Воспользовавшись этим, я просто выстроил всех в одну шеренгу, встал на чурбачок и с самым грозным видом рявкнул:

– Ну, мужики!.. Смотрите у меня! На первый раз всех прощаю. Но не дай бог кто попадет в кутузку вторично... даже не знаю, что я с вами сделаю!

– Благодарствую, батюшка сыскной воевода! – хором грянули «уголовнички», кланяясь мне в пояс. – Ужо не подведем! Дай бог здоровычка тебе и твоей милиции!..

Я распахнул ворота. Счастливое воссоединение истосковавшихся сердец вызывало сентиментальную слезу. Я еще подумал, что, пожалуй, и вправду в семейной жизни что-то есть... Даже завидно немного было глядеть, как заботливо бабы разбирают своих мужиков. Кое в чем Горох был прав... вот закончу это дело, обязательно женюсь. В смысле, начну понемножку приглядываться к местным девушкам. Не

такие уж они и дуры, наверно. Маркеса, конечно, не знают, Чеховым не увлекались, Рильке не цитируют, но во всем остальном, возможно, и не совсем безнадежны. С другой стороны посмотреть, а чего это я так привередничаю? Откуда у простого лейтенанта милиции, да еще младшего, такие капризы? Здесь жена должна уметь щи варить, полы мыть, рубашки вышивать крестиком, а знать отличие Чайковского от Чуковского ей без надобности. Ну и что с того? Нет, надо все же о будущем подумать... Я давно привык мыслить реальными аспектами бытия. Назад дороги нет. Или я научусь жить в гармонии с этим миром, или должен уйти из него. Уходить некуда, разве только на небеса. Следовательно, придется учиться жить, а значит, обзаводиться женой, детьми, домом и всем, что к этому прилагается. Временное жилье у меня есть, если попрошу, царь обяжет плотников за две недели поставить мне отдельный особняк. Работа тоже есть, переквалификация не потребовалась, платят хорошо и регулярно. Честно заработанной платы вполне хватит на содержание семьи. Уф, еще одной головной болью меньше – решился, и с плеч долой!

– Митька!

– Тута, воевода-батюшка! Чего изволите, Никита Иванович?

– Я все тебе прощаю... – тихо и торжественно начал я. – Задержанные тобой лица на первый раз отделались внушением. Если захочешь кого-то арестовать вторично, предварительно получи у меня разрешение.

– Дык... они ж... сами! Рази ж я кого без причины под замок засуну? Я им, дуракам, и так и эдак – не понимают! Не ценят человеческого обращения... На улице мусорят, при бабах сквернословят, в кабаках пьют без меры, а уровень преступности так вверх и прет!

– Умница! Все хорошо понял. Вот из-за таких, как ты, нас и называют «менты поганые». А теперь бери в руки метлу и приводи в порядок территорию. Заодно заглянешь в поруб к боярину Мышкину, проверишь, как он там. Давай, трудись...

– И все?!

Парень не поверил своим ушам. Он наверняка ожидал самой страшной порки за свою суперактивную деятельность, но в этот день я слишком устал... Яга уже махала мне из окошка, а осчастливленный

наказанием напарничек бодро помахивал метлой, распевая во все горло:

– А полюбил Андрияшка Парашку!..

– На-кася, выпей, Никитушка! Да пей, пей, не вороти нос, знаю, что даю.

– Горькое... – поморщился я, ставя берестяной туесок на стол.

Жидкость, всученная бабкой, представляла спиртовой настой неизвестных мне трав. Приятное тепло растеклось по жилам, голова сама собой склонилась на грудь, глаза незаметно закрылись, а тихий, заботливый голос казался звучащим из такого далека...

– Приляг, приляг, касатик. Совсем ты у нас забегался... Вот часок поспишь, да как встанешь, как за дело-то возьмешься – в один миг со всем справишься! А теперича отдохни немного...

Я спал крепко, без снов. Отсыпался за долгую, полную приключений ночь диверсионной деятельности в логовище Кощея Бессмертного на Лысой горе. За дикое напряжение моей психики, едва выдержавшей перевоплощение человеческого тела в серого зайку. За весь несправедливый разнос у царя Гороха и необходимость участвовать в чьих-то политических играх. За нервотрепку, связанную с повальным арестом едва ли не четверти мирного гражданского населения вверенного мне города Лукошкино. За мою глобальную усталость, измотанное тело, взвинченные нервы, сердечные перегрузки...

– А-а-а-а!!!

От такого вопля пробудился бы и мертвый. Баба Яга, стоя у печи, тоже шарахнулась, едва не расколов горшок с горячими щами, который она тащила ухватом. Орал наш «труженик метлы».

– А-а-а-а! Пойма-а-а-ал! Сюда-а! Пойма-а-ал, Никита Иванови-ич! Гляньте-ка, кого я за овином излови-и-ил...

Я окончательно проснулся, встал, подошел к окну и... ахнул! Митька обеими руками держал за шиворот извивающегося дьяка! Филимон Груздев, собственной персоной, верещал что-то невразумительное, сучил ногами и всячески вырывался. Хотя дураку ясно, вырваться из медвежьих лап моего напарника попросту невозможно. Скорее та же Яга профессионально займется балетом, чем Митька выпустит из рук разыскиваемого преступника.

– Тащи его в дом! – приказал я.

– Пусти меня, аспид... – продолжал бултыхаться дьяк. – Не смей меня хватать, я особа духовного звания! Пусти, кобель здоровенный, сам пойду! С гордо поднятой головой, смиренно, аки мученики христианские...

Хм... судя по трепу – настоящий дьяк. Всамделишный, не поддельный, не какая-нибудь шамаханская иллюзия. Каким же образом он к нам попал? Меж тем задержанного доставили в горницу и усадили на стул. Митяй грозно встал за его спиной, дабы сразу пресечь все возможные попытки к бегству.

– Где был взят бежавший из царской тюрьмы гражданин Груздев?

– За овином, батюшка участковый. Я как порядок во дворе наводил, старался, значит, сил не жалеючи, так и слышу, будто что трещит... Думал, почудилось, перекрестился, а оно со всей мочи как – х-р-р-р! Ну словно кто полотно разодрал... Все, стало быть, ясно – враг нечистый!

– Рясой за щепку зацепился, рванулся и упал... – раздраженно пробурчал дьяк. – Вон дыра теперь какая...

– А вы помолчите пока. Понадобится – я сам спрошу. Продолжай, Дмитрий...

– Так вот и оно ж... Я метлу-то наперевес, иду на звук, захожу за овин, а там – он! Как увидел меня – зарычал, завыл дурным голосом, зубы редкие оскалил да как бросится...

– Что ж ты врешь, ни стыда у тебя, ни совести!

– Гражданин Груздев! – Мне пришлось хлопнуть ладонью по столу и возвысить голос. – Сядьте и прекратите выкрики в сторону работников милиции.

– Да ведь врет он, врет же, врет...

– Тока где ж ему со мной справиться? – скромно выгнул грудь довольный Митька. – Я ж его, долгополого, раз-два – и в стальной захват по вашей системе дзюдо! Вот он, беглый каторжник... У-у-у, а меня из-за него едва под суд не отдали! Шею бы ему намылить, да не могу – милицейская честь не позволяет...

– Ах, так? Вообще ничего не буду говорить!

– Гражданин Груздев, вы задержаны по подозрению в соучастии в краже перстня с хризопразом, сундучка с червонцами, в шантаже боярина Мышкина, неоднократных покушениях на жизнь работников

управления по охране правопорядка, вступлении в преступный сговор с шамаханскими террористами, предоставлении им базового места жительства, побеге из тюрьмы и сопротивлении при повторном аресте. Достаточно?

– Легавые вы, легавые и есть... – задумчиво признал дьяк.

– Значит, будете говорить, – понимающе кивнул я. – Митька, дуй к царю, доложи о поимке опасного преступника, да не слишком преувеличивай свои личные заслуги в деле задержания. Передай царю, что через два часа Филимон Груздев поступит в его полное распоряжение.

– Слушаюсь, Никита Иванович! А... только как же я вас одного с этим отъявленным уголовником оставляю? Не ровен час, бросится да и укусит...

– Ничего, Баба Яга заступится. Выполняй приказание – чтоб через пару минут был обратно!

Парня словно ветром снесло. Бабка жалостливо посмотрела на дьяка:

– Есть-то небось хочешь?

– Муки голода претерпеваю смиренно, ибо сказано в Писании...

– Покормите арестованного, – разрешил я, вставая из-за стола.

Яга быстро сообразила миску щей, краюху хлеба, большой пирог с капустой и кружку кваса на третье. Дьяк Филимон уписывал за обе щеки, благодарно похрюкивая. Я чувствовал, что моя прежняя версия, о его главенстве в этом деле, дает первую трещину. Этот человек слишком неуверен в себе, труслив, скандален, чтобы составить столь долговременный и тщательно разработанный план. Не все так просто...

– Гражданин Груздев, если вы поели, то напоминаю: за вами придут уже через час. Если вы откажетесь сотрудничать со мной, то царские палачи будут учить вас откровенности на дыбе. Итак?

– Ни в чем ни повинен! – твердо стоял на своем дьяк Филимон.

Ну, и черт бы с ним, я и так знал, что он действительно ни в чем не виноват, но ведь мог бы, гад, и помочь следствию! Пришлось брать его за уши, спасая упрянца как минимум от тюрьмы. Максимум – от разнообразных вариантов публичной казни, практикуемых в Лукошкине с высочайшего монаршего соизволения.

– Спрашиваю еще раз, вы знали о фактах злоупотребления служебным положением боярина Мышкина Афанасия Федоровича, отвечающего за надлежащую охрану казны?

– А то нет! Да ведь это любому дураку с первого взгляда ясно. Я давно хотел батюшке государю на него, вора бессовестного, донос писать. Он ведь каков гусь лапчатый – все себе так и прет... Однако все как-то недосуг, а тут еще ты со своей милицией...

– Значит, признаете, что шантажировали его? Если да, то с какой целью?

– Чего я с ним делал? Чтой-то слово какое богомерзкое...

– Вы требовали от него денег?

– Нет!

– Повторяю вопрос: не получали ли вы денег от гражданина Мышкина Афанасия Федоровича?

– Получал, – неожиданно признался дьяк. – Как же не получать, ежели дают. Он ведь какой человек? Широкой души, доброты намерений, жалости, щедрости и сострадания... Помогал он мне в дни бедствия, спасая от голода и холода. То денежку ссудит, то две, гривной мог пожаловать, а то и рубль серебряный жертвовал не скупясь – дело-то божеское. Я и брал, отчего не брать, когда дают?

– Странно, а сам Афанасий Федорович имеет на эту «благотворительность» другие взгляды. По-видимому, вам придется устроить очную ставку, но пока еще несколько вопросов. Как в вашем доме прописались шамахань?

– Не ведаю! Знать ничего о них не знаю, ибо нехристи они волосатые. Избави меня Господи от одного их названия, да чтоб и духу энтих поганых язычников не было на нашей святой земле, чтоб...

– Не увиливайте от ответа!

– Слышь, ты, сыскной воевода, ежели у меня в дому кто и шастал, так я о том не знал. Вот те крест святой – не знал! Я ить тружусь, аки пчелка небесная, – с утренней зарей на работу в думный приказ, весь день в хлопотах, на вечерней заре уж еле ноги волоку. Домой являюсь затемно, перекушу чем Бог послал, помолюсь Николе Угоднику, да в постелю жесткую так не раздеваясь и падаю. А что мне за труды сии адские? Хоть бы слово доброе кто молвил...

– Итак, – подытожил я, – с ваших слов можно предположить, что в ваше отсутствие в вашем доме в вашей личине мог свободно

разгуливать ваш двойник из шамаханов.

– Можно, – важно согласился дьяк.

Несмотря на постоянную ругань, упреки и угрозы в адрес милицейского управления, ему ужасно льстило, что вот он – в центре внимания, его спрашивают, его мнением интересуются, он, возможно, даже жертва жестоких политических махинаций... Незаконно репрессированный, так сказать борец за веру. Кое в чем он темнил... Деньги с боярином они наверняка просто делили по договоренности. Предположить, что дьяк и шамахан успешно подменяли друг друга, так ни разу и не столкнувшись, тоже было весьма проблематично.

– А не было ли у вас в последнее время каких-нибудь странных снов, провалов в памяти, необычайных происшествий?

– Жизнь моя в последние годы печальна сверх всякой меры, – тут же поддержал благостную тему умасленный дьяк. – Тружусь на благо Отечества со страшной силой, аки лев рыкающий бросаюсь на дела служебные, ночи и дня не разделяючи... Встанешь, бывало, а не помнишь, чего вчера было. На службу прихожу, так младшие писцы все удивляются: «Чего ж вы, Филимон Митрофанович, о прошлых делах хлопчете, все уже давно решено усильями вашими безмерными!» А я так и не помню, что когда подписывал... Голова кругом идет, одна мысль движет – полезным быть государю-батюшке.

– Ясно... Продолжайте, пожалуйста, – ободряюще предложил я, быстро переглянувшись с Ягой.

Бабка незаметно подмигнула, похоже, мы одновременно подумали об одном. Шамахан, обхаживая дьяка в соответствии с украденной мной характеристикой, видимо, что-то ему подмешивали... Какой-то сильнодействующий наркотик, провоцирующий долгий сон и провалы в памяти. Бедняга мог спать весь день, а в это время шамахан в образе думного дьяка Филимона Груздева обделывал свои делишки. Только так разрозненные кусочки мозаики вставали на свои места. Только так шамахан могли шантажировать боярина, устроить поддельных богомольцев на подворье Мышкиных, рыть подземный ход прямо из дьяковского подвала, ходить вместо него на службу, получая доступ к самым секретным документам, имея, таким образом, возможность осуществления заговора на самом высоком уровне. Цель? Организация мятежа, быстрая атака мобильными отрядами, дезориентация

ополчения, военные смуты и беспорядки, а в результате – свободное взятие агонизирующего города. Если все это действительно спланировано в рабочем кабинете Кощея Бессмертного, то мы имеем дело с новым преступным гением. Так разработать сложнейшую операцию, с привлечением кадровых специалистов шпионажа, магией перевоплощения, учетом подмены должностных лиц, предвидением событий... Я начинал проникаться глубоким уважением к противнику. Нет, при первом же случае посажу как миленького! Он делает свое дело, я – свое, просто всегда приятно бороться не с заурядным воришкой, а с опытным представителем уголовного мира. Дьяк все нудел о своей недооцененной роли в жизни всего прогрессивного человечества. Пришлось вернуть его к действительности.

– Напомните мне, пожалуйста, как и за что вас задержали стрельцы.

– Как? Среди бела дня навалились на базаре ярыжки кабацкие и давай руки крутить. Уж я кричал, возмущался, грозил даже – ни в какую! Их ярыжное дело нехитрое, за столом сидеть, речи крамольные слушать да болтунам подливать... Дальше стрельцы указанных в оборот берут. Ну, а меня-то за что сцапали?!

– Записал. Вас задержали ярыжки, а дозорные стрельцы, приняв с рук на руки, отвели в царскую тюрьму?

– Истинно так... А по дороге оскорбляли всячески, в загривок напинали и слова обидные говорили, дескать, я – супостат переодетый! Ну, тут я опять же в крик – неправда, дескать! Не я это был, не меня видели, не мной грех совершен... Не слушали. Так в погреба каменные и запихали. Ну, да лично царь-батюшка с ними еще разберется...

– Царь Горох говорил, что спускался в подвалы, для того чтобы лично учинить допрос, но не смог. Вы были настолько пьяны... Он не сумел добиться от вас ни одного членораздельного предложения!

– Ну... тут такое дело... – замялся дьяк, – я и сам-то ничего не знаю... Ведь тверез был аки стеклышко! Капли хмельного в рот не брал. А как тока надежда государь двери-то распахнул, меня ровно как туманом накрыло... Все вижу, все понимаю, все рассказать хочу – ан нет! Язык не ворочается, руки не служат, ноги не держат, в голове такая бесовская музыка – хоть святых выноси... Вот и ушел спаситель мой несолоно хлебавши.

– Странно... Мы еще вернемся к этому вопросу, а зачем же вы бежали из тюрьмы?

– Я бежал?! Да сразу назавтра заявился парень ваш милицейский, ни слова не говоря – хлоп меня в лоб! Я человек хрупкий, работой измученный, питанием не избалованный, мне много ли надо? Как брякнулся, так ничего и не помню. В себя пришел у вас на дворе, за овинном. Вона, посмотри, шишка какая! А Митька твой, хриstopродавец, тотчас хватает за шиворот да орет, что поймал. Ну, думаю, опять бить будет...

Царские стрельцы заявили через полчаса. Мы передали им задержанного гражданина Груздева, пояснив, что он уже дал необходимые показания как ценный свидетель и нуждается в усиленной охране.

– Ужо сохраним, – пообещал мне старший, – не сомневайся, сыскной воевода, вдругорядь не сбежит. В самое глубокое подземелье засадим, цепями прикуем да стражи бдительной в три раза против прежнего поставим.

– Именно это я и хотел услышать... Да, а не захватите ли заодно боярина Мышкина? Мы все собирались сдать в тюрьму и его, но как-то все руки не доходят.

– С превеликой охотой, участковый, ежели мы вместо одного ослушника двоих притащим, начальство в огорчении не будет. Эй, ребята, берем всех!

– Митька, проводи стрельцов к порубу.

Дальше пошло веселее... Едва увидев дьяка, конвоируемого царской стражей, боярин Афанасий Федорович сдуру решил, что истинный преступник найден, а он, невинная овечка, полностью оправдан. Ошалев, таким образом, от радости, Мышкин бодро бросился вперед и, ухватив под длинную бороденку Филимона Митрофановича, начал трепать ее немилосердно:

– Попался, вражий сын! Да меня из-за тебя, кобеля пестрого, в холодном порубе гноили, обвинениям бесчестным предавали, перед людьми позорили, пытками истязали бесчеловечно! Сей же час перед государем всю правду расскажешь, или я тебе, пескарю сушеному, все волосья-то повыдергиваю!..

Дьяк взвыл дурным голосом. Стрельцы настолько удивились боярской прыти, что даже отступили. Подозреваемый Мышкин всюду тузил подозреваемого Груздева, а тот, не имея боевого опыта рукопашных схваток, старался плюнуть ему в лицо, прилюдно обзывая боярина боровом и недопеском. Драка была недолгой, но результативной. Митька растаскивал хулиганов, как двух сцепившихся мартовских котов. У долговязого служащего думного приказа был подбит глаз и не хватало полбороды. Дородный начальник охраны оказался весь исплеван, а рукав рубахи висел на одной ниточке, почти оторванный зубами мстительного дьяка. Стрельцы, качая головами, разделились надвое и, связав драчунам руки, повели обоих к царю. Я велел Митяю отложить уборку двора, поздно вато уже, вечер на носу.

– Никитушка, ты бы рассказал мне, старой, что удумал. По лицу твоему вижу – на опасное дело в ночь собрался. Уж не погнушайся моим мудрым разумением, поделись бедой, глядишь, и советом помогу...

– Да вот мучает меня один вопрос: если не боярин и не дьяк помогли шамаханам проникнуть в город, то кто? Кто стоит в самом начале этой заварухи?

– Дык известное дело кто, – не сразу уловила бабка. – Кощей же Бессмертный и есть. Он мог в Лукошкино под чужой личиной заглядывать, шпионов своих здесь оставить, заговоры состроить...

– Все так... Но меня не покидает ощущение, что во всей этой грязи прячется кто-то еще. Там, во дворце Кощей, я обнаружил интересные документы: подробнейший план города и исчерпывающие характеристики на трех небезызвестных вам лиц. Один умер (сам или с чьей-то помощью, пока несущественно), двое отправились в тюрьму, а перстень с хризопразом так и не найден.

– Дался тебе этот перстень...

– Он был главной уликой против пребывающих в Лукошкине шамаханов, поэтому его украли в первую очередь. Но если камень действительно как-то проявляет себя в присутствии темных сил, то его мог стащить только обычный человек. Шамахан бы себя выдал. Значит, был некто неизвестный, который вхож в высшие помещения царских палат, имеет доступ лично к государю и готовность за солидную компенсацию предать собственный город.

– Ох и правда твоя, Никитушка... Ты бумаги-то эти, где наши герои описаны, царю не отдал?

– Нет, он и так про них все знает.

– Тогда дай мне почитать, а ты уж продолжай свой рассказ, дюже он интересный...

– Детективный жанр вообще очень популярен, – улыбнулся я, доставая из внутреннего кармана кителя сложенные вчетверо листки. – Ничего нового, но посмотреть стоит. Если исходить из этого текста, то наиболее подходящей кандидатурой был бы покойный казначей Тюрят, но о мертвых либо хорошо, либо ничего. Мы предполагали главенствующее участие боярина Мышкина. Факты налицо: наглая кража сундучка, шамаханская молельня с подземным ходом, склад оружия и, как финал, пойман в тоннеле в пьяном виде.

– Так ведь стрельцы навряд ли его в боковом ответвлении нашли? – азартно ударила в полемику Баба Яга.

– Ну, свернул с бодуна не за тот поворот, и все... Совершенно спокойно можно убедить любого прокурора, что если бы не ошибка в движении по тоннелю, то гражданин Мышкин успешно выбрался бы за городскую черту, а там только его и видели! Однако показания боярина кажутся мне вполне искренними. Он может быть обвинен как пассивный участник, жертва умелого шантажа и собственной глупости.

– Так чего ж думать-то? Боярин ясно сказал, кто его в эту втянул – дьяк же и есть!

– До его задержания я тоже так думал. Но вы ведь слышали, что он рассказал в результате допроса. Нашего простодушного Филимона посадили на наркотики, используя как дешевую пешку. Уверен, что если мы произведем повторный обыск в его доме, то наверняка обнаружим посуду с остатками галлюциногенных препаратов.

– Тады зачем же они его из тюрьмы-то крали?

– Причины две. С одной стороны, окончательно убедить царя в его полной виновности, ибо люди с чистой совестью не идут на побег. С другой стороны, в наше отсутствие подготовить Митьку, бросив тень на всю милицию, и, зная горячий характер царя, можно надеяться на то, что он просто повесит моего напарника. Но все это на деле означало лишь одно – дьяк им уже не нужен! На него намеревались повесить все грехи, а потому спокойно забросили к нам за овин.

– Никитушка... – всерьез задумалась Яга, – а ить и вправду, кто ж за всем этим стоит? У нас ведь и подозреваемых-то больше нет.

– Есть! – Я ткнул пальцем в отложенные характеристики.

– Господь с тобой, сыскной воевода! – отодвинулась бабка, глядя на меня как на душевнобольного. – Ты чего несешь-то? Он же помер...

– Вот это я и хочу проверить. Давайте-ка сообразим самовар, а ночью мы с Митяем пойдем на дело.

– Куда?

– На старое кладбище...

...Мы вышли в полночь. При Лукошкине имелось два кладбища: старое и новое. Старое считалось престижным. Тюрю должны были хоронить именно там. Кладбище находилось за городской стеной, слева от столбовой дороги, ближе к лесу. Яга, после неудачных попыток меня отговорить, достала полотняный мешочек, положила в него золы, зашептала наговор, предупредила:

– На Митьку особо не надейся. Это он с живыми людьми храбрый, а покойников с косами небось больше смерти боится. Деревня, что и взять, они все поголовно суеверные... Вот, на мешочек заговоренный – как увидишь, что на тебя упырь идет да зубы скалит, так и дай ему оберегом промеж глаз! Сила в нем великая, ни одна нечисть кладбищенская ее не возьмет. Да помни, с первыми петухами домой ворочайтесь. Отдохнешь хоть немного, а там и караван шамаханский встречать надо... Ну да ладно, иди, сыскной воевода. Ох, а не на верную ли смертушку я тебя провожаю, сокол ты наш ясный?..

– Бабуля, мне только слез на дорогу не хватает.

– Не буду, не буду, Никитушка... А ты все ж таки береги себя. Молод ты, горяч, в самое пекло головой лезешь. И кто только придумал работу вашу милицейскую?..

– Это даже мне порой очень хотелось выяснить. Кто же он, тот трезвый умник, что сидит в теплом кабинете и пишет положение о патрульно-постовой службе. Причем именно для тех ребят, что мокнут под дождем, продуваются всеми ветрами, зарабатывая себе радикулит или остеохондроз. Те, кто пишет уставы, не думают о рядовых милиционерах. Эй, Митька, ты лопаты взял?

– Как не взять, взял целых три!

– Три-то зачем, нас же двое?

– Ну, не ровен час, одна сломается или прохожий какой заблудится, к делу припряжем, пусть оказывает посильное содействие органам.

Я только махнул рукой, бесполезно, горбатого могила исправит. Баба Яга понимающе вздохнула:

– Ладно уж, не серчай на него... А ты смотри, охальник, головой отвечаешь за Никиту Ивановича! Старое кладбище, оно ведь ох какое опасное... В старые времена там всех подряд хоронили, крещеных и язычников, злодеев да добрых молодцев, ведьмачек лесных и монашек невинных, пахарей, купцов да воинов. Не все души в мире жить могут, кое-кто так неуспокоенный и бродит...

– Бабы сказки! – нарочито уверенным тоном заявил мой напарник. – Мы с парнями по малолетству цельную ночь на кладбище проводили, храбрость свою девкам показывали – и ничего! Никто нам носы не пооткусывал.

– Тогда вперед. – Я сунул в планшетку царский приказ о самых высоких полномочиях, делаю, в общем, что хочу, и все это правильно. Очень полезная бумага...

Когда мы пришли к городским воротам и уговаривали стражу пустить нас ночью на кладбище, – она очень помогла. Ворота ради нас отпирать, естественно, не стали. Стрельцы вывели нас на стену и спустили вниз веревочную лестницу. Митька лез первым, я вторым, лопаты нам передали следом, на веревочке. В фиалковом небе светила полная луна, сияющими гроздьями горели звезды. Белокаменный город среди столетних лесов казался голубоватой декорацией кукольного театра. Меня вновь охватило чувство нереальности происходящего. Где я? В сказке? Да, в какой-то мере, несомненно, да. Все русские народные сказки получают здесь свое материальное воплощение. Но ведь люди, населяющие Лукошкино, – живые! Это вам не сказочные персонажи, не выдуманные образы, они – настоящие. Ссорятся, мирятся, работают, воюют, ходят в церковь и поют по кабакам, растят детей, строят избы – в общем, живут, как жили их предки, и передают свой опыт потомкам. Может быть, их мир совсем не сказка? Может быть, это я у них выдуманный герой бояновой былины? Как я и они находим пути общения, понимания необходимости друг в друге? Так в молчаливых размышлениях я брел по столбовой дороге, тупо глядя на маячащую впереди Митькину спину. До кладбища оказалось неблизко, мы протопали не меньше

километра. Оно занимало широченную поляну в окружении высоких сосен. Ограды, конечно, не было, памятников еще тоже, повсюду виднелись кресты, могильные плиты, а то и просто холмики без всяких опознавательных знаков. Должен признать, что какой-то зауспокойной жутью от этого места действительно веяло. Я не слишком суеверный человек, и триллеры с участием оживших мертвецов на меня особого впечатления не производили. Но все-таки именно здесь в душу прокрадывалась непонятная неутоленная тоска... Появись сейчас медленно плывущие среди могил призраки в белых саванах, со свечками в руках – я бы, возможно, испугался, но не удивился... Вот здесь, в это время и в этом месте, все было бы настолько естественно, что не вызвало бы даже изумленного вскидывания бровей. Вот-вот откроется могила и под лунный свет выйдет прекрасная девушка с черной веревкой на шее... Или старый ростовщик, высохший до самого скелета, но еще пытающийся перебирать пальцами несуществующие монеты. Призрак знаменитого купца, потерявшего все деньги на неудачной сделке, разбойника, зарывшего свой клад у заветного дуба, монаха, тайком предававшегося греху чревоугодия, витязя, умершего от ран после дальнего похода... Однако, несмотря на мои кладбищенские фантазии, никто не появился нас пугать.

– Где тут свежие могилы?

– Да вон, направо плита стоит совсем новехонькая, может, там его и положили...

– Мить, а почему у тебя голос такой тонкий стал?

– Как тонкий? Какой такой тонкий? С чего это тонкий вдруг? И не тонкий совсем...

– Ладно, бери лопату и не бойся.

– Да кто боится, кто боится?! Вот, пожалуйста, вам лопата, мне лопата...

– А мне? – раздался тонкий голос за нашими спинами.

Должен признать, что подпрыгнули мы оба. И обернулись тоже оба, с завидной скоростью. Только я в защитную стойку японского каратэ, а мой спутник прямо на колени, истово крестясь и приговаривая:

– Чур меня! Чур меня! Спаси и сохрани, Господи, меня грешного...

Потом мне стало стыдно, волноваться, в общем, было не с чего. Позади нас мирно улыбался седой как лунь дедушка, в простой рубаше, подпоясанной веревочкой, залатанных штанах, на ногах лапти. На призрака не похож, не прозрачный, на мертвеца вроде бы тоже, трупным запахом не тянет, выражение лица самое добродушное.

– Здравия желаем, дедушка.

– Здравствуй и ты, сыскной воевода.

– Ого, – искренне удивился я, – а откуда же вы меня знаете?

– Так ить кто ж тебя, участкового, не знает, – пожал плечами старик. – Ты уж погонами своими милицейскими на все Лукошкино прославлен, а земля, она слухом полнится. По делу пришел али от безделья маешься?

– По делу, дедуль, по делу. Я так понял, вы тут вроде смотрителя... Не подскажите, где тут могила покойного казначея Тюри?

– Отчего не показать, могилка рядом, только недоброе это место. Время за полночь, да и луна на небе полнехонька. Ты ведь сюда не зазя с лопатами заявился, копать небось вздумал? Зря это, зря... Чего ищешь – все одно не найдешь, а коли других разбудишь – беды не миновать!

– Послушайся старого человека, воевода-батюшка! – неожиданно зачастил молчавший до этого Митяй. – Старые люди, они – мудрые. Плохого не посоветуют. Бежим отсюда, пока ноги держат, а? Не ровен час, и вправду какой упырь из-под земли выползет...

– Прекратить панику! – построже рявкнул я, поднимая его за шиворот. – А ну быстро лопату в руки и марш выполнять приказ. У меня есть серьезные основания полагать, что в гробу вместе с покойным похоронен и царский перстень с хризопразом. Более надежного укрытия придумать невозможно. Показывай могилу, дедушка. Будем рыть! Всю ответственность за эксгумацию трупа беру на себя.

Старичок не стал спорить, а быстренько проводил нас к еще одной свежей могиле, над которой возвышался мореный деревянный крест. Никаких поясняющих надписей не оказалось, но я почему-то был уверен, что мы попали правильно.

– Здесь?

– Здесь, – кивнул старичок, – не сомневайся, а только позволь еще раз слово молвить – зазя ты это затеял.

– Очень может быть... – тихо согласился я и, перехватив лопату поудобнее, с размаху вонзил ее в невысокий холмик.

– Господи, спаси! Божья Матерь – не покинь! Иван Воин – заступись! Никола Угодник – не дай пропасть! – продолжал бормотать мой напарник, бледный как полотно, но честно работающий лопатой.

Дедок тоже постоял, постоял, а потом, поплевав на ладошки, вступил в дело третьим, так что уже минут через пятнадцать показалась крашенная крышка гроба. Только благодаря невероятной силе Митьки, удвоенной желанием завершить все побыстрее, мы извлекли гроб из ямы. По земле вроде как пробежала дрожь, потянуло холодом, и где-то далеко страшно закричала ночная птица. Луна приобрела желтоватый оттенок скалящегося черепа. Сосны встревоженно зашумели ветвями, казалось, все вокруг возмутилось нашим неуважением к праху умершего...

– Так что, будем открывать?

– Естественно, ради чего тогда мы его выкапывали? Дедуль, отойди в сторонку, мы крышку подцепим. Навались!

Под двухсторонним напором крышка подалась, и я уложил ее сбоку. Дальнейшие события развивались очень динамично. Как я седым не стал, ума не приложу... Митяй, тот до утра заикался, потом его Яга отварами травными отпоила. Ну, а началось все с того, что труп казначея Тюри лежал в гробу лицом вниз!

– Ничего не понимаю, у вас что, в Лукошкине всех так оригинально хоронят?

– Грех так шутить, Никита Иванович... Крещеный человек в гробу не переворачивается, смиреннько лежит. А этот носом вниз, ровно упырь какой...

– Давай его перевернем. Помогай, помогай, не укусит. Надо все как следует проверить.

Вдвоем мы неуклюже уложили труп на спину. Дед-смотритель расположился неподалеку, присев на кочку у сосны.

– Дедушка-а! – снова заволновался Митька. – А вот то, что он в гробу задом кверху перевернулся, так он, случаем, не упырь? Я в деревне слышал, будто так упыри в могиле, не как люди, лежат. Может быть, нам ему кол осиновый в сердце вбить, пока не поздно? Для этой... как ее... запомнил... о! Профилактики.

– Нет, сынок, это не упырь. Упырей, что кровью да мясом человеческим питаются, ты и не видел еще. Не бойсь, ночь, она длинная... – успокоил старичок.

Ничего не скажешь, своеобразное чувство юмора... Мог бы и не издеваться над парнем, у бедняги и без того зуб на зуб не попадал. Я-то сам в районном морге разных трупов насмотрелся, нас туда на

практику водили от школы милиции. Нервы в этом плане покрепче... В общем, обыскивать мертвеца пришлось мне, этот двухметровый чистоплюй едва в обморок не падал. Результат нулевой. Вопреки ожиданиям, царского перстня с хризопразом на покойнике не было.

– Еще одна красивая версия лопнула. Жаль... Ну что ж, Митяй, давай крышку, будем закапывать его обратно.

Счастливый помощник мгновенно взялся за дело, мы установили крышку на место, аккуратно вогнали в прежние дыры гвозди и уже были готовы опустить гроб в яму, как в нем явственно что-то зашевелилось...

Ну и, естественно, все пошло по новой. Митька опять бухнулся на колени от великого перепуга, страстно молясь всем известным святым. Старик вновь покачал головой, бормоча что-то насчет «недоброго» дела, времени и места. А мне оставалось лишь подавить свой страх невероятным усилием воли, выпрямить подогнувшиеся колени и вопреки всему вновь взяться за лопату.

– Не... м... над... м... – размахивая руками, пытался протестовать мой напарник, но язык явно отказывался ему повиноваться.

– Надо, Митя, надо. Встань сбоку и держи лопату наготове, если он, в смысле труп, выскочит – бей поперек хребта! Силы у тебя хватит, а с переломанным позвоночником еще никто не бегал. Вставай, не бойся, я с тобой... Готов?

– Щас... в... гот... в воево-о-да-б-а-тюш... – парень начинал заикаться, но дело свое делал.

Эх, предупреждала же Яга, что деревенские все такие суеверные! Лопату в руках держит, как боевой топор, а сам бледный, и губы трясутся... Ничего, справится, в трудную минуту на него все-таки можно положиться. Очень на это надеюсь... Боже! Крышка вторично слетела с гроба. Мы одновременно замахнулись лопатами. Ничего... из гроба никто не встал. Просто тело покойного опять перевернулось вниз лицом. Облокотившись локтем на гроб, я пустился в логические размышления.

– Значит, по неизвестным нам причинам труп не хочет лежать спокойно. Почему?

– Э...э...э...шм...у...и...и...и... – попытался что-то промычать Митька, но я заткнул ему пасть, чтоб не отвлекал своим идиотским

заиканием от правильного сопоставления фактов.

– Насколько мне известно, казначей Тюрю был христианином, то есть крещеным. Уж насколько хорошим, судить не мне, для этого на небесах иные инстанции. Но всех крещеных хоронят лицом вверх. Отчего же он упорно переворачивается?

– Ш...шм...х... эт...т...

– Не перебивай! Слушай, а ведь я где-то недавно слышал, будто в гробу только нечисть переворачивается. Это не ты говорил? Ну, не важно... Значит, мы можем предположить два варианта: либо Тюрю был представителем какой-нибудь нечисти (что весьма спорно), либо...

– Да, ша...а...м...х...н, эн...то, ш...шам...х...н!

– Митька, пожалуйста, помолчи! Решение где-то на поверхности, я его нутром чую. Либо это вовсе не казначей, а шамахан под его личиной. Вот оно! Это и есть дедуктивный метод...

Митяй страдальчески всплеснул руками и покорно кивнул, ожидая новых распоряжений.

– Сними с него штаны, проверим. Яга говорила, что при любом перевоплощении у шамахана не исчезает поросычий хвостик.

Вдвоем мы поднапряглись и стянули-таки тяжелые узорчатые штаны, бесстыже заголив труп. Хвост был налицо! Я утомленно выдохнул и попросил Митяю вновь закрыть гроб. Уф... ну и дельце провернули, врагу не пожелаешь. Однако результат превзошел все ожидания. Значит, казначей Тюрю на самом деле жив! Он инсценировал свою смерть, разыграв сложнейшую партию, как по нотам. Он знал, что я буду это расследовать, и сумел изобразить самоубийство, признанное впоследствии убийством с возложением вины за все на совершенно неповинных людей, пешек, которыми он манипулировал. Значит, именно Тюрю стакнулся с шамаханом, в полном соответствии с имеющейся на него характеристикой, и принял на себя роль основного резидента. Он попытался после первого же допроса спалить наш терем, он подготовил шамахана для периодической замены дьяка, он избежал продолжения расследования, «отойдя в мир иной», он руководил всеми действиями разветвленной вражеской сети в городе, до сих пор успешно скрываясь от правосудия. Ладно, хитромордый вы наш, завтра поговорим...

– Закапываем обратно!

Мы с Митькой было взялись за лопаты, но в этот момент сидящий у сосны дедок вскочил на ноги и заорал в полный голос:

– Берегись, сыскной воевода!

Обернулся я вовремя. Достаточно вовремя для того, чтобы успеть с размаху вогнать черенок лопаты меж чьих-то оскаленных зубов. Дальше была драка... Грязная уличная драка, без правил, без предубеждения, просто на выживание – кто кого! На нас напали мертвецы, каких успешно показывают в американских фильмах ужасов. Бледные, с пустыми горящими глазами, в отрепьях сгнившей ткани и плоти... но совершенно невероятной силы и упорства. Я был атакован сразу тремя, Митька, поскользнувшись, рухнул в тюринскую могилу, а сверху на него тут же сполз гроб с телом липового казначея. Еще четверо ловко вылезали из-под осыпающихся холмиков, протягивая костлявые руки в нашу сторону. Я дрался с отчаянной безысходностью, не считая врагов, не ощущая усталости, не имея возможности даже позвать на помощь. Мертвецы падали, лишь когда лезвие лопаты отрубало им голову, на потерю иных конечностей безжизненные тела не реагировали. Двоих я завалил, третий почти оторвал мне рукав кителя, четвертый схватил за грудки, смрадно дохнув на меня трупным запахом и... с воем свалился наземь, тут же рассыпавшись в пригоршню серого пепла. Остальные на мгновение замерли. Этого мне хватило, чтобы понять, что, собственно, произошло... Ладанка Бабы Яги! Та самая, которую она собственноручно повесила мне на шею. Маленький полотняный мешочек на кожаном шнурке, наполненный заговоренной золой или чем там не знаю еще, заставил ожившего мертвеца окончательно и бесповоротно обратиться в прах. Я отшвырнул лопату, сорвал через голову ладанку и перехватил ее за шнурок на манер ремня с пряжкой.

– А ну подходи!..

Первый повернувшийся ко мне гад, получив мешочком в лоб, отлетел в сторону уже облачком пепла. Дико заорав, я сам бросился на врага, бешено размахивая новым «оружием». Дальше – больше! Мертвецы сыпанули кто куда, я гонялся за ними между крестов, памятных камней и могильных плит, щедро раздавая удары направо-налево. Полчаса спустя все кладбище было усыпано серым пеплом... Я грохнулся рядом со вскрытой нами могилой в совершенном изнеможении. Едва отдышался, ноги и руки казались свинцовыми,

пальцы намертво сжали бабкину ладанку, перед глазами плавали разноцветные круги, поэтому знакомый голос из могилы показался таким далеким...

– Б-б-батю...шка Н-ни-ки-ит-т-т... Ив...но...в...

– Вылезай, – прохрипел я.

– А он-н-ни... уш...л...ли?

– Ага, отправились по домам. Вылезай, тебе говорят...

Из-под гроба показалось бледное, как поганка, лицо моего напарника. Я подал ему руку. Митька на карачках вылез ко мне и с мольбой заглянул в глаза. Я молча кивнул... Все нормально, парень, без обид. Ты тоже меня выручал...

– Геройский ты мужик, участковый! – высунулся из-за ствола сосны знакомый дед. – Я уж думал – разорвут они вас на клочки и по ветру пустят... А ты, вона как, не заробел! В твоей милиции все такие?

– Все, дедушка, все... Спасибо за предупреждение. Я едва обернуться успел. Как вы только согласились на такую работу? Если эти твари разгуливают здесь, как по собственной квартире...

– А мне-то чего бояться? – хитро улыбнулся старичок. – Вы бы, ребяташки, домой шли, вона небушко-то светлеет. Пока до города доберетесь – первые петухи запоют. Да и мне пора. Нам ведь тоже долго среди живых нельзя...

У меня язык присох к гортани. Митька закатил глаза и попытался изобразить аристократический обморок, но не сумел. Деревенщина – что возьмешь?

– Перстня царского здесь не ищи, в городе он, у шамаханов. Теперь все от твоего разумения зависит. На чины не гляди, за правду стой, в нужную минуту не оплошай. Удачи тебе, сыскной воевода...

Дед становился все прозрачнее и прозрачнее, тая на глазах, на прощанье помахал рукой и совсем исчез.

До Лукошкина мы добрались очень быстро. Бегом! Только лопаты забыли на старом кладбище, но вернуться и забрать нас уже не заставила бы никакая сила...

Баба Яга дала Митяю две рюмки настойки, и парень уснул. Я ограничился отваром валерианового корня, спать лягу позже, надо было выговориться. Яга слушала внимательно, не перебивая...

– Да, чего только нет на белом свете... Много разного про старое кладбище говорят, но, чтоб такие страсти там разгуливали, я и слыхом не слыхивала. Видать, ты в рубашке родился...

– Просто повезло. Без вашей ладанки пропал бы. Теперь о главном. В гробу похоронен не сам Тюря, а задушенный шамахан в его подобии.

– Значит, он все-таки жив?!

– Не просто жив, а руководит всей преступной организацией. Он умело верховодит шамаханской группировкой, он планирует операции, подставляет уже не нужных ему лиц. Как тонко он обвинил в собственной «смерти» боярина Мышкина! А отданный нам на расправу дьяк Филимон? Ведь если бы не проверенная практика работы следственного отдела, то оба были бы давно казнены! Царь долго размышлять не любит, а «виновные» представлены таким количеством «неопровержимых» улик, что у самого привередливого судьи не осталось бы никаких сомнений.

– Что же теперь делать-то будем? – задумчиво поинтересовалась бабка.

– Брать его надо. Я думаю, что если Кощей Бессмертный действительно намеревался завладеть Лукошкином, то он приехал сюда под любым видом (купец, посол, крестьянин, богомолец), выявил троих, наиболее отвечающих его плану. Выделил среди них одного, убедил, подкупил, дал в распоряжение террористическую группу шамаханов и, четко поставив цель, добивался захвата города руками казначея Тюри. Если мы сумеем его найти, задержать и обезвредить, заговор провалится. Кощей просто не успеет перестроиться. Орда шамаханов уже в пути, караван передового отряда будет в столице к обеду, остановить операцию невозможно. Теперь мы способны справиться со всеми проявлениями агрессора, но оставлять в тылу такую хитрую лису, как Тюря, было бы непростительной глупостью.

– Все так, Никитушка, а только где ж ты его брать собираешься?

– У него дома.

– Чего? – Баба Яга аж рот открыла от удивления. – Да нешто он такой дурак, чтобы у себя же дома прятаться?

– Наряды стрельцов периодически обходят весь город, в народе о смерти казначея знают, стоило бы ему появиться хоть где-нибудь, поднялся бы такой шум... Шутка ли, покойник воскрес! Шамаханские базы у боярина и дьяка мы накрыли. Тюря должен откуда-то

руководить своими людьми. Лучшего места, чем собственный дом, он и придумать не мог. Кто пойдет туда его искать, если совсем недавно его вынесли оттуда ногами вперед? Я убежден, если мы со стрельцами нападём врасплох, то обязательно обнаружим в тереме тайное убежище, где и скрывается злоумышленник.

– Я с тобой пойду, – твердо решила Яга. – Сама стрельцов предупрежу, а ты поспи пока, наберись сил. На опасное дело идем, все силы понадобятся. Вот выпей-ка, уснешь сразу же, а через три часа встанешь бодрый да свежий. Отдохни, Никитушка, послушай меня... А я пока тебе китель твой пострадавший залатаю. Не след участковому милиционеру с оторванным рукавом задержание производить...

Я не стал спорить и через несколько минут спал сном праведника. Время летело незаметно... Проснулся я сам, как по будильнику. Защитый китель лежал рядом на лавке, бабка так умело справилась с неразрешимой для меня задачей, что даже швов не было видно. Сама чинила или наколдовала чего, не берусь судить. Я выглянул в сени. Митяй спал, свернувшись калачиком, его лицо было по-детски наивным и простодушным, он улыбался во сне. Не хочу его будить. На арест Тюри мы с Ягой отправимся сами. За дверью послышались голоса, я вздохнул и вышел на крыльцо. Баба Яга принимала под свое командование полусотню стрельцов. Все правильно, больше нам и не надо. Пришлось вернуться за кителем, пора...

– Здравия желаем, сыскной воевода! – поклонился старший стрелец. – По приказу государеву мы в подчинении твоём полном. Что делать велишь?

– Выдвигаемся строем к дому покойного казначея Тюри. Все прочие указания – по прибытии на место...

Отряд безоговорочно развернулся и потопал вдоль по улице. Мы с Ягой пристроились чуть сбоку, бабка, на что уж старая и хромая, а не отставала ни на шаг. Шли молча. Я понимал, что, возможно, веду людей на смерть... Если Тюря действительно скрывается у себя в тереме, то выкурить его оттуда будет не проще, чем выволочь медведя из берлоги. Ему есть что терять, он себе на шею столько статей повесил, что еще и «сопротивление при аресте» уже ничего не изменит. Вышка ему и без того обеспечена. Я не кровожаден по натуре, даже совсем наоборот, но то, что сделал этот человек, наполнило меня такой яростью... Он – вор! Ладно, воровал бы

понемногу, набивал бы свой карман, заботился о семье – это еще как-то можно понять. Но возглавить заговор с целью уничтожения целого города?! Я читал, я знаю, что делали дикие кочевые племена с мирным населением... Сколько крови, боли, слез намеревался продать этот алчный мерзавец незаконным шамаханам – убивающим, насилующим, грабящим, поедаящим человеческое мясо – тварям! Если суд приговорит его к расстрелу, я тоже попрошу себе ружье.

На воротах тюринского терема нас встретил большущий замок. Лично меня такой удар просто сразил, но более опытные стрельцы барабанили в ворота до тех пор, пока во двор не вышел заспанный конюх, тот самый, что обнаружил тело «хозяина» висящим в петле. Старик яростно чесался, словно весь был покусан клопами или месяц не ходил в баню.

– Чего надо-то? Нету никого...

– Милиция, – пояснил я, отодвигая стрельцов в сторону. – Мне необходимо поговорить с женой вашего хозяина.

– Так ведь нет их, – удивился конюх, – еще вчерась поутру съехали. Хозяйка детишек собрала, дворню всякую, девок, бабок, няnek да холопов. Все добро в узлы навязала, четыре воза загрузили, ну и двинули на север, в деревеньку родительскую.

– С чего бы это так внезапно?

– Да вот и я о том же подумывал... – охотно пустился излагать свою точку зрения заскучавший работник лошадиного хозяйства. – Однако вдовица наша в голос кричит, что, дескать, без мужа ей жизнь в столице не мила. Мы-то меж собой поначалу думали, успокоится хозяйюшка, в себя придет, чего ради с насиженного места в глухомань деревенскую рваться? Опять же дом-то какой, а? Рази ж такое богатство по доброй воле оставишь? Ан она свое гнет! Будто бы ей сам муж-покойник по ночам является... Весь в белом, лицо такое смиренное, и мысли разные мудрые ей вещает. Что, дескать, обязательно надобно со всем скарбом к родителям ейным, подале отсюда ехать. Токмо когда она с ребятишками себе в деревне-то дом купит да за упокой его три ночи в тамошней церкви отстоит, тогда душа казначейская покой на небесах обрести сможет! Вон оно как... Мы-то поначалу думали – бабские бредни, но, однако ж, девки дворовые тоже этот призрак видели. Поутру от испуга не поседели едва...

– Калиточку отворите, пожалуйста, – вежливо попросил я.

– Ох, совсем из головы вон, – бросился извиняться конюх. – Ты уж прости, сыскной воевода, заговорился я. Вот, проходи, пожалуйста. Так о чем это мы? А, ну вот, значит, я себе и думаю...

– Взять его! Связать, кляп в рот, и пусть отдохнет в тенечке. Всем прочим – оцепить здание.

– Все исполнено, как велено, – доложил старший.

Я вместе с Ягой обошел весь дом, со всех сторон окруженный стрельцами. Все в порядке, стоят плотно, мышь не проскочит.

– Ну что, Никитушка, в дом-то пойдём? Пора ить брать его, супостата.

– Ничего не выйдет, – попытался объяснить я, причем больше самому себе. – После рассказа конюха наши первоначальные планы немного меняются. Уверен, что при обычном осмотре мы его не найдем. Уж если даже домашние, знающие этот дом как свои пять пальцев, не додумались, что призрак тоже надо где-то жить... Стрельцы – надежные ребята, но в деле розыска опыта у них – кот наплакал. Надо ждать, пока он сам вылезет...

– Да с чего ж ему лезть-то? У него, поди, в комнатке тайной и еды, и питья, и припасу всякого загодя заготовлено. Может, ему терем поджечь?

– Стыдитесь, бабушка!

– Чего мне стыдиться-то? – возмущенно уперла руки в бока Баба Яга. – Как он нам шамахана подослал мой терем поджечь – так пожалуйста? Ему, значит, – можно, а мне – нельзя?! Где справедливость?

– Но мы – работники милиции...

– Нет, ты мне скажи, где справедливость?

– Батюшка сыскной воевода! – вовремя прервал наш диспут подбежавший стрелец из царевой гвардии. – Государь за вами послал... Спешное дело! Караван с южной дороги показался. Царь просит не мешкая прибыть.

– Так скоро? – поразился я. – Чтоб ему пусто было, этому каравану!

Еще одна накладка... По моим планам, ему следовало прибыть после обеда, ближе к вечеру, чтоб мы успели разобраться с Тюрей. Теперь все придется менять, импровизируя на ходу.

– Бабушка Яга, поручаю вам арест преступника. Берите под свое командование весь отряд и постарайтесь в точности выполнять мои указания. Тюря наверняка знает время прибытия шамаханского каравана. Обязан знать! Он должен их встретить, уточнить детали операции у главных «купцов», передать последние данные по обороне города и скоординировать совместные действия. Он попытается выйти. Задерживайте всех, кто появится, арестовывайте хоть мертвеца, хоть призрака, хоть скелет говорящий. Тюря не должен уйти!

– Все сделаю, Никитушка, – серьезно ответила Яга. – Ты беги, за меня не беспокойся. Мы тут с молодцами в грязь лицом не ударим. Ежели надо, все на месте поляжем, а предателя не упустим.

Ближние стрельцы серьезно кивнули. Судя по суровым рожам, будут палить во все, что движется. Я развернулся и в сопровождении царского слуги поспешил на базарную площадь к купеческим подворьям. Караван должен будет пройти туда расположиться на ночь. Насколько я понимаю психологию захватчиков и террористов – они не рискнут напасть при дневном свете. В караване при всем желании не больше двух-трех сотен человек – горожане потопчут их даже без вмешательства стрельцов. Народ в Лукошкине решительный, всякого насмотрелся, внезапной атакой их не напугаешь, голыми руками не возьмешь. Шамаханы это знают и будут очень осторожны...

Царь Горох в боевом облачении ждал меня на одном из подворий. Мы поднялись на второй этаж, откуда было удобнее руководить операцией. Постоялые двory для иноземных купцов строились стена к стене, образуя огромную подкову, выход из которой закупоривался тяжелыми воротами. В случае смут, мятежей или иных беспорядков купцы просто «замыкались» в своем кругу и могли держать оборону хоть целый год. Времена были такие, каждый обязан был сам о себе позаботиться.

– Здесь пришлые останавливаются, – пояснял мне государь. – Те, кто давно с нами торгует, уже свои собственные подворья по Лукошкину расставили. А персов, что позавчера сюда приехали, мы с утречка вашей выселили, пуцай денек на базаре в палатках помяются. Потом извинюсь, подарков отсыплю, льгот торговых добавлю за беспокойство.

– Значит, сейчас подворье пустое?

– Ха... если бы. В каждом доме по сотне стрельцов сидит. Фитили зажженные, сабли заточенные, бердыши к бою налаженные. Как только во двор войдут, мы разом ворота на замок да как вдарим!

– Слишком много смертей... – поморщился я.

– Да ты в своем ли уме, участковый? – мгновенно нахмурился Горох. – Ты о ком жалеешь, за кого заступаешься? Да ты знаешь, какие они разоры творят? После шамаханских набегов земля по локоть кровью пропитана! Люди загубленные, ровно цветы смятые, на пепелище валяются... Да я всю дружину костями положу, но шамаханам спуска не дам!

– Об этом и речь... После того как мы замкнем кольцо, они поймут, что попали в безвыходное положение. Возможно, их удастся склонить к переговорам.

– Не ведаешь ты, о чем просишь... Еще раз повторяю тебе, неслуху, это ж – шамахань! Их бить надо, а не разговоры разговаривать. Вот как ударим врасплох, как пальнем из всех пищалей сразу да в сабельном бою покажем врагу, кто чего стоит...

– В караване верблюды и лошади, – упрямо продолжал втолковывать я. – Пули могут перебить беззащитных животных, а шамахань, поняв, что попали в засаду, будут биться как бешеные. Я хочу сохранить наших ребят. На подходе основные силы Орды, нам понадобятся все войска.

– С чего ты взял? Какая, к лешему, Орда? Мне не докладывали...

– Значит, в самое ближайшее время доложат. Я уверен, задача так называемого каравана состоит в том, чтобы сегодняшней ночью овладеть складами, пороховыми погребками, всеми жизненно важными объектами и удерживать их вплоть до подхода главной армии. Сколько времени надо конному войску, чтоб скакать от границы до города?

– День да ночь, – неуверенно буркнул государь.

– Значит, завтра они будут у наших стен. Мы не имеем права терять людей. Каждый человек на счету.

– Ладно, Никита Иванович, будет меня запугивать. Что ты предлагаешь?

– Надежа государь, вести спешные! – прервали нас. – Не вели казнить, вели слово молвить. Караван в город входит, пущать?

– А то нет? Пусть войдут, а как во дворе разместятся, так и ворота на запор!

– Еще грозная весть, царь-батюшка. У границы западной Орда Шамаханская показалась. Все конные, без обозов, скачут быстро, кабы не к завтраму у нас были...

– Слушай... – обернулся ко мне Горох. – Я вот одного не пойму, как ты смеешь со мной спорить?

– Но ведь я оказался прав...

– И об этом отдельно поговорим... Как ты осмеливаешься быть прав?! Ведь я – царь!

Согласно полученным указаниям, пограничные отряды не ввязывались в бой, а разошлись по флангам, беспрепятственно пропуская врага. Шамаханская Орда широким потоком хлынула в открытые «ворота», бодрым маршем спеша к столице. Гонец принес эти сведения с заставы царю, так что пока мы опережали врага на один ход, точно зная, как он поступит. В то же время шамаханский караван, примитивно заgrimированный под болгарских торговцев, вступил на купеческое подворье. Люди и животные заполнили широкое пространство пустынного двора; окружающие его дома, склады, террасы встретили гостей гробовым молчанием. Когда последний верблюд вошел внутрь, ворота захлопнулись. Царь Горох начал медленно поднимать руку, я понял, что сейчас произойдет. Мне не пришло в голову ничего более умного, как быстро выйти во двор, прогулочным шагом направляясь к пятерым наиболее важным «купцам».

– Здравия желаю. Младший лейтенант милиции Ивашов. Ваши документы попрошу...

– А... охранные грамоты? – догадался один и полез за пазуху. – Вот они: разрешение на торговлю, вот уплата пошлинная, вот список товаров, все честь по чести...

– Оружие, деньги, наркотики?

– Все есть, все привезли, не извольте сомневаться! – радостно включился в разговор другой.

Да... «купцов» они подобрали отменных – торгоши, каких свет не видывал! Ребятюшки, кого вы хотите обмануть...

– Почему так много охраны?

– Где много? Кого много? Да тут их раз-два и обчелся! – уже в четыре голоса хором загомонили «купцы». – Дороги опасные,

разбойники кругом, лихих людей мало ли?.. Да и вообще, охраны немного, просто шустрые, двигаются быстро, вот и дwoятся перед глазами!

– Еще скажите – троятся... – фыркнул я. – Попрошу всех немедленно сдать оружие.

– Это еще зачем? – переглянулись «купцы».

Краем глаза мне было видно, как напряглись остальные, мгновенно хватаясь руками за рукоятки сабель и кинжалов.

– Повальное разоружение всех приезжих. Отдельный указ царя. Оружие вернут к вашему отъезду, после удачной, надеюсь, торговли.

– Но... так не принято... – в вежливых голосах гостей зазвучали угрожающие нотки. – Любой человек вправе носить с собой средства самозащиты.

– Зачем? В Лукошкине вы в полной безопасности.

– Мы требуем назвать истинную причину!

– Хорошо, – согласился я. – Буду очень признателен, если вы сумеете выслушать меня достойно, без выкриков и эксцессов. Служба в милиции обязывает чутко относиться к каждому человеку в отдельности. Поверьте, я не желаю вам зла. Но порой предотвратить преступление гораздо выгоднее, чем дать ему свершиться и уж потом наказывать виновных. Мне бы хотелось прийти с вами к разумному соглашению.

– Оружие мы не отдадим, – взвизгнул один, самый молодой.

– Торговое подворье битком набито стрельцами. – Я снял фуражку и повертел ее в руках. – Если вы не подчинитесь приказу, начнется пальба. Половина ваших людей ляжет после первого же залпа. Перестроиться для обороны вы не успеете. Лошади и верблюды, испугавшись выстрелов, начнут сумасшедшую беготню и потопчут остальных. Не приведи Господь, в ваших мешках окажется порох... От одной шальной пули взлетит весь караван. Я никого не хочу запугивать. Я лишь надеюсь, что вы подумаете...

– Но... ведь ты, младший лейтенант, можешь и не дожить до первого выстрела, – угрюмо заключил другой, поглаживая клинок.

– Очень может быть... – грустно согласился я. – Как только моя фуражка коснется земли, стрельцы откроют огонь. Через минуту здесь будет кровавый ад! Вы убьете меня сразу или попросите пару минут на голосование?

Пятеро командиров отошли в сторону посоветоваться. Словно в подтверждение моим словам, из каждой щели торгового подворья высунулись граненые стволы стрелецких пищалей. Враг понял, что проиграл. Старший из купцов вернулся ко мне:

– С кем мы можем обсудить условия сдачи?

Я повернулся к тем окнам, за которыми прятался царь, и помахал рукой. Через минуту появились двое опытных бояр. Они быстро взяли переговоры в свои руки. Я вытер платочком выступивший пот... Можно было возвращаться. Где-то не очень далеко послышалась пальба. Боже мой, неужели у казначейского терема? Быстро пройдя стрелецкие заслоны, я рванулся к Бабе Яге. Прохожие так уважительно уступали дорогу, словно я бежал с включенной милицейской сиреной. На базарной площади, среди толкотни, скорость упала, но и тут вслед неслось:

– Смотри, смотри, дочка, вон участковый несется! Как быстро бежит, а?.. Небось ловит кого...

– Ату его, сыскной воевода, поддай!

– Ох и не повезет кому-то, когда поймает... Вон у милиции рожа какая красная...

С базара я действительно вырвался здорово взмокший. Нашему народу палец в рот не клади, при первом же случае так обласкают, от всей души, со всей заботой – хоть глаз не подымай...

Над тюринским двором медленно рассеивалось облачко порохового дыма, у ворот толкался народ, бурно обсуждающий происходящее за забором. Меня пропустили безропотно, хотя некоторые навязчиво ломались следом, слезно упрашивая меня разрешить им «пособить правоохранительному органу»... Когда они успели слов-то таких нахвататься – ума не приложу. Протиснувшись в калиточку, я бегло осмотрел поле боя. На поросшем травкой дворе валялось четыре трупа, все еще сжимающих в руках зубастые шамаханские ятаганы. Один стрелец сидел у забора, ему перевязывали руку, других пострадавших вроде не было.

– Тюря в доме, – подковыляла ко мне Яга. – Я сама его морду постную в окошке-то углядела.

– А это кто?

– Шамахань все, я уже проверила. Без личин, как есть в своем же обличье из дверей выскочили. Стрельцы-то залпом пальнули, да один

вон успел ножик бросить, зацепил плечо пареньку. Я пошептала, остановила кровь. Нож вроде не отравлен, до свадьбы заживет. Что теперь-то делать?

– А вот теперь... Эй, молодцы! А ну, сабли наголо! Тюрю взять живым, всех прочих – кроши в капусту. За мной!

У царских стрельцов был боевой опыт, да и злость взяла за раненого товарища. Они действовали ловко и слаженно, строго распределив обязанности. Двое дюжих бородачей с разбегу ударились в дубовую дверь плечом, попросту сорвав ее с петель и выломав засов с гвоздями. Они отработанно рухнули на пол, а в дверной проем залпом выстрелил десяток снайперов. Пока не рассеялся дым, четверо закаленных рубак нырнули внутрь. Зазвенели клинки. Меня деликатно попросили не путаться под ногами. Стрельцы, выхватив сабли, по двое скрывались в большом казначейском тереме, там шла ожесточенная рукопашная.

– погоди, участковый... – вцепилась в мой рукав Баба Яга, когда я вторично намылился в бой. – Там и без тебя управятся. Вот лучше скажи, ты сам рази не оставил бы себе лишний выход на случай беды?

– Понял, – сразу догадался я.

Конюшня! Там был обнаружен «самоубийца», туда легко прорыть ход из дома, оттуда можно прыгнуть в седло и верхом вырваться со двора. Как глупо, что после нахождения шамаханских тайных баз у боярина и дьяка я не додумался проверить подсобные помещения казначея. Надо все доводить до конца... Учили же! До конюшни я добежал первым, на свою голову... Двери мгновенно захлопнулись за моей спиной. Сзади, поигрывая ножом, стоял плечистый шамахан. В углу под ворохом сена чернел открытый люк, из него вылез еще один басурман, а следом показался и незабвенный казначей Тюря.

– Докопался-таки, ищайка участковая... Ну, вот он я. Арестовывать будешь или как?

– Арестовать всегда успеется, вам отсюда все равно не уйти. Сейчас стрельцы добьют ваших сообщников в тереме и подойдут сюда. Самое разумное будет сдать. Суд зачтет в вашу пользу добровольную явку с повинной...

– Ох и добр же ты, сыскной воевода... – с угрожающей лаской в голосе протянул казначей. – Одного я не пойму, как же ты на меня-то

вышел? Ведь все вроде бы как по маслу шло. Ни с того ни с сего стрельцы во двор бегут, терем окружают. Четырех шамаханов пустил, думал, возьмете – уберетесь, так нет. В дом ломиться стали. Я со старшими через лаз ухожу, а ты уж тут как тут, в конюшне дожидаясь... Может, скажешь перед смертью, где ж я ошибочку допустил?

– Пожадничали вы, гражданин Тюрю. Если б не прельстились Кощеевым золотом, то, возможно, по сию пору жили тихо и мирно, неспешно приворовывая из казны монетку за монеткой. Рано или поздно я бы, конечно, вас взял, но... Воровство – это не государственная измена.

– Замолчи! – взревел мнимый покойный, хватаясь за длинный нож. – Пусть моей голове на колу торчать, да только ты, собака легавая, этого не увидишь!

Шамахан, стоящий за моей спиной у двери, вдруг охнул и мешком повалился наземь. Тюрю изменился в лице. Я тоже не сразу понял, что произошло... В тяжелой двери дымились две сквозных дыры, словно кто-то прожег их на уровне глаз.

– Будь ты проклята, старая ведьма! – заскулил Тюрю, первым догадавшись, что это было.

Почти в ту же минуту из подземного хода показался усатый стрелец, его сабля была испачкана кровью.

– Не робей, воевода, щас пособим...

Шамахан пошел на него, завывая по-волчьи. Зазвенела сталь, оба противника оказались искусными фехтовальщиками. Я сдвинул брови и шагнул вперед:

– Гражданин Тюрю, вы арестованы, немедленно сдайте оружие и...

Казначей, нагнув голову, как баран бросился вперед, держа шамаханский нож обеими руками. Я принял его в болевой захват, но толчок был так силен, что мы, сцепившись, покатались по разбросанной соломе. Тюрю тяжело сопел и старался ткнуть меня ножом, а я упорно выкручивал ему руку. На деле он оказался не столь рыхлым, как казался внешне. От отчаяния в нем появилась сила. У меня тоже не было ни малейшего желания сесть на «бандитское перо», и в конце концов мне удалось его скинуть.

Шамахан, скрючившись, сучил ногами в углу, видимо, у него был распорот живот. Усатый стрелец, выронив саблю, зажимал

кровоточащую рану в боку. Дверь упала внутрь конюшни, словно сорванная взрывом. Мы с Тюреей обернулись... На пороге стояла Баба Яга, страшная, как ночной кошмар! Ее глаза горели красным огнем, и мне сразу стало ясно, что именно прожгло такие дыры в двери. Бабка только глянула на перепуганного Тюрю, как он упал на колени и начал необъяснимым образом съеживаться. Вот оно, настоящее колдовство... Я потихоньку начал к нему привыкать, хотя, конечно, совершенно привыкнуть к этому невозможно. Меньше чем за минуту бывший казначей оказался превращен в крупный мухомор с красной шапкой в белых шариках. Огни в глазах Яги слегка померкли, она резво подошла к одинокому грибу, подняв над ним ногу в новеньком лапте...

– Нет!

Я сгреб старушку в охапку, пытаюсь оттащить ее в сторону. Бабка вырывалась как бесноватая. Откуда только силы взялись?

– Пусти! Пусти, Никитка, не доводи до греха... Дай мне самой эту дрянь растоптать!

– Нельзя! Это самосуд... Мы не можем так просто уничтожить главного организатора всех этих преступлений.

– Он мне терем хотел поджечь, к тебе дважды убийцев подсылал, шамаханов в столицу напустил, заговор против царя строил... Ежели я сейчас его, гада, с землей не перемешаю, так сама от злобы задохнусь!

– Я все понимаю... Но нельзя! Когда милиция начинает сама изображать из себя правосудие, решать, кого карать, кого миловать, начинается беспредел! Я видел это в своем мире. Мы должны передать его в суд.

– Пусти, что ты за человек такой вредный? Вот ведь выгоню тебя со всем твоим отделением, куда пойдешь?

– Никуда, – улыбнулся я. – Кому же я такой еще нужен?

– И то верно... – вздохнула Яга, поправляя сбившийся платочек. – Сунь в карман поганку эту злодейскую. Пора ему пред ясные царские очи предстать.

Мы направили царю доклад сразу же, но аудиенцию у Гороха нам почему-то назначили лишь наутро. В принципе он по такому важному делу мог бы принять и не откладывая. Тем более что завтра ожидался подход Шамаханской Орды и времени на нормальный процесс было немного. Но один из бояр любезно пояснил, что государь повелел

поутру всем явиться в тронный зал для показательного суда над изменниками Отечества. Я так понял, что боярин и дьяк пойдут как соучастники. Горох скор на расправу, надо бы как-то смягчить его горячий нрав, Ягу попросить, что ли...

В тереме казначея оказалось шестеро шамаханов, еще двое, как я рассказывал, нашли свою смерть в конюшне. Погиб один стрелец, двое были серьезно ранены. Парень с порезанным плечом отделался малой кровью. Вернувшись домой, я аккуратно положил мухомор на полку. Бабка обещалась поутру вновь вернуть ему человеческий облик. До этих пор пусть пребудет в грибообразном состоянии, и нам спокойнее, и ему безопаснее. Баба Яга накрыла роскошный ужин. В этот раз она сама пригласила Митьку за стол. Он страшно обрадовался, засмутился, сбегал куда-то, явившись через пару минут в мятой, но чистой праздничной рубашке. Парень даже руки лишней раз вымыл, чтобы сделать мне приятное. Яга пошарила на полке, достала глиняную бутылочку и налила всем по маленькой.

– Ну что, герои, выпьем...

– За первое дело первого милицейского отделения города Лукошкино, успешно завершённое нашей оперативно-следственной группой! – предложил я, присутствующие кивнули и чокнулись.

Напиток напоминал густой ликер на основе малины, разных трав и еще чего-то необычайно душистого. Ну, крепость тоже была приличная...

– А что, батюшка Никита Иванович, стало быть, завтра суд?

– Да, Митя, завтра суд. Мы должны представить царю преступников, ограбивших его казну.

– Но ить... Дьяк-то не особо виноват. Да и боярин, ежели разобраться, больше по дурости своей в такое дело влез. Государь их наказать, конечно, должен, а только есть и повиноватее...

– Не всякую вину на плаху кладут, – подтвердила Яга, а я пожал плечами:

– По нашим законам только казначей мог бы схлопотать высшую меру, да и то вряд ли. Скорее всего, дали бы лет пятнадцать в колонии строгого режима. Дьяк наверняка отделался бы строгим внушением и парой лет условно. Степень вины Мышкина несколько выше, но едва ли тянет на пятилетнее заключение. Вышел бы досрочно за примерное поведение.

– Хм... Государь обычно не столь милостив к ослушникам. Уж поверь, Никитушка, не одна буйная голова завтра с плеч покатится...

– А куда денут караван пленных шамаханов? – попытался я поменять тему, рассуждения о завтрашнем суде наводили меня на грустные мысли.

– Знамое дело, на каторгу пойдут, – ответила Яга. – Болота сушить, пни корчевать, огневища жечь, землю под пахоту готовить, да мало ли... Знатных начальников на выкуп обменяют, от них все равно в работе толку нет. Горох, он ведь только в бою гневлив, а с пленными, опосля боя, отходчив.

– Ну хорошо, хоть массовые расстрелы у вас не практикуются. Как вы полагаете, завтра будет война?

– С Ордой, что ли? Не-е... Шамаханцы, они лишь наскоком храбры. Налетят к городу с шумом, лязгом, воем, начнут крики кричать, стрелы горящие метать, а толку? Ворота у нас надежные, из мореного дуба сбитые, железными полосами окованные. Стены толстые, высокие, так что басурмане побузят часок-другой, да в степь свою обратно и повернут. А уж лошадей будут гнать – куда быстрее, чем сюда мчались!

– Я тоже думаю, что нет. Орда должна дожидаться сигнала диверсионного отряда и под его прикрытием войти в город подземными ходами. А ничего этого не будет. Столица готова к обороне, ходы засыпаны, террористы задержаны, заговорщики с утра предстанут перед судом. Горох говорил, что пограничные отряды пропустят врага и ударят ему в спину, а царская гвардия сделает вылазку из ворот. Общими усилиями они погонят Орду с таким треском!..

– А все благодаря нам! – с тихой гордостью в голосе заключил Митька. – Если бы не милиция, быть Лукошкину под шамаханцами. Царь бы нам награду какую ни есть выдать должен. Батюшке участковому, к примеру, коня белого пожаловать. Бабушке Яге – корову дойную али курей заморских, а можно и павлина с перьями, я у них во дворе такого видел. Красивы-ы-ый! Вот ежели б с нашими хохлатками его да скрестить...

– Сам-то ты чего от царя хочешь? – улыбнулся я.

– Мне-то? Ничего мне не надо... Не за чины да награды старался, кровь свою проливал, жизни не жалел, смерти не боялся...

– Не вертись, балабол! А ить и вправду, скажи-ка нам с воеводой, чего б тебе хотелось?

– За-ради Отечества, при мысли о сиротах да старцах беззащитных, греховными почитаю и помыслы о наградах...

– Митька!

– Медаль хочу... – стыдливо вздохнул он, опуская глаза долу. – На шею повесить да в деревню к мамане, хоть на денек. Один я у нее, кровинушка... Пусть бы порадовалась, а то все бабы соседские непутевым дразнили. Заявился бы с медалью – все б так и ахнули! Вот вам и Митька непутевый! Мне самому не надо, мамани ради...

– Никитушка, – неожиданно дрогнувшим голосом зашептала Яга, – ты уж там попроси... Скажи, ежели царь ему эту медаль не даст, я сама ее сделаю да парнишке нашему на грудь-то и повешу. Нет такого закону, чтоб матерям огорчения доставлять! Пуцай у них в деревне хоть один герой с медалью объявится. Уж ты похлопочи, посодействуй... Ну их, энтих павлинов, только медаль пуцай даст.

Я молча кивнул. Какие они у меня славные... Что бы я без них делал?

– Ну что, еще по маленькой во славу российской милиции и... спать.

Когда бабка успевала стирать и гладить мою форму – неразрешимая загадка! Каждый вечер ложась спать, я складывал ее на скамью, каждое утро, просыпаясь, находил ее там же чистую и отутюженную. Наверно, все дело опять же в колдовстве. Видел я их утюги. Такие тяжелые, громадные, неуклюжие... На ногу раз уронишь – калека на всю жизнь. Хрупкой старушке в преклонном возрасте с таким вовек не справиться, значит, колдовство. Спустившись вниз, я застал Ягу, хлопотавшую у печки, не знаю, что уж там кипело в горшочках, но аромат был изумительный!

– Никитушка, давай скоренько за стол, надоть у царя пораньше быть. Пора нашу службу до самого конца справить. Ужо как суд решит, тогда и мы отдохнем. Я на все отделение такой пир закачу...

– Угу... а все отделение – мы трое. Ладно уж, после вынесения приговора преступникам посидим в узком кругу, как свои люди. Митька-то готов?

– Как всегда. Я ж говорю, он деревенский, до петухов вставать с детства приученный. Ну, вот и кашка по-лукошински с грибами да брусникой поспела. Бери ложку-то...

Завтракали быстро. От чая я отказался, сказывалось нервное перенапряжение последних дней. Потом выпью... все потом. Баба Яга аккуратно взяла с полочки мухомор, завернула его в платочек и положила в корзинку. Митяй дожидался нас во дворе, он был необычайно серьезен и собран. К царскому терему шли молча. Что-то недоговоренное давило на всех нас. Какое-то смутное, непонятное беспокойство тревожило изнутри, бредило, как заноза, перекатывалось холодным комком в животе и не давало дышать спокойно... Уже у самых ворот бабка обернулась и осторожно потянула меня за рукав:

– Пойдем отсюда, Никитушка... Не то здесь затевается, неправый суд вершиться будет. Кровь близкую чую, человеческую... Не по сердцу мне это.

– Поздно, уже пришли. – По правде говоря, мне тоже не хотелось идти на показательный фарс, но и отступить было некуда. – Младший лейтенант милиции Ивашов. Доложите царю.

– Предупрежденные уже, – расступились стражи. – Ждет вас государь, все проходите.

Мы поднялись в главный тронный зал. У входа под охраной стояли два «крупных уголовника» – боярин и дьяк. Увидев меня, они смущенно отвели взгляды, видимо, каждый все-таки чувствовал свою вину и отдавал себе отчет, что если бы вовремя во всем признался, то мог бы рассчитывать на серьезное снисхождение. Выражаясь их же языком – с повинной головы и волос не падает. Я подбадривающе улыбнулся...

Двери в залу распахнулись, и высунувшийся стрелец из царской гвардии громко оповестил:

– Государь приказывает сыскному воеводе войти и ответ держать.

Тут уж мы все трое недоуменно переглянулись. Но делать нечего, вошли. На этот раз кроме напыщенных бояр, восседающих на лавках, у трона Гороха стояло двое телохранителей. Лично я видел подобных гигантов впервые... Такими лапами лес валить без топора можно, гвозди лбом забивать, камни ногами в щебенку дробить. Сам государь

явно пребывал в самом суровом расположении духа. Это ощущалось всеми и невидимым прессом давило души.

– А ну подойди, сыскной воевода! Доложи-ка всем нам, как ты следствие милицейское проводил, как покражу из казны разыскивал, на кого вину за все дело возложить, кому ответ держать... Смело говори, ничего не бойся.

Лично мне все это показалось сущей ахинеей. Царь говорил каким-то «не своим» языком. Однако все смотрели на нас, на представителей первого отделения, поэтому я сделал шаг вперед, раскрыл планшетку и начал речь:

– Краже в государственной казне предшествовал заговор.

– Не может того быть! Брехня! Клевета! Хула! – слышалось со всех сторон.

Царь поднял руку, и в зале вновь воцарилась тишина. Я продолжил:

– Все нити преступления ведут к небезызвестному Кощею Бессмертному. Он давно планировал захват Лукошкина. В конце концов ему удалось завербовать себе постоянного резидента, который, в свою очередь, шантажом и обманом заставил работать на себя дьяка Филимона Груздева и боярина Афанасия Мышкина.

– Опять ложь! Не мог боярин знатного рода так себя уронить! Врешь, участковый!!! – вновь возмутилось наэлектризованное общество.

Горох поманил стрельцов, и в залу ввели заключенных.

– Вина их тяжела и доказана! Нынче же казнить обоих. А ты, сыскной воевода, поведай нам о том, кто их на кражу направил?

– Дело в заговоре, а не в краже. Кража сундучка...

– Не перечь государю! – неожиданно взревел Горох, вскакивая с трона.

Все аж пригнулись. Я пожал плечами и попросил у Яги мухомор. Она положила гриб на ковер перед троном, зыркнула по сторонам, плюнула на пол... Грянул гром! Перед нами сидел казначей Тюрю, протирая заспанные глаза. Бояре ахнули.

– Так он же помер! Преставился... Да не он это, поди, похож только. Опять милиция свои шутки шутит...

– Гражданин Тюрю, вы обвиняетесь...

Я не успел договорить, казначей посмотрел на царя и злорадно улыбнулся. Он встал, сделал пару шагов к трону, внимательно

разглядывая Гороха, а потом повернулся ко мне:

– Вот ты и проиграл, участковый. Да знаешь ли, против чьей воли идешь? Да ведаешь ли, кто перед...

– Казнить! – взвыл царь.

Дальше все произошло настолько быстро, что мы буквально обомлели. Один из молодцов, стоящих у трона, резво шагнул к казначею, схватил его за шею, сжал страшными пальцами, и, только когда раздался тихий хруст ломающихся костей, до меня дошло, что происходит. На безымянном пальце Гороха сияло золотое кольцо с зеленоватым смеющимся камнем. Вот он – перстень с хризопразом! Все сразу стало ясно...

– Митька! Хватай царя! Мышкин и Груздев, задержите телохранителей! Баба Яга, помогите им!

На мгновение из зала исчезли все звуки. Наступила абсолютная тишина... Первым шумом был звонкий подзатыльник, отвешенный раскрывшему рот Митяю.

– А ну, неслух, выполняй приказ сысканого воеводы! – рявкнула Яга, потирая ушибленную руку.

Дальше началось столпотворение! Наш парень прыгнул на Гороха, тот швырнул в него державой, не попал и, шипя, отбивался скипетром. Бояре дружно рухнули в обморок. Царские бугаи ринулись на выручку государю, но обезумевший дьяк подкатился под ноги одному, а бывший начальник охраны повис на шее у другого. Пока шла неравная возня, бабка громко выкрикивала заклинания. На шум драки прибежали стрельцы. Куча-мала покатила по полу. Я потерял фуражку, сбил кого-то, пытавшегося меня удержать, и рванул за трон. Там, завернутый в парчовое покрывало, неподвижно сидел связанный человек. Я потянул ткань... Царь Горох, собственной персоной, с кляпом во рту, со скрученными руками и ногами, повалился на пол.

– Все в порядке? – Я похлопал его по щекам.

Горох ответил мне бешеным взглядом. Я вытащил кляп и взялся за веревки. Кто-то из очнувшихся бояр сдуру замахнулся на меня посохом, но царь ловко пнул его ногой в пах, боярин повалился, а мы вырвались в зал. Горох вспрыгнул на трон, заорав, как пароходная сирена:

– Эгей, молодцы! Вяжи самозванцев! Я с вами, дети мои!..

С этими словами государь попытался «щучкой» прыгнуть с трона в гущу боя, но я удержал его ценой еще одной шишки на мою бедную голову. В зал ворвался целый отряд стрельцов с саблями наголо. Царь опомнился и начал, размахивая руками, руководить сражением. Мужики побросали оружие и, закатав рукава, пошли в рукопашную. Через пять минут победа была за нами!

Я окинул «поле битвы» беглым взглядом. На полу гора копошащихся тел, в основном стрельцы вперемешку с боярами, откуда-то снизу торчит обрывок рясы дьяка Филимона. В уголке Баба Яга, все еще что-то бормочущая, в позе кошки, увидевшей собаку. Царь Горох стоит слева от меня, в измятой рубахе, в атласных штанах и шерстяных носках, с синяком на скуле.

– Митька!

А в ответ тишина, он вчера не вернулся из боя... Тьфу! О чем это я?

– Митька!

– ...десь... атюшка... ыскной... оевода! – едва слышно донеслось из-под кучи-малы.

Мы с Горохом переглянулись и на пару взялись за дело. Где-то на середине был извлечен боярин Мышкин, намертво вцепившийся зубами в ногу расколдованного шамахан. Зубы пришлось разжимать ножом, а его жертву еще долго извлекали из-под полузадохнувшихся тел. Дьяк Филимон обнаружился еще ниже, он так крепко держал своего врага, также принявшего истинный облик, что их объятья скорее походили на интимно-супружеские. Сходство усиливалось длинной рясой дьяка и вызывающе торчащей сивой косицей. Предпоследним достали помятого и потоптанного Митяя. Как он вообще выжил под такой тяжестью? Но когда его подняли, то оказалось, что наш сотрудник припечатал своим пузом фальшивого царя. Благодаря заклинанию Яги все три шамахана лишились личин. Того, кто изображал нам Гороха, настолько расплющило, что его еле-еле откачали. Я вернул валяющуюся корону ее законному владельцу. Он мрачно принял от меня запылившийся символ верховной власти, собственноручно выправил погнутые зубцы и гордо водрузил головной убор набекрень.

– Ну, участковый... – Горох попытался что-то сказать, передумал, крепко, по-братски обнял меня и заскрипел зубами: – Шамаханов – на кол! Всех бояр – вон! Завтра разберусь... Подать мне доспех и оружие, не ровен час, Орда под стены пожалует.

Мы тоже вышли вместе со всеми. Митька отпросился в ополчение, «пострадать за Отечество»... Я махнул рукой – иди куда хочешь, но, если тебя убьют, на глаза мне не попадайся! Яга уцепила меня под локоток, и мы чинно отправились домой. Улицы Лукошкина были пустынные, как говорится: «Все ушли на фронт!» Мне уже ничего не хотелось... На кителе ни одной пуговицы, я их по полу собирал, нашел всего две. На фуражке кто-то сидел, теперь этот блин только на пугало одевать. На лбу шишка, то ли сам ударился, то ли стукнул кто... Еще локоть беспокоит, сгибать больно, придем, сниму рубашку, посмотрю.

До терема добрались быстро. Пока я раздевался, бабка за какие-то минуты растопила баню и отправила меня туда, сунув в руки чистое полотенце. Господи, какое блаженство... Баня – единственное спасение для усталого милиционера, только что свалившего с натруженных плеч тяжеленное дело. Я настолько разомлел в парной, что вышел к столу спустя не менее трех часов. В предбаннике меня дожидалась пара сменного белья, высокие красные сапоги, шелковая

рубаха, штаны и богатый кафтан. Все правильно, после драки мои вещи нуждались в стирке, штопке и глажке одновременно. А... все равно надо что-то надевать. Будем надеяться, до завтра помощь милиции никому не понадобится. Ну, смущаюсь я пока в таком наряде на людях показываться. Иван-царевич какой-то... с планшеткой через плечо!

А на столе стояли – пельмени... Бабка их так замечательно делает. Хотя... если бы сюда еще жареной картошки с кетчупом и сосисками, кофе с пенкой и настоящий российский шоколад... Как же я по всему этому соскучился! Может, попросить Ягу и она наколдует? Ага, картошку или кофе из Америки, которую, поди, еще и не открыли. Как изготавливают шоколад, тоже вряд ли объяснимо на пальцах. Ладно, все... здесь тоже хорошо кормят.

Мы уже пили чай, когда появился сияющий Митька:

– Погнали мы их, Никита Иванович! Всех как есть государь наш обратно и попер. Победа полнехонькая!

– Ты-то сам навоевался? – улыбнулся я.

– Не... – честно признал он. – Повоевать-то никому и не удалось. Шамаханцы как волной накатили, так и стали перед воротами, ровно ждут чего. А тут пушки со стен рывкать начали... Басурмане с коней падают, а от города не уходят, опять ждут. Потом большой отряд в тот лесок поскакал, ну, куда дьяковский ход вел, а остальные сдуру все под огнем стоят. Пушкари-то уж пристрелялись, так ядрышко к ядрышку и кладут. Откуда ж врагам знать, что мы те ходы давно позасыпали? К тому времечку, пока ихний отряд в оборотку вернулся, от головной орды едва ли не четверть намертво выбита! Повернули они коней, и давай бог ноги... А вслед ворота распахнулись, да царская конница в погоню сабельками замахала. Шамаханцы-то как наших увидели – еще сильней припустили! До самой границы будут гнать супостатов. А ить там еще полки пограничные в засадах дожидаются... Надолго мы врага от нашей земли отвадим!

– Вот и ладушки... – кивнула Баба Яга. – Садись, герой, позволяю тебе с нами чаю откусать. Хорошо рассказывал, честно, а я уж грешным делом подумывала, будто опять про свои подвиги врать будешь.

– Вечно вы так, бабушка... Да рази ж я когда врал?!

– Митька-а...

Под нашими насмешливыми взглядами он заерзал на скамье и вынужденно признал:

– Ну, иногда... дык... для пользы дела же!

Яга пододвинула ему ватрушку.

Тихая идиллия нашего чаепития была прервана стуком в дверь. Вернувшийся Митяй осипшим голосом доложил:

– Сам! Царь!

Баба Яга поняла меня с полувзгляда:

– Беги в свою опочивальню, Никитушка, вся форма твоя там уже дожидается.

Каким-то чудом я успел сгонять наверх, переодеться, слететь вниз и встретить государя, как раз когда он проходил в двери. Царя сопровождало четверо бояр в боевых кольчугах, следом топтались стрельцы из личной гвардии.

– Здравия желаю!

– И ты здравствуй, сыскной воевода. Вот, сам зашел, по-простому, по-соседски... Чаем-то угостишь?

– Присаживайтесь, ваше величество.

Я было пригласил к столу и сопровождающих, но они ответили мне такими высокомерными взглядами... Вам же хуже! Горох расселся на лавке, приняв от Яги большую кружку с ароматным облепиховым чаем.

– Все понимаю, все знаю, как на меня набросились мои же стрельцы, повязали, тряпку в рот засунули, да один в меня же и превратился – все принимаю. Так и было. Шамаханцы, они на самый рискованный шаг решились, лишь бы по-своему все повернуть. К ним у меня претензий нет, они враги. К своим дуракам – тоже, они царя на троне видели и служили ему верно. А вот как же ты догадался, что не я перед тобой?

– Человека выдает не только его внешность, но и жесты, характерные словечки, манера двигаться, смеяться, даже просто молчать. Шамахан изо всех сил старался изобразить присутствующим настоящего царя так, как он это понимал. Но его представление о вас и вы – это две разновеликие величины. С такими актерскими данными парень не прошел бы даже в любительский театр.

– Но остальные-то поверили?

– Они привыкли к перепадам вашего настроения. И потом, этот врожденный комплекс – кто на троне, тот и царь! Я смотрю проще... Ну, а самое главное, перстень с хризопразом. Я был уверен, что он у Тюри. Значит, перед арестом казначей успел передать опасную вещь кому-то из шамаханов. Главное, чтобы она не попала в руки человеку, а тут сам «царь» носит на пальце «украденный» у него же перстень, который все ищут, и молчит! Все прочее на уровне интуиции...

– Ладно у тебя получилось, – подтвердил Горох, протягивая руку за плюшками. – Выходит, не соврал ты мне – и вправду обучен воров ловить. Врага мы прогнали. Покражу нашли. Виноватого тоже, да вот только он за свое предательство уже и без нас получил. Зачем же они убили его?

– На всякий случай, он мог ненароком выдать сообщника. Тюрю по одному перстню сразу понял, что «царь» поддельный, и его убрали.

– С остальными-то чего делать посоветуешь?

– С кем? – переспросил я.

Творилось что-то невероятное... Да чтобы Горох стал спрашивать мое мнение по вопросу казнить-миловать?! Такое нельзя упускать...

– Дьяка стоит припугнуть и хорошенько загрузить работой, чтоб впредь не лез куда не просят. Боярина Мышкина отправить в ближайшую деревню на пару-тройку лет; если поумнеет, то впоследствии пристроить к какому-нибудь не очень сложному делу. Они оба оступились, но полны раскаяния и героически дрались за вашу милость во вчерашней попытке дворцового переворота.

– Будь по-твоему, – кивнул государь. – А для себя-то чего просишь?

– Ничего.

– Не скромничай, сыскной воевода, бери, пока даю. Чего хочешь?

– Медаль для Митьки, – вспомнилась мне просьба Яги. – За отвагу или заслуги перед Отечеством.

– Зачем такому богатырю еще и медаль? Ну да ладно, будь по-твоему. Завтра же дам приказ – выковать. Для себя проси.

– Не надо. Ничего не надо, я же у вас на жалованье. Это частные дела оплачиваются отдельным порядком. Лучше потом, когда будет побольше свободного времени, вы побеседуете со мной насчет планов развития материальной базы милицейского отделения в городе Лукошкине.

– Хорошо. Смотри же, я спрашивал... – Царь Горох поднялся, сунул в карман недоеденную плюшку и, попрощавшись, вышел вон...

– Так дадут медаль али нет?

– Дадут, – успокоил я. – Дело закончено. Остается лишь подробно описать все, что было, подшить мои записи из планшетки и сдать все в архив.

Через пару часов в дверь вновь постучали. Извиняясь за столь поздний визит, молодой дьяк думного приказа, в сопровождении двух стрельцов, доставил мне свеженький приказ от царя. Читал я вслух, так как написанное касалось всех. Опуская положенные титулы и пышные предисловия, сразу перехожу к главному:

– «...на подворье нашем новый терем поставить, дабы отделение милицейское завсегда под рукой было».

– Уходишь, стало быть? – мгновенно поникла Баба Яга. – Ну, знамое дело, приказ... Иди, иди, не держу. Опять же без тебя так спокойно было... Небось оно и к лучшему. Буду грибы солить, вареньем запастись, саму себя в «дурачках» оставлять. Ох и жизнь начнется! Только о себе думать буду... Пока не повешусь от скуки...

– Да бросьте вы! Куда я отсюда поеду? Кто меня при дворе такими пельменями кормить будет? Управление останется здесь – и мне проще, и казне экономия. Эй, Митька, дальше про тебя: «...молодцу Дмитрию Лобову медаль выдать из чистого золота с надписью „За особые заслуги“». Опосля чего жалуем ему денег пять рублей и от работы в отделении освобождаем. Пуцай к себе на деревню возвращается, пост старосты по чину берет да с жителями тамошними по закону управляется».

– Поздравляю, деревенский староста!

– За что обижаете, батюшка воевода? – напрягся Митяй, в глазах здорового парня стояли слезы. – Почто гоните? Где вина моя? Чем неугоден стал?!

– Опомнись, балда, кто тебя гонит? Царь медаль тебе дает и должность самостоятельную. Это же прямое повышение, карьерист ты недогадливый! Радоваться надо, представляешь, как матушку осчастливишь?

– Не хочу я... его медали. И в деревню не хочу... и старостой не буду! Я милиционером стать хочу! В отделении работать,

преступников ловить, народ от лихих людей защищать. Не гони меня, батюшка... Христом Богом тебя прошу – оставь на службе!

Вы не поверите, мы еле-еле его успокоили... Несчастливого Митяя трясло, его била нервная дрожь, он едва ли не ревел от незаслуженной «обиды». Кончилось тем, что я дал самое честное слово, поклявшись никогда не отпускать его с работы в отделении. В общем, пропуская несущественные детали, скажу – Яге была пожалована корова, две тонкорунных овцы и право изъятия любых пищевых продуктов с царевой кухни. Мне предлагался в награду «...добрый жеребец с государевой конюшни, шуба с царского плеча и кольчуга богатая венецианской работы...» Спасибо, очень приятно...

Утром меня разбудил петух. Убью! Если Баба Яга не сварит из него суп, я просто возьму тяжелую царскую саблю и буду гонять этого гада по всему двору, пока не зарублю. Никакого уважения к работникам милиции...

– Никитушка! Вставай, сокол ты наш ясный...

Ни за что! Я завернулся в одеяло с головой, не буду вылезать, у меня законный выходной.

– Вставай, вставай, голубь... Не забыл, чай, царь тебя сегодня ждет. Боярышень пригласил, пировать в честь победы будут, а тебе смотрины ненароком устроят. Посидишь, поглядишь, послушаешь, да и выберешь себе душеньку по сердцу...

Вот уж тут я встал! Елки-палки, он все-таки это устроил... Ну, надежда государь, удружил, ничего не скажешь! Вовек твоей доброты не забуду, с меня причитается...

– Батюшка воевода!

– Митька! Ты как посмел? – тут же напустилась Яга на моего напарника.

Он мгновенно нырнул обратно за дверь и уже оттуда продолжил:

– Там купцы у ворот! Покорнейше просят принять, покража у них страшная...

– Зови! – обрадовался я.

Никаких смотрин, никакой женитьбы, служба! Служба, господа! Все нормально, все хорошо, все при деле...

– Никитушка!

– Что?

– Ты уж как будешь купцов-то слушать, меня из горницы не гони. Я-то сразу угляжу, который из них врет.

– Как же можно? – Я дружески приобнял бабку за костлявые плечи. – Мы теперь одна команда. Оперативный отдел. Работаем вместе, согласно штатному расписанию. Митька, дуй к Гороху, скажи, что у меня новое дело, пусть к обеду не ждет. Потом рысью назад. Бабуля, зовите пострадавших!

Если бы я знал, чем это дело закончится, – ни за что бы за него не взялся.